

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Омар Андреевич Хайям

Рубаи. Полное собрание

Эта книга уникальна прежде всего принципиально новым взглядом на поэзию Омара Хайяма. В ней развенчивается привычный образ Хайяма, сложившийся в Европе за полтора столетия, и читателю предлагается открыть великого поэта заново. Уникальна она и другим: никто, никогда и нигде не переводил его стихи в таком объеме (более 1300 четверостиший). Игорь Андреевич Голубев, поэт, прозаик, переводчик с фарси, посвятил работе над этой книгой более 36 лет. Во вступительной статье И. Голубев излагает свою расшифровку тайного учения Хайяма по намекам, рассыпанным в четверостишиях.

version 1.0 – создание документа – Tibioka

Омар Хайям

Рубаи

Полное собрание

Тайнопись Омара Хайяма

Омар Хайям... Универсальный гений такого же масштаба, как Леонардо да Винчи, и родившийся так же несвоевременно. Ему в истории повезло еще меньше. Ни одно из его важнейших научных открытий не было понято современниками, потому и не сыграло никакой роли в общечеловеческом прогрессе. Построенная им величайшая в мире обсерватория была закрыта еще при его жизни. Разработанный им точнейший календарь был вскоре вновь заменен традиционным. Написанные им стихи соответствовали мышлению совершенно другой (нашей) эпохи, а потому не пользовались популярностью и уцелели благодаря буквально нескольким почитателям с «извращенным» вкусом, чудом находившимся в каждом столетии. Творчеству Баха пришлось сто лет ждать признания... Творчеству Хайяма – семь с половиной столетий.

Немного истории

Более 140 лет назад на литературном небосклоне Европы вспыхнула неожиданная звезда. Стихи чужеземного поэта, о котором на Западе никто и не слышал, кроме редких специалистов, преодолели толщу многих веков и заговорили на чужом языке, засверкали среди чуждой им культуры. Английский поэт-переводчик Эдвард Фитцджеральд, говоря языком тогдашних репортеров, в одно прекрасное утро проснулся знаменитым.

Его «Рубайят Омара Хайяма»[1] был вольным переводом. Пристрастный отбор четверостиший, произвольное толкование их, для связности сюжета собственные стихотворные вставки – все это позволило ему из сотни рубаи

(самостоятельных стихотворений, по 4 строки в каждом) создать связную поэму. Задумчиво пирующей герой поэмы и диковинная обстановка вокруг него прекрасно соответствовали сказкам «Тысячи и одной ночи», уже полюбившимся англичанам. Блистательная поэма Фитцджеральда издается в англоязычном мире по сей день. Более того, в других европейских странах слава Хайяма начиналась переводами не с фарси, а с английского – переводами этой самой поэмы. Каким-то чудом Фитцджеральд сохранил загадочность Хайяма, дал ощутить глубину его духа. Читатель чувствует: загадка – та, мировая, неразрешимая, которая встает перед каждым из нас; а Хайям ее решил. Глубина – та, что отпугивает всех нас; а Хайям высветил ее до дна. И хотя Фитцджеральд создал Хайяму репутацию трагичного весельчака и пьянчуги, якобы призвавшего «ловить миг» и не думать о будущем, хотя эту нечаянную клевету поневоле подхватили переводчики его поэмы на другие языки, хотя такое представление о Хайяме стало считаться само собой разумеющимся, – но картинами ли бесшабашного застолья так привлекает нас древний поэт?

Очевидно, что прежде всего – одним неистребимым ощущением: он разгадал некую великую тайну, он сообщает нам ее разгадку, мы силится его понять, перечитываем, подходим совсем близко – и не понимаем.

Кто же он был такой, Гияс ад-дин Абу-ль-фатх Омар ибн Ибрахим Хайям Нишапури? Ответ европейским читателям прояснялся медленно, десятилетиями. Жил в XI–XII веках. О первой половине его жизни не известно ничего, о последних годах – очень мало. Поэт, математик, философ, астролог, астроном, царедворец. Ему покровительствовали сельджукские властители Ирана Альп Арслан и его сын Мелик-шах, его поддерживал их знаменитый визирь, ценитель

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org наук и искусств Низам аль-Мульк (1017–1092)... Сохранились его философские трактаты, написанные столь же великолепным языком, как и работы Платона, но явно лукавые, никак не выдающие его истинных взглядов. Обнаружились и его работы по математике, потрясшие ученых XIX века тем, что он, оказывается, в своих изысканиях лишь на 150 лет отстал от них – опередив свое время, следовательно, на шесть столетий! Известен и вроде бы им написанный трактат «Науруз-намэ» – фейерверк блистательного юмора. И в то же время – ни единого признания в этих текстах, что он действительно писал стихи, ни единого клочка бумаги хоть бы с одним четверостишием, записанным самим Хайямом или кем-нибудь из его друзей. Свидетелями выступают только более поздние поколения, которые охотно коллекционируют крамольные стихи – и в то же время дружно указывают обличительными перстами на Омара Хайяма как на их автора.

Одна из легенд поведала такое. Хайям родился в Хорасане, в деревушке возле Нишапура. Около 1042 года поступил в хорасанское медресе, где сдружился с двумя сверстниками; по предложению Омара они поклялись: тот, кому повезет в жизни, обязан помочь и остальным двум. Повезло Абу-Али Хасану, который стал визирем (канцлером) сельджукского властителя, столь мудрым и удачливым, что заслужил прозвище-титул «регулятора державы» (Низам аль-Мульк). Товарищи напомнили ему о себе, и он сдержал юношескую клятву. Омар ограничился тем, что попросил в свое распоряжение налог со своей родной деревни, дабы там, «под родной кровлей, вдали от превратностей шумного света, мирно заниматься поэзией, которая восхищает мою душу, и предаваться созерцанию Творца, к чему склонен мой ум».

Третий же из них, честолюбивый и завистливый Хасан Саббах, стал интриговать против своего покровителя, мечтая занять его место. Многоопытный Низам аль-Мульк превзошел его во встречных интригах, и Саббах был изгнан из дворца. А дальше – уже не только легенда, но и исторический факт: он поскитался по сопредельным странам, в Сирии познакомился с учением воинственных исмаилитов и перенес его в Иран, где стал объединять недовольных правлением Сельджуков. Один из людей Саббаха зарезал по его приказу спящего Низам аль-Мулька. Через месяц умер, вероятно был отравлен, Мелик-шах... Саббах со своей сектой наводнил страну ужасом и убийствами, он успешно противостоял даже войскам султана Санджара, взошедшего на престол после Мелик-шаха... [2]

Но можно ли доверять легендам?... Век назад годом рождения Хайяма считался 1017/18 год (соответственно этой легенде – как ровесника Низам аль-Мулька); позже указывался 1040 год. По сохранившемуся в пересказе тексту, который считается гороскопом Хайяма, индийский ученый Свами Говинда Тиртха вычислил, будто Хайям родился 18 мая 1048 года, [3] и сейчас принято считать эту дату почти достоверной. Та же неопределенность и с годом его смерти. Называют то 1121-й, то 1123-й, то 1131 год: «В сообщении о Хайяме в „Доме Радости“ Табризи имеется следующее неполное предложение: „... в четверг 12 мухаррама 555 года в деревушке одной из волостей округа Фирузгонд близ Астрабада“. Индийский исследователь Говинди высказал предположение, что в этом предложении Табризи перед словами „в четверг“ недостает слов „он умер“ или другого выражения с тем же значением. Советские ученые определили, что 12 мухаррама пришлось на 4 декабря 1131 года. Именно эту дату следует считать наиболее вероятной датой смерти Хайяма» [4].

Однако обратим внимание: Саббах, родившийся в 1054/55 году, никак не мог быть соучеником Абу-Али Хасана, да и Хайям отнюдь не удалился в родную деревню, а стал придворным астрологом, строителем обсерватории и даже занял официальную и весьма почетную должность друга-наперсника шаха. Следовательно, уже ко времени Рашидиддина жизнь Хайяма обросла фантастическими легендами; очевидно, что ко времени Табризи, еще полтора века спустя, тем более. Не случайно к анекдотам о Хайяме, приводимым Табризи, исследователи относятся с большим недоверием. Так что рискованно доверять этой отрывочной фразе и считать год смерти Хайяма достоверно установленным.

Что же касается 1048 года рождения... Гороскоп этот нам известен по пересказу Бейхаки (1106–1174), который мальчиком был представлен старцу Хайяму в 1113 году, а на закате своей жизни написал воспоминания. Гороскоп был найден в бумагах поэта после его смерти, но было ли там прямо сказано, что это гороскоп самого Хайяма, – неизвестно. С другой стороны, тот же Бейхаки утверждает, что Хайям был учеником Ибн Сины (980–1037). Может, это надо понимать как заочное ученичество, по книгам покойного ученого?... Но вот свидетельство самого Хайяма. В «Трактате о бытии и долженствовании», касаясь одного сложного философского вопроса, он пишет: «Я и мой учитель... Ибн Сина... обратили внимание на этот вопрос, и, быть может, нами это обсуждение доведено до удовлетворения наших душ, удовлетворяющихся недостаточным при приукрашенной наружности» [5].

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org

Обратите внимание: «наше обсуждение». Как же тут исключить живое общение автора с Ибн Синой? И еще: вот если бы он сказал, что считает мнение Учителя совершенным и присоединяется к нему!.. Но здесь любопытное признание: наши выводы показались нам самим настолько интересными, что мы этим удовлетворились, хотя скорей всего красивыми словесами ввели себя в заблуждение.

Чтобы учиться у Ибн Сины, к 1037 году Хайяму следовало быть по крайней мере 18-летним, т. е. родиться не позже 1019 года.

И наконец, легенды – всего лишь легенды, но все они тянут в одну сторону. Например, утверждение, что прожил он 104 года. По свидетельствам, в 1113 году он был еще жив, к 1132 году уже умер. Следовательно, родился он между 1009 и 1028 годами. Вспомним и легенду о детской клятве. Если она хотя бы на треть правдива, тогда Хайям – ровесник Низам аль-Мулька. Далее. Табризи в «Тараб-ханэ» («Дом Радости») сообщает о переписке, в том числе об обмене четверостишиями, между Хайямом и Абу-Саидом Мейхени. Хотя это тоже легенда, она подкрепляется «документами» – цитируемыми стихами. Абу-Саид умер в 1048 году. Этой легенде также найдется оправдание, только если допустить, что Хайям родился хотя бы на 25 лет раньше.

Есть и другие доводы против 1048 года рождения. Так, Хайям был бы чересчур молод, чтобы в 1074 году числиться среди «лучших астрономов века», приглашенных Мелик-шахом для реформы календаря, и чтобы в 1080 году имам и судья провинции Фарс вызывал его на философский диспут, титулуя «царем философов Запада и Востока».

Так что трудно согласиться с такой датировкой. Возможно, это был чужой гороскоп, сохранившийся в бумагах профессионального астролога... Отбросив его как единственное противоречие, мы легко согласуем все остальные свидетельства и легенды, предположив годы жизни Хайяма примерно такими: 1017–1121.

Впрочем, «единственное противоречие»? Нет. По мемуарам Низами Арузи Самарканди (1110–1155), лично знававшего его, Хайям умер все-таки в 1131 году. [6] Но и здесь уверенности нет: сдвиг на 10 лет позволяет допустить ошибку при чтении полустертого текста: «я посетил могилу умершего 4 года назад...» – однако могло быть и «14 лет назад», стерлась цифра.

(Интересно, конечно, чей гороскоп, если не свой, мог хранить Хайям?

Предлагаю вам свою поэтическую версию: это гороскоп той женщины, трагическая любовь к которой описана в его лирических стихах. Если ей было под 30, а ему под 60 лет, сходятся буквально все детали!..)

Хайям был ученым, намного обогнавшим свое время. Однако судьба его научных работ оказалась печальной. Современники и последующие поколения поняли и восприняли только то, что соответствовало их уровню знаний: полезный для ювелиров трактат «Весы мудрости» – о способе определения цены золотых вещей, усыпанных драгоценными камнями, не вынимая камней, и «Необходимое о местах» – о четырех временах года и причинах различия климата в разных областях и земных поясах (мы этой работы уже не знаем). В народной памяти он сохранился как ученый-мудрец, персонаж нескольких фольклорных анекдотов. По совершенно другой линии шла память о нем как о поэте – среди немногих почитателей его слишком специфического, очень невесточного по духу своему таланта. Хайям никогда не числился среди великих персидских поэтов – пока Европа не восхитилась его поэтическим гением. Только тогда спохватились и в самом Иране...

Но мы отвлеклись.

Есть основания верить позднейшим хроникам, что Хайяму действительно покровительствовали Мелик-шах и Низам аль-Мулька и 18-летний период его жизни в Исфагане был счастливым и творчески плодотворным. Но после 1092 года, после убийства Низам аль-Мулька и смерти Мелик-шаха, когда началась междоусобица, когда вспыхнул резней и погромами религиозный фанатизм, преследуемый врагами Хайям даже совершил паломничество в Мекку, чтобы доказать приверженность исламу (впрочем, врагов это мало убедило), а по возвращении стал преподавать в Багдаде, в академии Низамийе, ведя жизнь суровую и замкнутую. Лишь много позже, после более чем 25 лет гонений, когда к власти пришел сын Низам аль-Мулька, Омар Хайям якобы вернулся в Хорасан, в родной Нишапур, где и провел последние годы жизни в почете и уважении. [7]

Собственно, если говорить о датировках, из достойных доверия документов мы можем почерпнуть очень мало, а именно: в 1074/75 году Хайям приглашен султаном Малик-шахом для строительства обсерватории; в 1079-м – он еще находится в Исфагане; в 1113-м – он еще жив; в 1132-м – его в живых уже нет. Вот и все!

Для читателя проблематично даже только определение основных вех его жизни. Исследователям стихов Хайяма еще труднее: на разрешение первого же вопроса, лежащего на поверхности, ушли многие десятилетия, а просвета не видно. Вот

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
он, вопрос, породивший бесконечные споры: как найти четверостишие, заведомо сочиненное именно Хайямом?

А был ли поэт Хайям?

Лишь одно-единственное четверостишие Хайяма обнаружено в книге, созданной при его жизни («Кабус-намэ», 1083).

Другие единичные цитирования его стихов попадаются в рукописях, созданных уже через десятки лет после его смерти (нередко сочиненных богословами, осуждавшими Хайяма и приводившими образцы его крамолы). Где ж тут гарантировать их достоверность? Уже второе из них (в рукописи «Калила Дамна», 1145) – весьма сомнительное. Самые древние сводные списки его стихов (рубайяты), дошедшие до нас, появились только через 2–3 века после Хайяма, – тем более. Причем они мало совпадают по содержанию между собой. Чтобы выделить «абсолютно достоверное», каждый исследователь предлагал свой принцип, соответственно ему рекомендовал считать достоверными кто 6, кто 12, кто 66 четверостиший, но даже их перечни в этих рекомендациях мало пересекались.

Порою возникает вопрос: а был ли поэт Хайям, не литературная ли это легенда? – если б не звучал в четверостишиях голос яркого и самобытного автора, дерзкого нарушителя традиций тогдашней поэтики, с неповторимым стилем, оригинальной образной манерой и, главное, ни на кого не похожим строем мыслей; если бы – более того – Хайям не остался в фарсиязычной литературе непревзойденным мастером рубаи.

Конечно, поэт Хайям был. Мы отчетливо различаем его голос не только, скажем, в авторитетнейшей для европейских специалистов Бодлеанской рукописи (1460), но и в чересчур молодой для них рукописи 1851 года.[8] Однако так уж велика ли, принципиальна разница: 340 или 730 лет после Хайяма?

Случайные ошибки накапливаются со временем линейно: если в первом списке, допустим, примерно 2 чужих четверостишия на сотню, то в последнем, следовательно, 4–5. Всего лишь. Сознательная фальсификация, если только такая была, скорей всего имела бы место как раз в те самые первые 340 лет, когда «неудобоваримая» поэзия Хайяма носила для ислама характер острой болезни, не переросла еще в хроническую. Злоумышленник или недобросовестный переписчик мог изуродовать и прижизненный текст, а мы считали бы этот список самым авторитетным, отвергая позднейшие, хотя и более точные. Так что давно пора признать: поиск «абсолютно достоверного» четверостишия Хайяма – безнадежное занятие. Даже найдись таковое, что дальше? Одно рубаи, даже десяток их – это еще не материал для изучения...

Итак, путь снизу бесплоден. Попробуем путь сверху: привлечем в работу не только скудные по объему древнейшие, но и более поздние списки, отбрасывая из них то, что заведомо чужеродно. Будем помнить, что к любому четверостишию нужно относиться настороженно: есть вероятность, что это все-таки другой автор. Однако только так мы сможем набрать достаточный материал, чтобы увидеть поэтическое наследие Хайяма, а не художественные выдержки из него; и тем более нужен большой набор текстов, дающий простор для анализа и сопоставлений, если мы хотим по разрозненным намекам Хайяма расшифровать его мировоззрение. Такая точка зрения давно повторяется различными востоковедами. Однако никто из них так и не рискнул пожертвовать своей научной репутацией и пойти дальше предположения, что мировоззрение Хайяма – нечто особое и не входит в список традиционных (ортодоксальное мусульманство, суфизм того или иного толка и проч.).

Кстати, сопоставив несколько десятков старинных рубаи (практически все источники стихов Хайяма, которыми располагает современное хайямоведение), я пришел к выводу, что следов сознательного включения в них чужих стихов не наблюдается. Были случайные ошибки из-за ветшания рукописей. Когда они рассыпались, отдельные листы (чаще всего из конца рукописи) вставлялись внутрь книги, не на свои места; именно таким образом, не отдельными четверостишиями, а группами по 5–7 рубаи (обычное содержание листа) попадали в рубаи Хайяма и стихи других авторов. Есть несколько случаев, когда к рубаи Хайяма был приложен чужой рубаи, потерявший начало и имя автора, и теперь такой сводный текст целиком считается хайямовским. Потом эти ветхие рукописи служили источником для новых списков, как правило выборочных, и картина серьезно запутывалась. Но не безнадежно. С помощью компьютерного анализа мне удалось установить генеалогию почти всех старинных хайямовских рубаи, а в результате – выловить почти все чужие листы-вставки и проследить движение каждого хайямовского рубаи по рукописям. Гораздо более серьезная проблема – «правка» четверостиший, которой чуть не каждый второй переписчик «облагораживал» наиболее крамольные или «уточнял» подпорченные, на его взгляд, тексты. Поэтому необходимо иметь перед глазами все, какие можно найти, версии каждого хайямовского четверостишия. Чужеродная стилистика в них, как правило, хорошо заметна.

чужие четверостишия в рубайятах Хайяма

Теперь поговорим уже не о случайно вложенных в рукопись страницах, а об отдельных чужих рубаи.

Их появлению среди хайямовских стихов способствовали главным образом три обстоятельства. Первое. Переписчик иногда записывал на полях одно-два собственных рубаи, сочиненных «под Хайяма». Другой переписчик через столетие думал, что это вставка пропущенного, и переносил эти строки в основной текст. Второе. Между Хайямом и его современниками велась полемика не только в философских трактатах, но и в стихах. Четверостишие-вызов и четверостишие-ответ составляют единый сюжет, хотя и принадлежат разным авторам. Поэтому они совсем не случайно присутствуют в рубайятах Хайяма. Анализ стиля и мыслей позволяет выловить эти чужие вкрапления. И третье. Изредка встречаются списки стихов, явно составленные по памяти.

Неудивительно, если при этом попадали туда схожие стихи других авторов. Но сознательных фальсификаций, повторяю, я не обнаружил. Для нас же важно, что полемические выпады, свойственные философскому турниру в стихотворной форме, резко отличаются от остальных стихов и хорошо заметны; а в других случаях вставок тон задают именно собственные хайямовские четверостишия, так что эти вставки не выбиваются из смыслового потока и, следовательно, не могут всерьез запутать нас при исследовании идей Хайяма.

Впрочем, некоторые рукописи могут ввести в заблуждение: например, рукопись V. N. S. P. 1425. Она считается хайямовским рубайятом, поскольку начинается четверостишием с именем Хайяма. Анализ рукописи привел меня к выводу, что она составлялась не как рубайят Хайяма, а как тематическая антология суфийских текстов, без внимания к авторству. Такие случаи, конечно, нужно иметь в виду.

Чтобы понять Хайяма, нет иного пути, как довериться древним и не слишком древним рукописям, собрать все, что приписывается ему, а потом удалить заведомо чуждое. Конечно, при таком подходе нельзя ручаться, что в тексте остались только стихи Хайяма; но разве может гарантировать это любой исследователь, по какому-либо принципу отобравший несколько «абсолютно достоверных» рубаи?

Много ли стихов написал Хайям?

Если забыть о том, что многие стихи Хайяма за девять веков потерялись безвозвратно, то верхнюю границу их общего количества даст суммирование всего, что в наше время приписывается ему.

Все находящиеся в Европе списки в совокупности едва ли насчитывают более 1200 различных четверостиший. Даже фундаментальное исследование Свами Говинда Тиртхи (о котором – дальше) определяет суммарный объем «Хайямиады» в 2200 рубаи (те исследователи, которые называли цифру 5000, попросту добавляли сюда стихи еще трех средневековых поэтов, носивших прозвище «Хайям»). Из этих 2200 можно уверенно вычесть 300 рубаи, относящихся к случаям заведомой состыковки чужих рубайятов с хайямовскими. Полученную величину мы и примем как верхний предел: количество сохранившихся четверостиший, написанных Хайямом, не более 1900.

«В результате тщательных изысканий, проводившихся на протяжении десятилетий крупными филологами восточных и западных стран методами текстологического, историко-литературного, стилистического, стиховедческого анализа, удалось определить группу четверостиший, примерно в четырьеста стихотворений, которые с достаточной степенью уверенности можно считать принадлежащими перу Омара Хайяма» [9].

Некоторые исследователи полагают, что и фактически Хайямом написано едва ли более 400 рубаи. В оправдание такого ограничения приводятся арифметические «обоснования»: из наблюдения, что древнейшие рубайяты обычно содержали не более 300–400 рубаи, именно столько стихов и «позволяют» написать Хайяму. И при этом словно бы не видят, что простое объединение содержимого этих рубайятов по крайней мере удвоит названный объем.

Или так: утверждают границей какой-нибудь год, например 1500-й. Рубайяты Хайяма, переписанные или составленные позже, выбрасывают из рассмотрения; аналогичные ранее – считают достаточно достоверными (но только при условии, что они сохранились в оригиналах, а не в копиях). Впечатление такое, что авторы подобных ограничений полагают всех собирателей хайямовских стихов, переписчиков и копиистов сплотившимися начиная с 1500 года в цех фальсификаторов. Однако нельзя огульно отвергать ни поздние списки стихов, ни поздние копии древних книг: они могут оказаться очень полезны. Вот пример.

В 1462 году Йар Ахмад ибн Хосейн Рашиди Табризи – мир праху его! – завершил труд по составлению большого свода четверостиший Хайяма и назвал его «Тараб-ханэ» («Дом Радости»). Этим подвижническим трудом он спас для нас по крайней мере сотню четверостиший великого поэта. Но сами-то рукописи Табризи были затеряны. До середины XX века наши отечественные исследователи

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org располагали только копиями двух фрагментов (начального и конечного) и считали, что в том далеком 1462 году Табризи написал две небольшие книги: «Тараб-ханэ» – жизнеописание Хайяма (на самом деле – вступительная статья к собранию хайямовских рубаи) и «Десять разделов» – несколько анекдотов, связанных с его четверостишиями (фактически это «Десятый раздел», завершающая глава). Но вот в 1963 году в Тегеране профессор Джалал ад-Дин Хомаи выпустил книгу – реставрацию «Тараб-ханэ» на основе нескольких достаточно полных копий, найденных им. [10] Судя по этому изданию, «Тараб-ханэ» содержит 554 четверостишия (если исключить дублирующие). Такой текст – ровесник Бодлеанской рукописи – мы вправе были бы наравне с нею называть в числе древнейших и авторитетнейших. Но: современное издание? копии?... Где гарантии, что это близко к исходной книге Табризи? и действительно ли такая большая книга составлена в 1462 году, а не гораздо позже кем-то – на основе тех двух текстов Табризи?...

Что можно сказать на это? Анализ с помощью компьютера дает иногда прелюбопытные результаты. Так, он позволил мне буквально заглянуть в творческую лабораторию Табризи и увидеть, как тот, десятилетиями пополняя свою коллекцию хайямовских четверостиший, выпустил в свет три версии «Тараб-ханэ». Вторая из них сразу разошлась очень широко и оказала огромное влияние на содержание последующих средневековых списков. (Впрочем, «очень широко» – слишком сильно сказано. Точнее, благодаря нескольким тогда же сделанным копиям она стала известна большинству поклонников Хайяма. Кстати, именно на это время приходится заметное оживление переписчиков и составителей различных сводных текстов Хайяма – не результат ли это пропагандистской деятельности Табризи?)

Третья версия (появившаяся именно в 1462 г.) была, вероятно, «именной» – подарком какому-нибудь вельможе, поэтому ее копировали гораздо реже. Табризи, судя по всему, подходил к своему труду на манер нынешних исследователей: он не доверял современным ему спискам, предпочитая древнейшие. Компьютерный анализ показывает, что в ходе своих поисков старинных хайямовских текстов он однажды обнаружил крупную (в несколько десятков четверостиший) рукопись, которую счел буквально драгоценностью: он целиком вставил ее в свою книгу. Вот так и получилась третья версия, опубликованная Хомаи.

У самого Табризи ее текст, судя по всему, не сохранился. Позже, через 9 лет, Табризи обнаружил еще один хайямовский рубайят, видимо столь же древний, но в два с лишним раза более объемистый (около 235 рубаи): первая «драгоценность» оказалась всего лишь выпиской из него! Неудивительно, что Табризи вернулся к своему труду и (на базе второй версии) сделал аналогичную вставку. До «товарного» вида эта работа не была доведена: многие дублирующие четверостишия он не заметил и не вычеркнул их из других мест книги. Видимо, не было заказчика. Этот текст (который можно называть четвертой версией «Тараб-ханэ»), лебединая песня Табризи, провалялся где-то сотни лет, никем не замеченный: из него даже, судя по всему, никто никогда не сделал ни одной выписки! Но зато он сохранился в оригинале до наших дней и попал в руки Тиртхи, который, проводя механический подсчет «подтверждений», забраковал (именно за их уникальность) большинство четверостиший из той вставной (для нас – более чем древнейшей!) рукописи. Однако все виды анализа, кроме оценки «популярности», приводят к одному выводу: эти редчайшие четверостишия имеют не меньше прав считаться хайямовскими, чем самые популярные его рубаи.

Это исследование подтвердило и достаточную чистоту текста, опубликованного Хомаи, и привязку его во времени к середине XV века. Для сравнения: поддельная (якобы сверхдревняя) рукопись со стихами Хайяма, опубликованная в Москве в 1959 году, не имеет абсолютно никаких «генетических» привязок ни к одному из древних рубайятов... Замечу кстати, что эта московская публикация спровоцировала появление большого числа стихотворных переводов, упоминать ее придется нередко, и для краткости она будет здесь именоваться «Изданием 1959 года».

Итак, я предполагаю, что из 2200 (или 1900) приписываемых Хайяму четверостиший примерно 1200–1400 сочинены действительно им. Это много или мало? Писал он стихи практически всю жизнь: иногда он упоминает в них свой возраст – то «за тридцать», то «уже за семьдесят». По легендам, сочинял он рубаи экспромтом, что подтверждается и анализом текстов: многие стихи – мгновенные отклики на мимолетные события, шуточные или язвительные реплики в беседе, даже стихотворные ответы на нелепые вопросы учеников. И если учесть, какую долгую жизнь прожил Хайям, это количество более чем скромное. Одно-два четверостишия в неделю, всего лишь. С другой стороны, высочайшее поэтическое мастерство, присущее ему, могло поддерживаться только постоянной творческой практикой. Арсенал поэта без применения ржавеет. Если бы он действительно сочинил за свою жизнь только 300–400 четверостиший,

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
едва ли они поднялись бы до уровня высочайшей поэзии. Увы, такова проза поэтического труда.

Многочисленные собраны, сопоставлены и внимательно изучены в оригинале более 1300 хайямовских четверостиший (имеется в виду, что уже отброшены все случайные вставки чужих текстов). И что же? Только сотня из них, по моей оценке, сомнительного авторства.

Вопрос о гарантированной принадлежности перу Хайяма хотя бы одного четверостишия, возможно, не будет решен никогда. Однако значит ли это, что мы не вправе попытаться – анализируя именно сотни четверостиший, – исчислить мировоззрение Хайяма? Хотя, конечно, результаты этого исчисления будут по неизбежности гипотетичны.

Неполная достоверность исходного материала заставляла меня делать любой вывод на базе не менее 2–3 четверостиший (хотя в данной статье, для краткости, обычно приводится ссылка лишь на одно из них).

«Нектар Милосердия»

Огромную помощь оказало мне знакомство с итогами работы великого труженика – индийского ученого Свами Говинда Тиртхи, десятилетиями объединявшего хайямовские тексты из различных источников в единую книгу – «Нектар Милосердия».

Он изучил 111 средневековых рукописей и современных изданий со стихами Хайяма (не считая единичных цитирований в древнейших книгах). Исключив дублирующие рукописи и издания, в своей работе он ссылается на 90 источников, содержащих более 30 000 текстов. Всего среди них Тиртха отыскал 2213 (а за вычетом 18 версий – 2195) различных рубаи. Встретившиеся ему лишь по одному разу он назвал «неподтвержденными». Их набралось 853 четверостишия. Конечно, на фоне тех, что встречаются в 40, в 50, а то и в 63 источниках, однократно попадающиеся стихи выглядят подозрительно.

Отбросив также некоторую часть стихов, названных им «сомнительными», Тиртха поместил в своей книге тексты 1096 четверостиший. За исключением пяти случаев, к сожалению, он не приводил разночтений, даже основных, в корне меняющих смысл текста, и ограничивался приглянувшейся ему версией, выбирая ее далеко не всегда объективно.

О разночтениях

Очень редко встречается хайямовское четверостишие, текст которого во всех источниках совпадает слово в слово. Иные же рубаи имеют десяток факстуальных версий. Естественный вопрос: какую из них предпочесть? Наши поэты-переводчики, впрочем, с этим вопросом обычно не сталкивались: они работали либо с одной рукописью (Л. Некора, переведивший знаменитую Бодлеанскую рукопись), либо с одной-двумя сводными книгами (О. Румер), либо по русскоязычным подстрочникам (В. Державин, Г. Плисецкий и почти все остальные). Составители же сводных книг обычно имели в виду доказать свою точку зрения на идеологическую позицию Хайяма (якобы он поэт-суфий – так считали французский исследователь Никола и индус Тиртха, или ортодоксальный мусульманин – мнение персидского ученого Фуруги, и т. п.) и отбирали соответствующие версии.

Выбор «наиболее близкой к Хайяму» версии – проблема трудная и скользкая. Разночтения охватывают широкий спектр искажений текста: от замены слов синонимами – до перестановки пар строк; от ошибок, порожденных неразборчивостью переписываемого текста, – до сознательных переделок, смягчающих резкость оригинала. Интересно такое редкое явление, как склейка (обычно парами строк) двух различных рубаи. Таким образом до нас и обломки утраченных четверостиший (см. рубаи № 202 – варианты и комментарий).

Даже когда кто-либо составляет не скромную по объему целевую подборку, а крупный свод четверостиший Хайяма (как в книге Тиртхи), вроде бы неизбежно объективный благодаря большому количеству стихов, обилие разночтений в источниках оставляет богатые возможности для идеологических спекуляций. Признаюсь, я боялся и сам попасть под гипноз собственных пристрастий и потому при отборе основных текстов для этой работы был предельно осторожен. Объективность потребовала поместить в книгу и переводы некоторых других версий: я привожу их, когда трудно предпочесть одно другому, или когда версия знакома читателю по иным поэтическим переводам, или когда вариант имеет принципиально другой смысл. Переводы их выполнены таким образом, чтобы объем разночтений был близок к наблюдаемому в оригиналах (см. раздел «Варианты»).

Нередко стилистический анализ заставлял сомневаться в авторстве Хайяма, а порой и полностью исключать его – даже если четверостишие широко известно у нас именно как хайямовское. Около сотни таких четверостиший дано в «Приложении». Особое место среди них занимают те, которые относятся к жанру «ответов».

«Ответы»

В персидской поэзии широко распространен жанр стихотворения-«ответа».

Удачное произведение порождает немало «ответов», авторы которых пытались либо превзойти его в поэтическом мастерстве, либо дать новое толкование мыслям и сюжету оригинала. Создавались «ответы» и на большие поэмы. Так, поэма Низами «Лейли и Меджнун» породила более ста поэм-«ответов», в числе авторов которых – Джамии и Навои.

«Ответы» на произведение малых форм должны воспроизводить форму и ритмику оригинала, его рифму и звучание рифмы. На рубаи Хайяма писали «ответы» и современники, и поэты последующих поколений – то в развитие или в опровержение его мыслей, то как пародии.

Про одно из четверостиший, часто попадающееся в рубаи Хайяма, составитель «Тараб-ханэ» утверждает, что это «ответ». Якобы Хайям обратился к Абу-Саиду со стихотворным посланием (см. № 481), на которое Абу-Саид ответил четверостишем, помещенным здесь под № 1299. Что последнее – «ответ» Хайяму, несомненно. Однако это явно «ответ» не на № 481: здесь и формальных совпадений нет, и по содержанию они не стыкуются. Между тем Абу-Саид был настоящим поэтом и не затруднился бы написать безупречный по форме «ответ». Поэтому мне показалось интересным поискать среди четверостиший Хайяма: на которое из них возможен такой «ответ»? И, кажется, посчастливилось найти. Это – четверостишие № 601.

Кстати, в «Примечаниях» приводится еще один «ответ» на № 601.

Похоже, хайямовским стихотворением и чьим-то пародийным «ответом» на него являются рубаи № 717 и 1302.

Видимо, присутствуют в рубаи Хайяма и другие «ответы» ему. Писал «ответы» и он сам. Явно к ним относится четверостишие № 504.

Именно в специфике жанра «ответа» надо искать разгадку четверостишия, которое переводили на русский язык О. Румер: «Пей! Будет много мук, пока твой век не прожит...», В. Державин: «Будь весел! Море бедствий бесконечно...», Г. Плисецкий: «Веселись! Невеселые сходят с ума...» Из них только в переводе В. Державина воспроизведена странность этого рубаи: «Будь весел!» – и дальше, вопреки всякой логике, перечисление в высшей степени невеселых вещей. Недаром другие переводчики переинтерпретировали текст, придавая ему логичность... Секрет, скорее всего, в следующем.

Среди четверостиший, приписываемых Хайяму, есть два таких же по форме, но по стилю заведомо не хайямовские (№ 1304 и 1305) – творения какого-то придворного поэта. В первом – натужная имитация философского оптимизма, а второе – переделка первого под беспардонное восхваление властелина. Смеем утверждать, что упомянутое рубаи Хайяма (№ 200) – это звучащий как острая пародия «ответ» на второе из них (причем с более точным, чем авторское, цитированием из первого четверостишия).

Именно пародийностью объясняется это «Ликуй!», ничем иным. Более того, есть у Хайяма и стихотворение, которое отчетливо смотрится как «ответ» (уже серьезный) на первое из приведенных рубаи неизвестного автора – № 201.

Богохульный богомолец или святой развратник?

Ясного отношения ко всему, в том числе к человеку, к жизни и смерти, к морали, к обществу и к Богу, – ждем мы от того, кого называем мудрецом. Но в том и парадокс, что, безусловно ощущая глубокую мудрость Хайяма, в стихах его находим выражения противоположных, в принципе несовместимых позиций.

Уместно повторить многожды цитируемые слова члена-корреспондента Петербургской АН В. А. Жуковского, одного из первых в России исследователей поэтического наследия Омара Хайяма: «Он – вольнодумец, разрушитель веры; он – безбожник и материалист; он – насмешник над мистицизмом и пантеист; он – правоправующий мусульманин, точный философ, острый наблюдатель, ученый; он – гуляка, развратник, ханжа и лицемер; он – не просто богохульник, а воплощенное отрицание положительной религии и всякой нравственной веры; он – мягкая натура, преданная скорее созерцанию божественных вещей, чем жизненным наслаждениям... Можно ли в самом деле представить человека, если только он не нравственный урод, в котором могли бы совмещаться и уживаться такая смесь и пестрота убеждений, противоположных склонностей и направлений, высоких доблестей и низменных страстей и колебаний» [11].

Впрочем, наш-то читатель, листая известные стихотворные переводы из Омара Хайяма, едва ли увидит этот клубок противоречий: обычно он имеет дело уже с результатами отбора, ему предоставлено легкое чтение вместо потрясающих свидетельств внутренней душевной борьбы. Не найдет он стихов во славу Аллаха (а такие у Хайяма есть, полные высочайшего экстаза!) и будет думать, что поэт только насмеялся над Творцом. Почти не обнаружит призывов к высокой морали и человечности, зато немало позабавится ерничеством, когда Хайям изображает себя (или своего «лирического героя») и пропойцей, и развратником, и мужеложцем. В результате даже наши отечественные исследователи когда-то всерьез писали: один – что Хайям был безусловно атеистом, другой – что корни «мнимых противоречий» Хайяма надо искать не в

его творчестве, а прежде всего в пристрастном толковании четверостиший. Но противоречия-то есть, и острейшие. Для примера обратимся – вне толкований – к текстам, где поэт говорит про Бога. Возьмите рубаи № 1 и 2 – какое благоговение перед Творцом! Но вот поодаль от этих вдохновенных гимнов еще более вдохновенное проклятие (№ 536). Можно бы даже предположить, что первые стихи – чьи-то чужие, если б не язык Хайяма, не стиль Хайяма, не его потрясающая поэтическая техника и если бы не – самое главное! – собственный вскрик души:

Неужто б я возвел хулу на Божество!

Здесь не было сердец вернее моего.

Но если даже я дошел до богохульства, –

Нет мусульманина! Нигде! Ни одного!

Вот ключ, расставляющий всё на свои места, открывающий нам не беспринципного автора, растерянно шарахающегося между хулой и хвалой, а человека, прошедшего огромную духовную эволюцию. Теперь мы можем вполне уверенно отнести «хвалу» к началу, а «хулу» к завершению этой эволюции. Но разве вправе мы выбрасывать из рубаи Хайяма первые стихи – только за то, что они не соответствуют его позднейшим (и тем более нашим – на самого Хайяма) взглядам, вычеркивать весь путь его жизни, оставив только последнюю точку? Не говоря уж об уважении к автору, разумно ли так обеднять себя? Вся цепь душевных борений, дневник поисков и сомнений убеждают читателя в достигнутом выводе гораздо больше, чем голо поданный итог.

Причем не только начало и конец зафиксированы в стихах; весь путь прочерчивается в них, без разрывов: доверчивое благоговение перед Богом, потом осторожные жалобы на тяготы пути, потом просьбы, мольбы, сомнения, наконец – требования; потом внимательный анализ творческой деятельности Бога, ошеломляющие догадки о месте Бога и человека в мире. Хайям раскрывает позорную тайну Творца и перестает Его уважать, и тогда уже звучат издевки, насмешки, откровенные проклятия, порожденные не только эмоцией, но и знанием.

Точно так же получают объяснения и другие «противоречия» Хайяма, надо только приложить некоторый труд: расставить его четверостишия в той последовательности, которая диктуется линией его предполагаемого духовного развития, [12] а также естественной эволюцией поэтического стиля.

Дополнительными опорными точками служат стихи, прямо или косвенно указывающие на возраст автора.

И в самом деле: даже улавливая мудрость разрозненных афоризмов, трудно понять сокровенный смысл книги, пока все фразы ее перепутаны девятью веками. То самое всеразрушающее время, на которое Хайям так часто сетовал. Зато в результате пусть даже приблизительной хронологической расстановки мы не только получаем решение «противоречий», но и обнаруживаем вещи, совершенно неожиданные... Впрочем, об этом дальше.

Позволю себе маленькое лирическое отступление. Когда в 1964 году я начал работу над стихами Хайяма (по тем же подстрочникам из издания 1959 года, которыми соблазнились многие поэты-переводчики, других источников у меня тогда еще не было), я рассматривал его сквозь призму переводов О. Румера, которыми всегда восхищался, и это продолжалось еще долго, даже когда я приобщился к фарси и обзавелся первоисточниками. Лишь после шести лет ежевечерней работы над оригиналами, когда число переведенных стихов рубаи перевалило за 550, – количество наконец-то перешло в качество, и я почувствовал: Хайям говорит нечто совсем иное, чем получается у меня. В чем же дело?... Поэтический перевод, разумеется, не может быть полностью адекватным, главное – передать суть, пожертвовав какими-то второстепенными деталями. Таковыми казались мне детали, не работавшие на привычный образ Хайяма. Да и не только я, все наши поэты-переводчики жертвовали именно ими... Внимательный анализ показал, что хайямовские четверостишия двуслойны: они содержат внешнюю оболочку из ярких образов (которые мы и переводим) и суть, спрятанную в тех самых «необязательных» мелких деталях и речевых нюансах (которые мы и отбрасываем, тем более что даже в хорошем подстрочном переводе большинство их пропадает). Когда постепенно обнаружилось, что эти «необязательные» детали различных рубаи складываются в некую цельную конструкцию, стало ясно, что они-то и являются у Хайяма главным содержанием, аккуратно спрятанным в мишурную скорлупу броских сюжетов... И мне пришлось все эти стихи переводить заново.

Поэт-суфий?

Читающие Хайяма в подлиннике никогда не заподозрят в нем атеиста. Гораздо серьезней спор о том, является ли Хайям суфийским поэтом.

В середине VII века Иран, страну древнейших религий, завоевали арабы и навязали персидскому народу элементы своей культуры, свою письменность и свою веру. Но очень скоро персы стали создавать в привнесённых арабских формах стиха неповторимые поэтические шедевры, переиначили письменность

так, что она даже зрительно стала отличаться от арабской, а в мусульманстве восприняли не суннитскую, как было принято повсюду, а шиитскую его ветвь, более демократичную, более склонную к образованию различных толков и сект, порой далеко уводящих от ортодоксального мусульманского учения. Кроме того, Иран оставался перекрестком мировых торговых и культурных путей и потому отличался большей, чем арабские страны, веротерпимостью. Во времена Хайяма на его родине продолжали уживаться с мусульманством и древние, исконно персидские звездопоклонничество и огнепоклонничество (зороастризм), а также иудейская вера, христианство и древнеиндийские мистические учения. Так что под рукой был богатый материал для духовных исканий... Веротерпимость, конечно, относительная: случались и вспышки религиозных распри, и тот же Хайям подвергался гонениям за свои взгляды.

Суфизм, мусульманский мистицизм, возник почти одновременно с исламом на основе строгого аскетизма, призванного приводить к «высшему знанию» – познанию Бога. [13] Идеино-теоретическая основа суфизма многое восприняла, в частности, из мистических верований Индии. В суфийских описаниях структуры мироздания, в рекомендациях по отысканию своего «я» и его очищению немало того, что мы привыкли связывать с некоторыми индийскими учениями. [14] Для своих последователей, намеренных прийти к «познанию Бога», суфизм разработал цепочку из трех (иногда считается – четырех) этапов: шариат, тарикат и хакикат.

Шариат – это весь комплекс юридических норм, бытовых и религиозных принципов и правил поведения, предписанных мусульманину. Если кто-то и позволяет себе тайком обходить чересчур суровые нормы шариата, то для суфия весь шариат обязателен, всегда и без послаблений (за некоторыми исключениями, о которых позже).

Тарикат – духовная учеба суфия, требующая нескольких лет и проходимая под руководством опытного наставника. Она включает в себя «стоянки» и «состояния», такие как покаяние, терпение, бедность, аскетизм, отречение от собственной воли...

Последняя стадия суфийского совершенствования – хакикат, «Истина». Достигший ее суфий именуется ариф – «познавший»; он, как считается, способен к интуитивному познанию истины. Ученику хакикат кажется недостижимой вершиной, ариф же всегда ощущает себя новичком на беспредельном пути собственного духовного развития, дальнейшие «стоянки» которого он должен намечать уже сам и достигать без чьей-либо помощи. [15] Прибегая к иносказаниям, суфии используют поэзию для создания обладающих мощным эмоциональным воздействием мистических текстов, которые для непосвященного звучат как любовные или гедонические стихи, на деле же полны сокровенного смысла, сжато формулируя многие аспекты суфийского учения. История литературы на фарси (как и на арабском) знает немало поэтов-суфиев; Джалаледдин Руми – может быть, величайший из них. Но следует ли числить среди них Омара Хайяма?

Суфийская поэтическая символика группируется вокруг слов «любовь» и «вино»: первое – о взаимоотношениях взыскующей души с Богом, второе – о восприятии уроков наставника и воздействии суфийских религиозных обрядов. Эти же слова играют значительную роль в поэзии Хайяма.

Но не только они дают почву для попытки рассматривать все стихи Хайяма как суфийские. У него есть несколько десятков бесспорно суфийских четверостиший. Показательны те из них, где символика ослаблена или вообще снята и суфийские положения даны прямым текстом (см., например, № 64 и 100). Однако устойчивое желание выбросить из его рубаи все чисто суфийские четверостишия возникает не случайно: они явно противостоят основной массе стихов.

Далее. Неужели для суфия допустим бунт против шариата, так демонстративно выраженный у Хайяма? Представьте, да! – хоть и частично. Некоторые суфийские секты выступают против обрядовой стороны мусульманства, и потому те стихи, где Хайям призывает продать чалму и четки, игнорировать намаз и пост, отвергать Каабу и разрушать мечети и медресе как рассадник лицемерия, – почти не аргумент, они даже сближают Хайяма с этой ветвью суфизма. Конечно, суфийскому поэту следовало бы сопровождать эти призывы советом общаться с Богом непосредственно, без подспорья мечети и произносимой вслух молитвы...

Хайям об этом постоянно «забывает». Есть граница, которую и суфий переступать не вправе: он может ополчаться на предписанные шариатом обряды, но ни в коем случае не на шариат в целом, не на ислам, не на Аллаха. А Хайям? Действительно, он эту границу, что касается шариата и ислама, вроде бы и не переступает, если не считать одного четверостишия, где он признается в мечте «разрушить эту тюрьму, выпростать ногу из стремени шариата». Мелькают лишь как бы случайные оговорки вроде этой: «Где сказано, что я подамся в мусульманство, зороастрийский хмель забуду? Что вы, нет!»

Гадай как хочешь: всерьез он ставит себя вне мусульманства или шутит? Но едва ли он мог выражаться откровеннее, ибо, отказаться мусульманину от своей веры – много опаснее, чем грешить насмешками над Творцом. Даже когда Хайям издевается над самими суфиями, над их тупостью, чванством, показной набожностью, фальшивыми лохмотьями, адресат каждый раз конкретен, и это нельзя толковать как осуждение суфизма в целом. Разве лишь такая любопытная деталь: трижды он упоминает все в совокупности религиозные секты ислама («семьдесят два учения»), и все они одинаково чужды ему (см., например, № 130). По его словам, все они о Боге не имеют представления, все ложны! Но ведь суфийские секты входят в их число. Однако Хайям не выделяет ни одну из них как хотя бы чуть-чуть более верную. Что же в итоге? Проклятия Творцу можно проигнорировать, полагая в них не философскую позицию, а просто следствие дурного характера: не ужился с Аллахом! Осторожные оговорки – счесть случайными оговорками или шутками. А в том, что, предлагая продать четки, Хайям не упоминает про «четки духовные», – увидеть лишь поэтическую неряшливость. При таком подходе, опираясь на разрозненные тексты четверостиший, уже нельзя утверждать, что их писал не суфий.

Итак, есть многие «но», однако все они легковесны. И настоящий контраргумент, видимо, только один: если, временно отделив чисто суфийские стихи, рассмотреть все остальные в совокупности, как мы здесь и сделаем, и проанализировать их многочисленные намеки, то постепенно рисуемая ими философская концепция сложится в картину, очень далекую от суфизма. Впрочем, следы суфийского учения есть везде. И картина мироздания, и описание движения души по кругам его у Хайяма близки к суфийским представлениям. Разрыв с ними проходит по четкой границе: Хайям категорически отсекает устремления к Богу. Впечатление такое, что он действительно прошел школу суфизма, [16] согласился с его картиной мира, но с годами отверг его взгляды на роль Бога в жизни человека, отверг саму цель, на которую устремлена вся суфийская практика, и предложил человеку цель иную.

То, что он был какое-то время поэтом-суфием, позволило впоследствии суфийским проповедникам спекулировать его именем и тщательно отсеянными (и подправленными) плодами его творчества. Здесь уместно свидетельство историка Джамалиддина ибн Юсуфа кифти (1172–1239): «Омар-ал-Хайям – имам Хорасана, ученейший своего времени, который преподает науку греков и побуждает к познанию Единого Воздаятеля посредством очищения плотских побуждений ради чистоты души человеческой и велит обязательно придерживаться идеальных между людьми отношений согласно греческим правилам. Позднейшие суфии обратили внимание на кое-что внешнее в его поэзии и эти внешности применили к своему учению и приводили их в доказательство на своих собраниях и уединенных беседах. Между тем сокровенное его стихов – жальщие змеи для мусульманского законоположения и сборные пункты, соединяющие для открытого нападения» [17]. Обратим внимание на последние слова. Впечатление такое, будто написавший их знал тайное учение Хайяма, которое мы здесь только пробуем расшифровать по четверостишиям.

Если не суфий, то кто?

В литературе, анализирующей поэтическое наследие Хайяма, не удалось отыскать ни сколько-нибудь серьезной попытки расшифровать мировоззрение поэта по его стихам, ни хотя бы даже ссылки на такую попытку. Практически все сводится к усилиям привязать Хайяма к той или иной привычной коновязи, ответить на вопрос «чей он?» вместо «о чем он?», выбрав один из таких вариантов:

- 1) Хайям – мистик, суфий. Попыткам доказать или опровергнуть это посвящены почти все исследования. Выше было уже показано, что при рассмотрении изолированных текстов отнести Хайяма к суфийским поэтам довольно легко. Но не случайно возникали и серьезнейшие возражения, как в древности, так и теперь, причем основанные на самых различных соображениях;
- 2) Хайям – гедонист, проповедующий чувственные наслаждения, вино и разврат. Утверждать такую точку зрения тоже легко, достаточно отбросить его моралистические стихи, «вино» понимать только в прямом смысле, а его девиз «Будь весел!» неизменно воспринимать как «Наслаждайся!» или «Пьянствуй!»;
- 3) Хайям – поэт-хулиган, «однофамилец» Хайяма-ученого. Это вовсе не философ, так что глупо искать какую-нибудь логику в его рифмованном богохульстве. Такая точка зрения возникла на родине Хайяма. Основана она, видимо, тем, что «Хайям» – не такой уж редкий псевдоним среди персидских поэтов; двое из них жили даже раньше Омара Хайяма;
- 4) Хайям – прямо-таки образец передового ученого XX века. Идеологически он прогрессивней Эйнштейна: атеист и диалектик-материалист. Сам он в Бога, разумеется, не верил, а насмешки над Богом – это на самом деле издевки над

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
оказавшими ученого мракобесами, которые все поголовно в Аллаха верили, однако вопреки здравому смыслу и ущемленному самолюбию старательно записывали для потомков хайямовское глумление над их набожностью. Такой взгляд культивировался в нашей стране в 1930-е годы, когда Хайям был записан в отечественные (таджикские) классики;

5) Хайям – вполне добропорядочный мусульманин традиционного толка (если и суфий, то слегка), который позволял себе так жутко ругаться с Аллахом лишь потому, что беспредельно верил в Его милосердие. Этой точки зрения придерживался Фуруги, один из самых видных иранских исследователей хайямовского творчества.

Вот и все, что удалось обнаружить, с незначительными вариациями (например: в Бога верил, но все же материалист). Ну, а если не первое и не второе, а нечто шестое? Попытки ограничиться этими пятью предположениями не привели ни к каким значительным открытиям – не потому ли, что мысль Хайяма не уложить ни в одно из этих прокрустовых лож?

Три ступени

В рубаياته Хайяма, как в разрозненных листках дневника, сохранились следы его напряженных духовных исканий. Недаром он упоминает о «семидесяти двух ученьях» – ветвях ислама: легко ли в таком множестве религиозных течений выбрать созвучное себе? Мало того: здесь же и древний зороастризм, и иудаизм, и христианство... Обширное поле поиска. Вот косвенное свидетельство того, что эти проблемы какое-то время занимали Хайяма (№ 227): «В чести невежество... Сменю религию... В исламе – стыдно мне». Стыдно не за себя, а за ислам, положения которого таковы, что неизбежно представляют человека грешником. Из первой строки этого четверостишия видно, что Хайям искал среди религиозных учений пищу не только сердцу, но и уму: он выбирал мировоззрение, с которым согласился бы как ученый. И, как увидим, среди известных в его время не согласился ни с одним.

Обратите внимание на рубаи № 247 – свидетельство того, что подобный поиск он (уже умудренный собственным опытом) считал необходимым для каждого. Стихи Хайяма, рассмотренные в совокупности, позволяют выделить три этапа в его духовных поисках:

1) юная восторженность перед Творцом, порождавшая экстатические стихи; вскоре – прохождение суфийской школы и последующий разрыв с ее предствлениями о цели человеческих устремлений;

2) после краткосрочного интереса к зороастризму – разочарование во всех известных Хайяму мировоззрениях, период «мировой скорби» в его стихах;

3) выработка и проповедование собственной мировоззренческой концепции.

Любопытно, что, когда четверостишия Хайяма расставлены соответственно этим этапам, хорошо заметен такой же поэтапный рост его как поэта.

Вначале – традиционные восхваления Аллаха, в которых, при всей взволнованности и искренности, а часто и вдохновенности автора, отчетливо видны следы старательного поэтического ученичества. Он овладевает формой стиха виртуозно, но ему, по сути, еще нечего сказать своего.

Суфийские стихи уже раскрепощеннее по форме, в них иногда начинают встречаться по-хайямовски пронзительные образы.

Об интересе к зороастризму свидетельствуют несколько четверостиший.

Особенно любопытно одно из них, носящее откровенно дневниковый характер.

Можно только удивляться, как искажено было оно переведено В. Державиным: Шел в кабака я, тепля в сердце веру чистую одну, Что зуннаром светлых магов там свой стан я затыну.

Там я так вином упился, что служитель харабата

Выбросил мои пожитки, после вымыл майхану.

В оригинале нет ни «кабака», ни «майханы» (опять же питейного заведения), ни какого-либо упоминания про вино. Есть «харабат» («развалины»), но здесь это молельный дом зороастрийцев, а не привычное в гедонической поэзии иносказание для «кабака». И есть зуннар, ритуальный пояс огнепоклонников, но автор-то уже опоясался им, что и является необходимой завязкой в сюжете этого четверостишия (№ 235).

Их религия замкнута, последователи Заратуштры не допускают в нее посторонних. Любопытствуйте – да, но... Автор, который по наивности решил продемонстрировать интерес к магии огнепоклонников, опоясавшись их зуннаром, для служителя харабата стал попросту наглым самозванцем, чем и заслужил справедливые побои и изгнание из храма. Возможно, этим анекдотичным эпизодом и закончилось знакомство Хайяма с их религией. Скорей всего, роль опрометчиво надетого зуннара сыграли (не в стихах, а в жизни) самоуверенные суждения молодого ученого о магических тайнах.

Но именно здесь, в «зороастрийских» стихах, поэзия Хайяма вдруг буквально взрывается радостью жизни, наполняется весенней музыкой, солнцем и щебетом птиц. Суфизм-то не вдохновил Хайяма ни на одно жизнерадостное стихотворение! И впоследствии поэт неоднократно поминает зороастризм добрым

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org словом, как бы продолжая числить себя среди его последователей (например, см. № 759).

Однако чем ярче и радостней солнечный свет, тем гуще ночная тьма. Эти вспышки веселья контрастно оттеняют бездну остро ощутимого Хайямом незнания; вокруг соловьиной весны поэт видит лишь черную бездонную пропасть, в которую случайной искоркой летит весь наш праздничный мир. Но и этот мир, в свою очередь, – бездна: гонимые ураганом времени, на миг вспыхивают и исчезают пылинки-люди. Зачем? За что?... Вопросы без ответа. И вот в стихах Хайяма начинает звучать «мировая скорбь», вселенский нигилизм. Стихи этого периода наиболее известны, для многих читателей как раз они-то и создают поэтическое лицо Хайяма. Неудивительно: они потрясают «бетховенскими» контрастами между вспышками юного веселья и юного трагизма (юность, как утверждали мудрые греки, – возраст от 20 до 40 лет). Заметим, это примета именно юного пера: говорить такое, что хоть сейчас – головой в омут, но при этом говорить так, что слушатели более приходят в восторг, чем сопереживают. Позже, в старости, у Хайяма возникает новый пласт трагических стихов, но там иные, сугубо личные мотивы и гораздо более мягкая, человеческая поэтика, так что их легко различать.

Гипнозу стихов «нигилистического» периода поддаются не только читатели. Исследователи, анализировавшие мирозерцание (увы, не мировоззрение) Хайяма, сосредоточивались именно на них, отсюда и шли их выводы, будто в целом Хайям – поэт пессимизма, бессмысленности жизни и т. п. [18] Это верно, однако, лишь для одного этапа его жизни. Причем не главного. Возможно, и не очень долгого. Этот этап – лишь преддверие взлета, лишь предисловие к стихам Хайяма, пока еще только вырастающего в поистине великого мыслителя и поэта.

Теперь обратимся к четверостишиям, которые я отношу к третьему, вершинному этапу Хайяма. Их сотни. Здесь уже звучит полностью раскованная поэтическая речь; пронзительные хайямовские образы и приемы письма, презревшие все поэтические традиции, рассыпаны во множестве; сверкающие созвучия и внутренние рифмы возникают как бы сами собой, без усилий автора; при необходимости вдруг опять предстают головокружительные стихотворные конструкции, выполненные с прежним блеском, однако наполненные теперь словами, несущими глубокий неожиданный смысл. В совокупности эти стихи заставляют сделать вывод, что Хайям создал собственное этико-философское учение, уникальное и по большому счету революционное.

Казалось бы: чего ради извлекать мировоззрение Хайяма из четверостиший, если известны его философские трактаты? Но вот что пишут Б. А. Розенфельд и А. П. Юшкевич во вступительной статье к книге трактатов Хайяма в переводе на русский язык: «Проблем философии и религии Хайям касается во множестве четверостиший и в пяти специальных трактатах. Все это, казалось бы, дает более чем богатый материал для суждения о его мировоззрении. В действительности же вопрос о мировоззрении замечательного ученого и поэта далек от ясности. С давних пор Хайяма трактовали то как вольнодумного мыслителя, то как религиозную натуру, чуть ли не как мистика. Дело в том, что философские трактаты во многом расходятся с поэтическими высказываниями... Мы полагаем, что нет оснований априорно больше доверять философским трактатам, чем четверостишиям» [19].

Вот и попробуем довериться четверостишиям. Конечно, это будет реставрация не философской системы Хайяма в чистом виде, а ее поэтической версии. В стихах высокие абстрактные понятия подменяются живыми образами, и хотя взаимоотношения таких персонажей соответствуют соотношениям философских понятий, хотя мировая пьеса та же, режиссура в поэтическом театре совершенно иная. Простой пример. Хайям как астроном наверняка разделял гелиоцентрическую концепцию Бируни. Однако в стихах его Земля по старинке покоится на Тельце или Рыбе. Так ближе читателю и поэтичней. Лишь однажды оказалось более поэтичным представить Землю планетой, подобной Венере-Зухре. Точно так же в стихах обретают зримые черты и человекоподобные свойства характера такие персонажи, как Аллах, рок, небеса, смерть... Поэтому подчинимся правилам поэтической игры и не будем гадать, как Хайям строго философски понимал, допустим, абсолютный детерминизм Бытия, который в стихах традиционно изображал через Калам, Скрижали и тому подобные сказочные атрибуты.

Множественность вселенных

Любая развитая религия состоит из описания общей конструкции мира, созданного и руководимого Богом; из роли и задачи человека в этом мире; из морально-этического кодекса, соответствующего этой роли, и практического руководства для выполнения этой задачи. Все эти составные части присутствуют и в тайном учении Хайяма; причем, как свойственно и религиозным школам, именно морально-этическому кодексу и практическому руководству придается у Хайяма главное значение. Рассмотрим их по порядку,

начав с конструкции мироздания.

В существовании Творца и в том, что наша Вселенная создана именно им, Хайям не сомневается нисколько. У него нет ни строчки, где отрицалось бы существование Бога. Строчке из переводов И. Тхоржевского: «И нет творца, пред кем упасть бы ниц», – нет соответствия в оригиналах. Даже нет ни одного четверостишия, где наличие Бога в мироздании хотя бы подвергалось сомнению.

Наш мир, наша Вселенная – некоторая часть мироздания, – по Хайяму, имеет начало и конец во времени: «Круженью неба тоже прерваться точно так, как веку твоему». Конечно, хайямовская Вселенная, по нашим меркам, очень мала, не обширней известной нам Солнечной системы: Земля либо Солнце в центре, да несколько планет, за которыми сфера неподвижных звезд – загадочных блесков на куполе всемирного дворца, сочетающихся в непонятные письмена на покрове, скрывающем от нас разгадки мировых тайн.

Туда, за хрустальную звездную сферу, не дано проникнуть ни взгляду, ни мысли, ни вдохновению... Тем неожиданней, что Хайям утверждает идею множественности вселенных – см. № 600. Творец не упомянут, и просто поразительно, как это четверостишие перекликается с космогоническими догадками XX века о множественности недоступных для наблюдений вселенных – «узоров» среди «моря»-мироздания. (Во избежание недоразумений надо оговорить: в некоторых источниках, в том числе в книге Тиртхи, вместо слова «узор», т. е. общая структура Вселенной, – «индивидуум». Разночтение на уровне описки, причем «индивидуум» – слово не из лексикона Хайяма. Естественно, смысл четверостишия полностью искажается.)

Обратим внимание на неизбежный вывод из утверждения о множественности вселенных: человек – то живет лишь в одной из них; если их много, то не обязательно именно земной человек является главной целью Божественного творения, возможно, он даже не находится в поле постоянного внимания Творца. Для религий такая мысль недопустима: в них всегда человек – жестоко воспитуемое, но все-таки любимое детище Создателя. Нередко в стихах Хайяма можно заметить намеки на заброшенность нашей Вселенной; наиболее ярко это звучит в самом древнем из известных его четверостиший (которое обычно понимают как говорящее про людей; но у Хайяма там слово «конструкция» или «строение», которое справедливо отнести к более крупным объектам; в других версиях – «сочетание стихий», т. е. акт творения Вселенной – № 601. Если наша Вселенная не единственная, то легко понять и низкий уровень значимости человека для Творца: «Печально, что до нас нет дела небесам, забвенью суждено делам и именам...» Похоже, так было задумано изначально. Как не смириться?... Но Хайям находит и предлагает человеку путь, который постепенно приведет его к иному, высочайшему уровню значимости:

Быть целью Бытия и мирозданья – нам,

Всевидящим умом, лучом познания – нам.

Пойми же, человек, что круг вселенной – перстень,

Где суждено сверкнуть алмазной гранью – нам!

Причем добиться этого без участия, без помощи Бога, собственными слабыми человеческими силами!.. Но не стоит забегать вперед. Пока речь – о конструкции мира в хайямовском представлении. Поскольку детали его взглядов на этот предмет мало отличаются от суфийских (кроме роли Бога и идеи о множественности вселенных), упомянув о них вкратце, лишь настолько это необходимо для понимания стихов.

Основа физической структуры нашей Вселенной – четыре первоэлемента, они же Четыре стихии: Огонь, Вода, Земля и Воздух. Они часто упоминаются в четверостишиях Хайяма, становясь даже поводом для поэтической игры в перечисление стихий по заданной схеме. Присутствуют в стихах и другие «фундаментальные числа»: Семь (небесных сфер); Шесть (направлений в трехмерном пространстве), они же «Шесть дверей»; Пять (чувств); «Две двери» – прошлое и будущее, рождение и смерть. Все они символизируют Бытие, наш мир, нашу Вселенную.

Обветшавший небосвод

«Даже волос с головы человека не упадет без воли Аллаха», – говорят мусульмане. По их легендам, еще до сотворения Вселенной Бог создал Калам – стило, которое на Скрижалях под Его диктовку расписало будущее вплоть до мельчайших событий, до крохотного шажка муравья через тысячи лет. Небо – движитель этих событий: вращаясь, небеса, как передаточный шкив, заставляют двигаться все и всех на Земле. Считывая со Скрижалей «план на сегодня» и диктуя небу и планетам соответствующие движения, Рок реализует предписанные события.

Хайям так часто обращался в стихах к составным частям этого механизма, что складывается впечатление, будто он безусловно верил в абсолютную детерминированность Бытия. И скорей всего, действительно верил – поначалу. Полная предопределенность трагична в самой своей сути – см., например,

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
четверостишия № 169 и 220.

Но вот логическая неувязка, замеченная крамольными мыслителями задолго до Хайяма: если каждый шаг человека предопределен, возмездие лишено смысла. Хайям тоже говорит об этом (№ 471). Как ученый, Хайям ищет и наконец находит решение этого противоречия. Вот тогда уже появляются у него псевдотрагические стихи о предопределении, на поверку – сатира, основанная на доведении до абсурда, с целью заставить человека задуматься (например, № 300, 317, 468).

Идея абсолютно детерминированного Бытия, преподносимая якобы всерьез, позволяет Хайяму язвить и над Скрижалями, которые он берется переписать гораздо толковее, и над небом, вдруг сочувствуя этому подневольному палачу. Здесь язвительность не самоцель: Хайям показывает страшное – нелепым, чтобы освободить слушателя от привычного с детства гипноза, от представлений о неотвратимости судьбы. А такое освобождение было необходимо для последователей его учения.

Собственное хайямовское решение этой задачи крамольно настолько, что его попросту нельзя высказывать открыто: божественная предопределенность жизни – одна из важнейших мусульманских догм. Лишь в одном из философских трактатов – в «Ответе на три вопроса» Хайям смутно оговаривается, что детерминизм «очень далек от истины» [20]. Более ясный намек мы находим в четверостишии, ключевом для понимания всего мировоззрения Хайяма:

Не дай себя отвлечь, за блесками не рвись;
Добра ли, зла судьба, а всё равно – трудись.
В игре не только ты, все проиграть способны:
И Мекки гордый храм, и небосвода высь.

Дословно так: «Попусту за всяким сверканием не следует рваться. Несмотря на добро и зло судьбы, следует работать. О небесах и о мечети Каабы благословенной: всякому узору, который становится зримым, ему может последовать проигрыш». Последнее слово, означающее проигрыш именно в азартной игре, является организующим центром для понимания всего четверостишия.

Все проиграть способны, в том числе и небосвод! Это значит, диктуемое небосводом движение событий – не монотонный бездушный механизм, неотвратимо катящийся по людям, как арба по булыжной мостовой (т. е. не абсолютный детерминизм), а скорей азартная игра в кости, игра опытного шулера против простака (неполный детерминизм, с некоторой долей случайности). При неуклонном старании даже слабый игрок (человек) имеет шанс на удачу против сильнейшего (высших сил). Иными словами, человек может порой и сам повлиять на свою судьбу. Рок силен, но не всесилен. Придя к такому выводу, Хайям, должно быть, почувствовал себя первым мусульманином, освободившимся от неумолимой воли Аллаха. Недаром он взял на себя право говорить с Богом на равных.

Итак, ответ: неполный детерминизм. Сильный, но не абсолютный. За семь тысячелетий после Сотворения мира механизм расшатался (не ради красного словца образ обветшавших, от старости выживших из ума небес!), и теперь уже не всё, оказывается, в жизни человека зависит от Бога, соответствует Его древним предначертаниям. И становятся понятны частые призывы Хайяма ловить мгновения, когда судьба дает промашку: «Не трусь перед судьбой, тогда сверкнет во мгле священное вино на нищенском столе».

Да и таким ли уж убежденным мусульманином был Хайям? Слишком рискован намек, что «и Мекки гордый храм» может проиграть... Где же? – в «игре» против других религий?!

В прекрасном мире иллюзий

По суфийским представлениям, схожим с древнеиндийскими, зримая нам физическая Вселенная, многокрасочная Земля и звездные небеса – небольшой участок, некий пласт или срез мироздания, которое распадается на два Мира: Бытие и Небытие, оно же ничто. «Ничто» означает не полное отсутствие чего-либо, а только полную невосприимчивость органами чувств человека; «Небытие», аналогично, – невозможность для живого человека пребывать в среде, доступной только духу, лишённой атрибутов Бытия: пространства, вещества и т. п. Собственно, всё мироздание – Ничто, и только какой-то клочок его, где Всевышний актом творения «сочетал» разрозненные Четыре стихии и тем самым создал видимое нечто, где Он растянул новообразованное вещество на распялках Шести направлений и, округлив небесными сферами храм нашей Вселенной, заселил его человечеством, – лишь этот клочок и есть наше Бытие. Для Хайяма Небытие реально существует; более того, именно там, в главной части мироздания, происходят основные события, жизненно важные для человека. Бытие – тот крохотный участок ткани Небытия, где часть волокон окрашена яркими красками и потому стала явью, прахом и плотью, стала зримой, «воплощена» для нас.

В таком представлении мир в целом можно сравнить с детской загадочной

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
картинкой, где в хитросплетении деревьев и кустов художником спрятан охотник, но – картинкой «наизнанку»: представим, что мы почему-то видим только этого охотника, а все остальные штрихи стали прозрачными, ненаблюдаемыми. Мы не можем узнать, что изображено на картинке в целом; более того, фигура охотника своей завершенностью сбивает простодушных наблюдателей с толку и заставляет думать, будто это и есть вся картинка; а Хайям, вслед за суфиями, называет такое восприятие иллюзией, непосредственно воспринимаемый мир – иллюзорным. Надо правильно понять смысл этого слова здесь. Иллюзорно – не значит «нереально»; иллюзорно – потому, что второстепенное принимается за главное или даже за единственное сущее. А что же главное? Оно – там, в Небытии, и потому уже всерьез трагична земная жизнь, смысл которой утаен.
Человек – соединение смертной плоти и бессмертной души, для которой пребывание в Бытии – лишь краткий эпизод в бесконечном пути по дорогам Небытия. Похоже, вслед за древнеиндийскими учителями Хайям верит в переселение душ; но, поскольку подобное представление категорически запрещено ортодоксальным исламом, в стихах Хайяма проскальзывают лишь намеки:

Людей, украсивших мозаику минут,
Уводят небеса – и вновь сюда ведут.

Пока бессмертен Бог, полны подолы неба,
Карман земли глубок, – рождаться людям тут.

Кстати, обратим внимание: Бог бессмертен... пока! и больше нигде ни намека: как истолковать эту ошеломляющую «оговорку» Хайяма.

Четверостишие про «карман земли» содержится в шести из рассмотренных мной источников; текст первых строк везде одинаков, дословно: «Те, кем небеса кусочки времени украшают, – приходят, и уходят, и вновь со временем приходят». Когда Хайям порой хочет сказать, что приходят другие такие же, он и называет их «другие». Так что здесь приходят вновь – именно они же. Полагаю, что и в знаменитом четверостишии № 189 о фигурках (то ли марионетках, то ли шахматных фигурах) содержится тот же намек – дословно: «Позабавляем друг с другом /зрителей/ на кожаном коврике Бытия, попадаем в ларец Небытия один за одним вновь». Фигурки-то явно для многократного употребления.

И в том и в другом тексте слово «вновь» достаточно красноречиво.

Эти догадки не противоречат частой у Хайяма мысли: «Будь весел сейчас, ибо живешь единожды». Множественность воплощений суждена не человеку, а лишь его духу. Хайям, дерзко оспаривая принципы всех религиозных учений, ставит Человека превыше его духа, ибо дух – лишь одна из его составляющих, соответственно и единственную человеческую жизнь он почитает ценностью, которой нет равных. Конечно, необходимо так организовывать жизнь, чтобы не навредить духу в его бесконечном пути; но недопустимо и терзать свое сердце, живущее лишь единожды.

Для того кто исповедует идею метемпсихоза, смещаются многие акценты. Прежде всего, жизнь души становится многоступенчатой: каждый век в человеческом теле – не более чем следующий класс в школе духовного развития. Меняется отношение к смерти: она уже не конец всему, а не более чем «дверь» для выхода в Небытие, где можно спокойно обдумать протекшую жизнь и подготовиться к новому воплощению. Не на это ли обдумывание намекает Хайям в рубаи № 382?...

Меняется представление об ответственности за свои действия: уже невозможно зажмуриться и нырнуть в смерть, забыв про свои злодеяния. Совесть неубиваема. Искупать их придется не одно воплощение. Самосовершенствование растягивается на множество воплощений, каждое из которых посвящено решению какой-то частной задачи: научиться прощать своего врага, или преодолеть в себе тщеславие, либо же насытиться богатством или властью, чтобы тяга к ним в будущих воплощениях не мешала... Следовательно, намеченные в Небытии для данной земной жизни задачи разных людей не совпадают, и каждому нужно распознать свою задачу и решать ее индивидуально.

Но земное Бытие настолько ярко в сравнении с остальными пластами мира, что душа, зачарованная его красками и соблазнами, может забыть цель нынешнего воплощения, более того, даже вообразить, будто это земное Бытие – единственное сущее; поначалу такая забывчивость естественна; однако, когда человек созреет и покончит с детскими играми, его душа должна вспомнить, осознать свою цель. Кто не удосужился заставить свою душу сделать это, кто в результате ведет бессмысленное существование, тех поэт называет «спящими». Это – люди, впустую тратящие жизнь:

Разумно ли судьбу увещавать весь век,
То славу, то позор переживать весь век?

Как ни веди ты жизнь, а Смерть идет по следу.

Решай, что лучше: спать или пировать весь век.

«Пировать» – в противовес «спячке» – значит вести жизнь осмысленную, целенаправленную. Но поэты-переводчики, решавшие это четверостишие как гедоническое, неизменно «или» превращали в «и», разумея, что где пирушка, там и пьяный сон: «Лучше жизнь, как во сне, в опьянение прожить», – не понимая символики, не замечая сформулированной Хайямом проблемы выбора: бездумно существовать или плодотворно жить (см. также, например, № 360). Другой его символ для изображения «спящих» – «сова», любительница тьмы и запустения (№ 1173).

Редкостной даже для Хайяма является грандиозная картина, вобравшая и Бытие (где он видит, увы, только «спящих»), и Небытие – с душами, доверчиво спешащими к воплощению, и со встречным потоком уходящих в разочаровании (№ 248).

Душа и Сердце

Ко многим печальным недоразумениям приводило переводчиков то, что «душа» и «сердце» в русской поэзии равнозначны, и они воспринимали такими же синонимами эти слова у Хайяма. Между тем у него это два принципиально разных «действующих лица», есть и третье в их ряду: Разум (Рассудок). У каждого своя сфера деятельности, и они находятся в сложных, порой драматических взаимоотношениях.

Душа бессмертна. Она пришла из Небытия в человеческое тело и вернется в Небытие после смерти. Для нее этот мир – чужбина (№ 144).

Сердце родилось на земле и останется в земле; это все-таки часть смертной человеческой плоти, хотя и наилучшая, «одухотворенная» ее часть. Именно через Сердце общается Душа с земным миром. Именно Сердце – первый помощник Души в ее работе. На него возложено создавать Душе такие условия, чтобы она смогла вспомнить свою задачу, а при необходимости оно должно и обеспечивать условия для ее отдыха (№ 262, 421).

Сердце знает только этот мир, Бытие. Поэтому оно жадно интересуется у Души тайнами Небытия, особенно сколько-то доступными его воображению адом и раем. В ответах Души чаще всего проскальзывает та интонация, с которой взрослый говорит с ребенком на слишком серьезные для того темы (№ 420, 251). Однако Сердце совсем не глупо, оно способно (правда, очень по-своему, в плане эмоций, а не рассудочно) понимать многое с полуслова:

Сказало Сердце мне: «Учить меня начни.

Науки – таинства; но что таят они?»

Я начал с азбуки: «Алеф...» И слышу: «Хватит!

Свой своего поймет, лишь буквой намекни».

Сердце сразу прониклось глубочайшим смыслом буквы «алеф», она же – цифра «один». Это и символ Единого Сущего, и символ единства всего мироздания. О чем еще говорить?...

В свою очередь Душа с уважением относится к предостережениям Сердца, лучше понимающего земную жизнь (№ 528).

Как и некоторые другие стихи, ранее упомянутое четверостишие № 247 показывает: Хайям считает, что религиозно именно Сердце, а не Душа. Душа знает иной мир, зато Сердце, что-то выпросив у нее и кое-как поняв, начинает фантазировать, достраивает полученные сведения по-земному яркими чувственными образами. Так и появляется религия, либо ее новая ветвь – секта. С точки зрения Души, все молятся одному и тому же Всевышнему, только называют и представляют Его по-разному. Но для Сердца главное – эмоции и образные представления. Поэтому оно и должно найти «среди вер и ересей – свою». Скорей даже: сколько Сердец – столько вер.

Любопытен косвенный признак того, что рубаи Хайяма действительно содержат мало чужеродных вкраплений. В классической персидской поэзии слова «душа» и «сердце» чаще всего являются ласкательными именами возлюбленной или друга, соответствуя русскому обращению «душа моя!». Между тем в стихах Хайяма никогда (если не считать 2–3 чужеродных четверостиший) такого не происходит. Он отвел этим словам раз навсегда определенные роли и собственных правил игры не нарушает. В использовании их – одно из проявлений его поэтической индивидуальности.

В этой главе «имена» действующих лиц ради пробы везде были приведены с большой буквы; читать такое непривычно и даже трудновато. Поэтому в тексте рубаи заглавные буквы в именах Душа и Сердце будут использованы лишь в необходимых случаях (то же самое: Рок, Смерть, Жизнь и т. п.).

В сетях добра и зла

Значительную, но так и не расшифрованную мною роль играют у Хайяма понятия добра и зла, которые в зрелых своих стихах он, по сути, приравнивает друг другу, как две стороны одной медали. «Всевышний Сам добро и зло послал сюда», «Сам из добра и зла связал Он сеть вселенной» для поимки несчастных людей, «Морщинами добра и злыми письменами лицо мне исчертил», «Когда бы смог я жизнь от рока оградить, от пут добра и зла себя освободить...»

Проблемы добра и зла касается какое-то самое сокровенное открытие Хайяма,

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
которое он, видимо, утаил даже от своих учеников, ограничиваясь косвенными намеками: «Про Зло с Добром ни с кем нельзя мне говорить... Хранитель тайны – нем. Нельзя мне говорить» (№ 533).
Как попасть в рай

Итак, закончится жизнь Вселенной. Грядет Страшный суд... В первом Хайям не сомневается, он часто упоминает про неизбежный конец Вселенной. Но ко дню Страшного суда отношение его колеблется: от призывов готовиться достойно предстать на судилище (в ранних стихах) до завуалированных издевок над самой идеей Суда; одно из таких рубаи – шедевр утонченного сарказма: Однажды всяк из нас на Судный зов придет; Создатель обсудит плоды трудов придет. Лишенных блага Друг, конечно же, утешит.

Вот видишь? Радость к нам в конце концов придет!
Заметим, на вид это стихотворение исключительно благопристойно. Многие исследователи, в том числе проф. В. А. Жуковский, всерьез сочли его квинтэссенцией суфийского благоговения перед «Другом». Нервный смех от высказанного «утешения» возникает как бы не по вине автора: читателю-де не по себе лишь потому, что он слабо верует в милосердие Всевышнего и недостаточно презирает бренную земную жизнь. Искусством говорить так, что ни к одному слову не придаться, но в целом почему-то звучит издевательски, – Хайям владеет в совершенстве.

Гораздо более откровенной иронией окружена идея ада и рая. Широко известны многочисленные хайямовские рубаи вроде № 934. Хайям очевидно игнорирует опасность попасть в ад и презирает соблазны рая. Но заметим одну тонкость: ни разу – среди сотен четверостиший – не утверждает он прямо, будто «нет ни рая, ни ада, о сердце мое» (цитата из перевода Г. Плисецкого – см. № 211). Почему? Возможно, повинна привычка к научной точности утверждений. Хайяму никто не может доказать, будто ад есть. Но и он не находит обратных доказательств. Поэтому позволяет себе только язвительно сомневаться; граница прямого отрицания проходит очень близко (как в рубаи № 544), но он ее не переступает.

Интересно, откуда богословы так много знают про ад и рай?... Хайям однажды даже изображает единственно мыслимый (и, конечно, нелепый) источник «сведений из загробного мира» – возвращение покойников (№ 646).

Во всяком случае, для Хайяма очевидно: есть ли ад и рай, нет ли их, но человеку глупо руководствоваться недостоверными представлениями о них, а внушать кому-либо такие страсти – попросту преступно:

Как буйно в медресе, и в кельях, и в церквах
Растут стремленье в рай и перед пеклом страх!
Но тот, кто разгадал и вызнал тайну Бога,
Не сеет сорняков в доверчивых сердцах.

Любая религия «сеет сорняки», обещая своим приверженцам рай, а посетителям «нечестивого храма», разумеется, ад; Хайям смеется разом над всеми (№ 379). Впору усомниться: да был ли он, в самом деле, мусульманином? Впечатление такое, будто Хайям ниспровергает атрибуты мусульманства, расчищая место для чего-то иного.

Что Всевышний натворил с человечеством?

Какое же сомнение заставляло Хайяма и какое знание давало ему право последовательно проходить все ступени взаимоотношений с Богом: умолять Его, просить о помощи; потом давать Ему иронические советы, упрекать, насмехаться, гневаться, проклинать; наконец, демонстративно отворачиваться от Его возможной благосклонности? Выстраивается головокружительная лестница конфликта, и на ее верхней ступени Хайям уже вершит суд над Творцом – в картине, может быть, уникальной в мировой поэзии:

Качнутся небеса и рухнут в никуда,
Вдогонку пролетит отставшая звезда, –
Тебя я в этот миг на площади Суда

Поймаю за полу: «Так Ты – убийца! Да?!»

Дословно: «Ты должен признать грехом убийство, /совершенное/ Тобой!» Разве здесь речь про убийство одного человека – автора четверостишия? Едва ли. Хотя именно так понял О. Румер в своем переводе: «За что же ты убил меня, владыка вечный?» Слишком скромно для такой апокалиптической картины. Скорей здесь речь про убийство человечества, причем не про то, будущее, а про сегодняшнее, совершаемое каждодневно, начатое еще во дни Адама. [21]

Так что же Творец натворил?

Множество косвенных намеков убеждают, что постепенно Хайям пришел к выводу: Бога над нами давно уже нет. Он вылепил нашу Вселенную, наигрался ею, как новой игрушкой, потом вышвырнул на свалку и ушел создавать иные миры. Может, Он и вернется, чтобы устроить Страшный суд, но и то едва ли. Только в такой интерпретации становится понятным четверостишие № 705...

Объясняется и вроде бы странная закономерность в стихах Хайяма: в том, как

нелепо и жестоко идут сегодня дела на Земле, он обвиняет стихии, небеса и рок чаще гораздо, чем самого Творца, которому достается от поэта за то, что сделано когда-то, а не сейчас, за общие ошибки и нелепости творения. За ширмой небес он уже не видит Бога, следящего за нами. Насколько же далеко это леденящее душу открытие от прежних экстатических восторгов!

Итак, Творец бросил нас. «Скрижали – рок – небо» – обветшавший без присмотра механизм, только по инерции выполняющий свою безжалостную работу, тем более жестокою, что она стала бессмысленной, вершится уже не для Бога, а просто так. Потому Хайям снисходит даже до того, чтобы пожалеть палача-небо (№ 1130).

Не Бог, а Рок – корень зла сегодня; Богу досталось бы от Хайяма не меньше, но Его здесь уже нет. Гневные же выпады Хайяма против Бога в других стихах – это проклятия вслед напакостившему и ушедшему, а также полемический прием, чтобы разрушить авторитет Творца. Удивительно ли, что Хайяма порой принимают за атеиста. Бог есть, но для нас Его практически нет, и от Него в нашей жизни уже ничего не зависит, и скорей всего не будет ни божественной кары, ни воздаяния; от такой позиции до атеизма недалеко. В стихах третьего периода Хайям считает человека свободным от моральных обязательств перед Богом. О Нем можно и нужно забыть, отвергнуть все обрядовые требования и устраивать свою жизнь на Земле самостоятельно.

Человек, помоги себе сам

И вновь на первый план выходит проблема духовного развития. Путь суфиев нацелен на мистическое постижение Бога. Для Хайяма цель – Счастье, фундамент которого – земная жизнь; то Счастье, на создание которого нет ни времени, ни сил, ни даже права, пока ты обманут выдумками религиозных ханжей. Хотя поэт предпочитает другие термины: «веселье», «блаженство», – суть одна. Земную жизнь Хайям ценит гораздо выше, чем индийские мудрецы; идея метемпсихоза этому не мешает. Если уж именно Земля предназначена для многих и многих воплощений души, если Земля – источник самых ярких ее радостей и бед, если Земля – главная школа души, то Хайяму далеко не безразлично, как обстоят дела в этой школе.

Прибегнем к несложной аналогии. Вообразите, что вы живете в ожидании отъезда. Тюки увязаны. Продукты упакованы. Знакомства с теми, кто поедет в другую сторону, случайны и мимолетны. Из угла дует, в другом углу паутина – эти приметы запустения вас мало волнуют... Но караван, к которому вы думали пристроиться, сегодня не пришел, и вы ночуете на тюках, чтобы завтрашний день прожить в таком же несозидательном ожидании. И так день за днем...

А теперь уверьтесь, что караваны никогда не придут, что вам – и всем соседям – надо устраивать жизнь здесь. Тогда придется совсем по-другому взглянуть на неуютность здешнего караван-сарая. И, быть может, вы первый возьмете ведро и пойдете искать глину, чтобы замазать ту щель в углу. Настолько же различен взгляд на земную жизнь у всех, уповавших на Бога (в том числе суфиев), – и у Хайяма, призвавшего человека совершенствовать свой дух ради улучшения земного бытия и украшать земное бытие, чтобы успешнее в нем совершенствовать свой дух. И делать это, опираясь на слабые человеческие силы. Недаром так часто он декларирует: «Прочь „завтра“ и „вчера“, сегодня счастлив будь!» В этой словесной формуле есть отголосок суфийских представлений о сиюминутности жизни, отвергающих заботу о завтрашнем дне, но у Хайяма отвергается «завтра»-иное, «завтра»-якобы-при-Боге, в общем-то итоге ради «завтра» человеческого – здесь, на Земле. И если путь суфиев индивидуалистичен, то предлагаемый Хайямом путь общественен, социален, он открыт и в принципе доступен для всех.

Не будем забывать, что Хайям жил 900 лет назад, задолго даже до великих утопистов Т. Мора и Т. Кампанеллы. Во всяком случае, предлагаемый им путь выглядит гораздо реальнее мечтаний философа и утописта Аль-Фараби (X в.) о «добродетельном городе», правитель которого мистическим путем получает истины и руководящие идеи от «активного ума» – ближайшей к человеку эманации божества.

Подведем промежуточные итоги.

Бог сотворил Вселенную и человека, но бросил нас на произвол судьбы (в буквальном смысле!). Для каких-то своих первоначальных целей Он создал и запустил строго детерминированный механизм существования, который тысячелетиями удерживает человечество в плачевном состоянии. Похоже, беспросветное существование запланировано для нас до конца Вселенной. Но с уходом Творца эта жестокая работа небес утратила смысл, она совершается только по инерции. Поскольку Творец покинул нас, мы вправе не следовать Его предначертаниям. Нет худа без добра: в отсутствие Мастера механизм расшатался, допускает промахи, и порой человек может воспользоваться ими, чтобы вопреки древним планам улучшить свою жизнь. Однако нужно научиться ловить такие случаи, научиться в такие моменты направлять свою судьбу не в

худшую, а в лучшую сторону в сравнении с изначально предписанным тебе. И, наконец, при любом везении не очень-то станет совестливый и мудрый человек счастливее, если общий фон жизни остается прежним. Нужна работа всех людей в одном направлении, чтобы так вот по крохам увеличивать сумму общечеловеческого Счастья – и постепенно вырваться из-под власти Рока, свернуть с когда-то предписанного нам пути, расстаться с монотонным, беспросветным существованием. Даже массивный катящийся шар можно свернуть с прежнего курса легкими толчками сбоку. И тогда ныне униженное человечество действительно сможет «сверкнуть алмазной гранью» в «перстне»-Вселенной. А работа эта должна начинаться с сознательного самовоспитания, буквально с первого самостоятельного, не подневольного, не предписанного свыше движения собственной рукой (№ 1175). Первое самостоятельное движение. Какое? Прежде всего, нужно перестать быть пособником палача-небосвода, вольным или невольным орудием подавления других людей. Не кичись богатством, не будь жаден, одаряй бедняков. Не злоупотребляй властью. И так далее. Примеры наставлений такого рода приводить нет нужды; обратимся к призывам не совсем обычным, а именно: не принимать на себя горе. Не горевать, не отчаиваться. Человеческой психологии свойственно общее количество Счастья считать стабильным; оно как бы переходит из рук в руки, вроде денег. Если одному прибудет счастья, у другого отнимется. И в Ветхом Завете, и в христианском учении, и в мусульманстве жертвующие собой святые и праведники в основном заняты именно тем, что собирают на себя всяческие болезни, горести и несчастья, освобождая от них других людей, предоставляя тем возможность стать счастливее.

Но Хайям показывает нам, что представление о механическом перераспределении счастья-несчастья в принципе ошибочно, поскольку порожденное твоими горестями отчаяние поражает и окружающих (не обремененных твоими бедами) и уж точно не делает их счастливее – см. № 973. Даже простое уныние подкрепляется самозарождающимися бедами и несчастьями (если идешь, голову повесив, то и впрямь налетишь на косяк). Следовательно, возможно размножение бедствий на манер эпидемии, и распространители этой заразы – люди, предающиеся отчаянию. Можно предположить такой ход мысли: если зло (через отчаяние) саморазмножимо, но добро среди людей все же существует – значит, и у добра есть сходный механизм саморазмножения, остается его обнаружить и начать сознательно применять. Такой взгляд, с точки зрения богословов, в принципе крамолен: он противостоит и идее святого самопожертвования, и взгляду на бедствия как на испытание либо наказание, ниспосланное свыше. Более того: делиться своим добром – безусловно, благое дело; но творить для себя и других добро «из ничего» – значит кощунственно уподобляться творящему Богу!

Человек рожден, чтобы страдать, утврждают все религии. А вот Хайям столь категорически выступал против губительных эмоций, как если бы считал их не естественной реакцией на беды и несчастья, а следствием духовной распущенности и невежества. Надо так организовывать свои эмоции, чтобы только с улыбкой, а не со слезами проходить сквозь любые несчастья (№ 1162).

Подвергаться нападкам судьбы – одно, но «пить горечь» при этом – совсем другое: первое неизбежно, второе постыдно. Религия призывает смиряться перед горестями, Хайям – смеяться над ними. И этим, по крайней мере, парализовать механизм размножения зла. Кроме того, только человек, не впадающий в отчаяние, способен «пробудиться», стать «мудрецом».

По Хайяму, и метод нейтрализации зла, и средство для «пробуждения спящих», и способ поправить свою личную судьбу, и то, как улучшить жизнь всего человечества, – одно и то же! Такая универсальность его метода наверняка убеждала Хайяма, что он прав, что действительно возможно людям, отвергнув упования на Бога, самим оборотить вполне реальный механизм злой судьбы. Суфийский метод «пробуждения» и последующего «постижения Бога» основан на строжайшем самоограничении, на отстранении от всяческих соблазнов, на том, чтобы лишить душу ярких чувственных впечатлений (как бы вернуть в Небытие), посадить ее на голодную диету, оградить забором запретов и тем самым заставить тянуться только ввысь. Об этом прекрасно сказано в суфийском четверостишии, изредка приписываемом Хайяму (№ 1200).

Хайямовский же путь в том, чтобы не увлекаться ложными ценностями Бытия, не считать их значительными, поскольку они-то и отвлекают от истинной ценности жизни, они-то и провоцируют вспышки жадности, злобы, зависти и т. п. у одних, а как следствие – отчаяния у других. Среди этих ложных ценностей – себялюбие, тщеславие, жажда власти и богатства, похоть, условия для лени, неги, бездумия, равнодушия; они не существуют в Бытии изначально, а созданы самими людьми – «спящими», принявшими яркость Бытия и данный им недолгий человеческий век, за единственную данность. Отвергая эти ложные ценности,

надо не ограждать по-суфийски забором от жизни, а воспитывать свою душу так, чтобы непрестанно летящая из-под колес судьбы грязь к ней не прилипла, чтобы не тянуло с пути подбирать каждую яркую стекляшку. Надо снять с тара своей души темные струны, чтобы никакой порыв житейского ветра не породил унылых отзвуков.

Зато – в противовес ложным – надо научить себя наслаждаться истинными ценностями Бытия, приобщение к которым просветляет душу и ни в ком не вызовет зависти, ибо они доступны всем: красота природы, весеннее цветение, пенье птиц, любовь, музыка, восторг научного познания, радость умного спора с друзьями. Разве не такой представляла земную жизнь душа, когда задумывала свое новое телесное воплощение? Именно в такой обстановке ей легче будет вспомнить свой замысел и осуществить его, не отвлекаясь на «блестки» и не парализуя себя бредовыми страхами.

Что касается страхов, то прежде всего Хайям стремится излечить человека от самой губительной эмоции: от страха смерти. Здесь он применяет богатый арсенал воспитательных приемов, от запугиваний по принципу «клин клином вышибают» (№ 802) до презрительной насмешки над трусливым хозяином собственной жалкой шкуры (№ 804).

Тот печальный факт, что жизнь преходяща, Хайям в утешение нам умудряется даже представить благом (№ 602). Он развенчивает ложные ценности этого мира, убаюкивающие «спящих» (№ 187), бичует вскормленные ими пороки (№ 594)...

И так далее. Но это – критика, обличение. Однако есть ли у Хайяма позитивная программа (в отсутствии которой упрекали его некоторые исследователи)? Есть. Более половины стихов посвящено как раз ее изложению. Она адресована не обществу, не государству, а каждому отдельно взятому человеку, однако имеет общественную направленность точно так же, как работа воспитателя и учителя. Собственно, Хайям и был воспитателем и учителем, сами интонации его четверостиший говорят о присутствии учеников: тут и повторы, и разъяснения темных мест, и подшучивания, и контрольные вопросы, и ответы недоумевающим (например, № 513).

Но это не учебник. Не философский трактат. Перед нами поэзия самой высокой пробы. И если оформленные в стихах мысли можно оценивать с позиций историка философии или религии, то манеру преподнесения их можно судить только по законам поэзии. Этические уроки Хайяма далеко не всегда высказаны прозрачно-ясно, иные его поучения требуют определенного навыка в их понимании (см., например, № 1174 или 48).

По легендам, Хайям не записывал своих четверостиший: сотни и тысячи строк дошли до нас только благодаря записям его учеников и друзей. Трудно найти аналогичный пример в истории за последнюю тысячу лет, трудно вообще поверить в подобную старательность поклонников его поэтического дара, только из любви к стихам десятилетиями подбиривших каждое оброненное им четверостишие. Иное дело, если ценность рубаи была не только в их поэтических достоинствах, если они являлись (как и стихи суфиев) сжатыми формулировками, комментариями и пояснениями различных аспектов его учения. Так позже «писари тайн» при Джалаледдине Руми подхватывали каждый произнесенный им байт, потому что они записывали не просто стихи, но Истину, отчеканенную в стихах.

По той же, может быть, причине из стихов Хайяма, которые я отношу к ранним, до нас дошли четверостишия почти только религиозного содержания – и исчезли сотни веселых юношеских экспромтов. Трудно вообразить, будто их вообще не было, особенно если взглянуть на единственное уцелевшее из таковых – № 336. Впрочем, возможно, к ним же следует отнести и № 71–73.

Напрашивается вывод: школа Хайяма, где он пропагандировал учение, призванное взорвать изнутри мусульманство, действительно существовала, пусть и маскировалась под «преподавание науки греков», как о том пишет Кифти; заметим, от «науки греков» в четверостишиях практически нет ничего. Таким же конспиративным следовало быть и языку его лекций, и языку его стихов, говорящих на секретные темы.

Под маской чужого слова

Действительно, язык Хайяма условен, многие понятия он шифрует словами-символами. Это в традициях персидской поэзии, особенно суфийской. На «тайном языке» с Хайямом говорят то соловей, то роза, то кувшин. Вот и сам он беседует с нами на «тайном языке»: пусть имеющий уши – услышит. В качестве символов Хайям привлекает тот же набор слов, что и поэты-суфии, но вкладывает в них, как обнаруживается, заметно другой смысл. И если по суфийской поэзии существует разъясняющая литература, то символы Хайяма приходится расшифровывать почти с нуля и ошибки здесь конечно же возможны. «Почти» – потому, что у него есть несколько четверостиший-подсказок, дающих прямые расшифровки.

Здесь мы коснемся лишь верхнего пласта его символики. Некоторые важные

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
символы Хайяма, как «спящие», «мудрецы» и т. п., выше были уже рассмотрены, и теперь мы сосредоточим внимание на центральном символе Хайяма: ВИНО.

О. Румер был не очень-то прав, когда писал в предисловии к своим переводам: «Доминирующий мотив четверостиший, это – призыв не предаваться бесплодным бредням умозрения, а насладиться, пока не пришла смерть, всеми радостями жизни, символ которых для Омара – запрещенное Кораном вино» [22]. Однако, как мы уже видели, далеко не любые радости жизни приветствует Хайям («За блестящими не рвись!»), а «бредни умозрения», сиречь философское и научное осмысление мира, вообще были главным и любимым занятием его.

Далее. О. Румер явно имел в виду вино как таковое, соответственно звучат и его переводы; и слово «символ» он применил как синоним выражения «яркий представитель», а не в смысле шифрующего знака. Между тем «вино» у Хайяма именно элемент шифра, причем маскирующий несколько разных смыслов.

Многозначность терминов естественна для условного языка, находящегося только в стадии становления. Вот основные из этих смыслов:

1) «вино» – то лучшее в жизни, чем можно усладить свой дух, не увлекаясь «ложными ценностями»: молодость и любовь, весна и цветение садов, музыка и песни; зрелость и творчество, научное познание мира и общение с друзьями; старость и мудрость, афористичные стихи и умный спор. Иными словами – истинные ценности Бытия. Иногда это «чистое», «прозрачное вино», «сок лоз», иногда с конкретизацией: «любовное вино», «вино познания». Главная эмоция, сопровождающая его, – радость жизни, веселье (см. № 624 – пример авторской расшифровки своих терминов). Именно на это «вино» и возложена в учении Хайяма основная роль в пробуждении «спящих», в приобщении к «мудрецам». К стати, символ «любовь» у Хайяма (если не считать четверостиший суфийского периода) очень близок к этому «вину», с той разницей, что «любовь» – для Сердца, а «вино» – для Духа. Можно сказать, что «любовь» – тот настрой Сердца, при котором оно способно снабжать Дух возвышенными радостями Бытия. Чтобы помочь Духу пробудиться, Сердце должно радовать его «вином», а для этого предварительно само войти в постоянное состояние «любви». Открытость взгляда, свежесть восприятия, жадная тяга ко всему прекрасному, готовность радоваться и радовать других, но также и сострадать им – вот что означает «любовь»-символ. Она концентрирует в человеке силу, сравнимую с мощью богов (№ 278);

2) «вино» – поток живых страстей и жизненных перипетий; течение времени, замертво валящее всех; оно же часто – «красное», «багряное», «коровое» (№ 668, 1080). Сюда же относятся стихи о «наполнившейся мере» или «чаше», что означает завершение отмеренной человеку жизни.

В этом смысле «вино» порой ассоциируется с человеческой кровью, что особенно красноречиво в строках про багряное вино, пролитое на землю, например:

Ты винный мой кувшин расколотил, Господь!
Из радости изгнал и дверь забил, Господь!
Багряную струю небрежно пролил наземь!..
Да чтоб мне землю есть! – Ты пьяным был, Господь?!

Маленькое отступление. Это четверостишие часто переводили на русский язык, однако без символических намеков, как реалистический эпизод, и тому есть две причины. Одна из них – сопровождающая это рубаи легенда, пересказанная, в частности, А. Болотниковым [23] так:

«... Резкий порыв ветра задул свечу и опрокинул кувшин с вином, неосторожно поставленный на край террасы. Вино погибло. Рассердившийся философ не замедлил пустить ядовитую стрелу по адресу Всевышнего:

Кувшин с вином душистым мне ты разбил, Господь!

Дверь радости и счастья мне ты закрыл, Господь!

Ты по земле, о Боже, разлил мое вино...

Карай меня! Но пьяным не ты ли был, Господь?

Произнеся это богохульство, Хайям увидел в зеркале, что его лицо почернело, как уголь. То было наказание небес. Но поэт тут же составил следующее, не более лестное по отношению к Богу, четверостишие:

Но кто же из живущих мог не грешить, скажи?

А если был безгрешный, как мог он жить, скажи?

Я сделал зло, за это ты злом же мне воздал,

И разницу меж нами кто б мог открыть, скажи?»

Естественно, переводчику трудно избавиться от гипноза этой фантастической, но очень зримой сцены.

Вторая причина – в том, что Хайям часто прячет суть под обыденным смыслом идиом и ходячих выражений. Нужно обращаться к первоисходным значениям слов. Например, Хайям пишет о людях, через века взошедших травой, и звучит у него избитый оборот, привычно переводимый так: «Зачем топчешь траву?»

Однако поэтический ход автора станет понятен, только если переводить дословно, извлекая из идиомы суть, которую даже не каждый персидский

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
читатель заметит: «Над головой травы зачем заносишь ногу?!»
Так и здесь. «Да будь я проклят, может, Ты пьян, о Господи?!» – таков подстрочный перевод последней строки с привлечением русского эквивалента для звучащего в оригинале проклятия. Но дословно-то оно таково: «Земля у меня во рту!» Как у покойника!.. Это настораживает и заставляет всмотреться пристальней. Вино – алое. Как кровь. Пролито – на землю. И даже такая незначительная деталь начинает работать: не «кувшин с вином», а «кувшин винный мой ты разбил». И становится ясно, что Хайям негодует на Бога за будущее убийство свое (описанное как уже случившееся), а не за такую мелочь, как кувшин вина. Замена при переводе Хайяма обиходного персидского выражения таким русским, которое эквивалентно по основному смыслу, но построено на другом предметном материале (в том числе подмена пословиц), порой утаивает даже от самого переводчика сокровенную суть четверостиший. Что уж говорить о читателе;

3) «горькое» или «мутное вино», «осадок в кубке», «кровь» или «слезы в чаше» – это постепенно накапливающаяся с годами сумма тягостных переживаний, душевная усталость; иногда – полоса бедствий либо же гнет старости (№ 1051).

Антонимом «горького вина» является «виноград», «виноградный сок» – символ чистой юности, полной радужных надежд и благих устремлений:

Не только в пятницу не перестану пить,
Горчайшее вино и в дни поста мне пить.

Но я-то чистый сок в бочонок лил!.. Всевышний,
Не делай горьким сок! – тогда не стану пить.

Опять четверостишие с двойным дном. На поверхности – упрямство пьяницы, грешащего и в святую субботу, и в пост, «научное» оправдание пьянства тем, что Господь сам же превращает в вино, в несимволическую «горечь» залитый в бочонок виноградный сок: человек-то в этот загадочный процесс не вмешивается. А в глубине: никакое не пьянство, а горести, сплошные горести жизни, которых конечно же не избежать ни в пятницу, ни в дни поста, – неуклонное разрушение прежних юношеских надежд;

4) «вином» обозначается в некоторых текстах и собственное хайямовское учение (№ 417).

Встречаются и другие применения слова «вино» не в прямом смысле, но уже обычно с определениями, как «вино забвенья» и т. п.

И лишь после этого, наконец, названное О. Румером:

5) вино как таковое, привлеченное Хайямом в союзники именно за то, что оно запрещено шариатом. И в этом случае «вину» сопутствуют уже не слова-символы, а слова-персонажи: «гуляки», «распутники» и проч., – разыгрывающие настолько блистательный фарс, что и самый законопослушный мусульманин увлечется им, а увлекшись, не заметит, как с помощью бесшабашно-хмельных словес Хайям с трезвой осторожностью, по капле вливает в его ум и душу свой едкий скепсис, который постепенно разъедает гипноз ислама и подготавливает к восприятию иных, гораздо более крамольных страниц хайямовского учения.

Причуды фарса

Спектакль условных масок тем богаче и интереснее, за событиями на сцене тем яснее видны перипетии реальной жизни, чем лучше подобраны персонажи. Старая престельная поэтическая игра, одна и та же во все века и у всех народов. Между тем среди поэтов-переводчиков, а благодаря им и среди читателей многие полагают, что Хайям искренне воспекает вино и превозносит пьянство. Впрочем, наличие таких читателей свидетельствует: спектакль в театре масок удался на славу.

Персонажи ведут себя соответственно маскам. Вино и шариат несовместимы? Тем хуже для шариата! Впрочем, поначалу-то герой фарса пытается подчиняться запретам, но...

Можно предложить читателю нечто вроде автобиографии морально неустойчивого обывателя, выполненной сатирическим пером Хайяма. Для этого последовательно, не пропуская, прочтите четверостишия № 655, 340, 523, 611, 778, 648, 564, 561 и 566. Какая головокружительная пропасть грехопадения! Но обратите внимание, как уже в этих шутовских текстах Хайям представляет в смешном виде не столько своего героя, вначале чуть оступившегося, а в итоге пропившегося насквозь, сколько запреты шариата, а порой вкрапляет в его самые разудалые монологи – намеки на самые серьезные свои мысли: «Возня добра и зла давно постыла мне». Или «Нет веры, нет судьбы, местечка нет в раю». Да ведь это в чистом виде хайямовская программа: преодолеем гипноз мусульманской веры – перестанем надеяться на рай – уйдем из-под власти судьбы.

Теперь поэту остается чуть отклониться в сторону и повести за собой увлекшегося слушателя прочь из фарса, ближе к своему учению. И тот уже легче воспримет пренебрежение раем и геенной, гуриями и чертями (№ 689),

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
поверит, что есть средство обмануть судьбу (№ 413), отстранит Коран (№ 518), спокойней отнесется к мысли о невнимании к нему Творца (№ 501) – и, наконец, доверчиво воспримет Хайяма и его учеников не более чем как еще одну секту в исламе, в которую почему бы и не вступить (№ 761)? Теперь завербованного слушателя Хайям понемногу начнет приобщать к сути своего учения, и если вдруг проболтается, что оно стоит вне мусульманства, что ж, новичку и на это надо когда-нибудь намекнуть (№ 559). А потом ученик убедится, что кубок хайямовского «вина» действительно несет ему благородный душевный покой как избавление от суеты, от погони за иллюзиями и ложными ценностями Бытия; причем мудрость этого покоя настолько далека от мудрости молящихся Богу, что совместить их нельзя, можно только выбирать одно из двух (№ 1180).
Согласитесь: не случайно почти все эти четверостишия звучат как экспромты из диалога. Отчетливо видится, как остроумными стихотворными аргументами поэт подталкивает к нужным выводам сомневающегося собеседника.
Будь весел!

Ну, а какова же стратегия и тактика Хайяма для избавления от власти небес, для направления человечества к будущему счастью – каков же тот универсальный метод?

Его рецепт до гениального прост и звучит чуть ли не из четверостишия в четверостишие: «Будь весел!» Поначалу это воспринимается как обычное присловье перед застольными тостами (потому и переводят эти слова часто как «пей вино!», полагая, что у Хайяма это одно и то же). Но постепенно поражает: едва ли стоит легковесно относиться к формуле, которую он внушает нам так настойчиво. Внимательно приглядевшись, обнаруживаем: она тесно связана с намеками на промашки небес. И становится ясно вот что. Как человек может узнать про момент, когда диктат небес ослаб, когда смертный сам влияет на свою будущую судьбу? никак! И – случайным образом – способен в этот момент повернуть свое будущее не только в лучшую, но и в худшую сторону. Скорей всего, это зависит от душевного настроя: уныние резко кувирнет вниз (см. № 785 – о «лишних горестях», которые могут насладить небеса!), бодрость улучшит судьбу. Потому-то, хотя небеса и обветшали, с работой своей они пока справляются успешно: случайные отклонения в ту и другую сторону взаимно компенсируются. И так будет до тех пор, пока люди не объединятся в заговоре против небес, не начнут действовать сообща – по рецепту Хайяма.

А рецепт исключительно прост. Поскольку промашки небес неощутимы, остается одно: все время пребывать в положительном душевном настрое. Тогда не ошибешься.

Будь весел, говорит Хайям, ибо мир непостоянен. Будь весел и жизнь на ветер не пускай. Не растрать впустую своего мгновения.

Кстати, о мгновении. Порой Хайям сокрушается: жизнь мгновенна; даже время существования Вселенной – миг. И после этого, когда он то и дело повторяет: не уппусти доставшегося тебе мига, не проплачь его, проведи весело! – мы воспринимаем его так, будто он по-прежнему говорит о краткотечной жизни, будто мы имеем дело с постоянной метафорой: жизнь – миг. Однако метафорический язык Хайяма очень подвижен и разнообразен, законсервированных метафор (если не считать слов-символов и «рубиновых уст») у него попросту нет. Часто упоминаемое превращение людей в кувшины у поэта, полагавшего, что человеческая плоть в самом деле становится глиной, – не метафора, а прямой факт. Так, может, и это «мгновенье» у него не метафорично? Каждый раз, когда он призывает не упустить, не погубить слезами свой миг, действительно имеется в виду именно миг – тот самый, редкостный, важнейший, в течение которого небеса могут «проиграть» тебе. Таким образом, по Хайяму, человечество способно прийти к счастью, если люди согласятся для этого несколько потрудиться: отвлечься от ложных ценностей Бытия и полюбить его истинные ценности («Пей вино!») – чтобы не прожить жизнь впустую; вытравить из своей души грязь и пороки; и, наконец, научиться быть неизменно веселыми, чтобы при каждой оплошности небес добавлять свою толику к совместным общечеловеческим устремлениям к счастью. И когда эти крохотные добавки суммируются в реальную силу, тяжелая инертная повозка нашей Истории постепенно свернет с колеи унылого существования, когда-то предписанного Аллахом, вырвется из-под механической власти небес и устремится на иной, на гордый, светлый и высокий путь. Надо иметь достаточно гражданского мужества, ответственности перед своими прапраправнуками, чтобы оставаться веселыми до самого последнего мгновения: когда в погоне Смерть задышит за спиной, когда в глазах у нас померкнет мир земной, сердца – весельями швырнем на сито жизни!
И можно пылью стать под уличной метлой.

Хайямовское учение нуждается в дальнейшей расшифровке, и не исключено, что

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
многие важные подсказки таятся в еще не найденных четверостишиях. Но возьмите хотя бы рубаи № 742: сказанное там может читаться как преувеличение, гипербола, однако при сопоставлении с остальными стихами видно, что это – прямой урок, на редкость откровенный текст.

Не только тайным языком

Конечно, не все стихи Хайяма иносказательны и далеко не все посвящены философским проблемам. Есть, например, у него и любовь – не символ, а любовь в первозданном смысле. Около сотни его четверостиший, разбросанных по разным источникам, мало популярных даже в них (поскольку стиль их далек и от философских, и от сатирических стихов Хайяма и кажется чуждым), в большинстве не переведившихся на русский язык (поскольку порознь они звучат фрагментарно), собранные воедино, сливаются в прекрасный лирический цикл, очень земной и непосредственный. В этих стихах практически нет подтекстов и символов, они – откровенная летопись любви поэта к женщине, внешность которой он традиционно идеализирует, но строптивый характер ее, да и все перипетии этой истории и все оттенки собственных эмоций, не всегда благородно-возвышенных, изображает реалистично, зримо и без прикрас, открываясь нам с неожиданной стороны, как уже не мудрец и ученый, а простой человек, в меру лукавый, остроумный и глубоко страдающий, несчастный человек, которому по возрасту и ослабевшему здоровью как бы и неприлично так по-юношески влюбляться.

Эти стихи, среди прочих похожие на инородные вкрапления, при слиянии их в цикл обнаруживают несомненное стилистическое единство; более того, в них становятся видны сквозные поэтические и бытовые сюжеты.

Именно эти стихи более всего относятся к «блуждающим». Но если не Хайям писал их, то коллективным автором лирического цикла приходится признать десяток различных авторов, мало схожих между собой. Однако весь стиль и сюжетные линии цикла свидетельствуют безусловно, что автор его – кто-то один. Единоличных же претендентов на него, кроме Хайяма, нет. Более того, в стихах этого лирического цикла, несмотря на стилистическую простоту, немало в приемах письма, в характере поэтических тропов, даже в прямых текстовых цитированиях переключек с остальными стихами Хайяма.

Нам остается признать, что Хайям был не только глубоким философом и блистательным сатириком в своих стихах, но и удивительно тонким лириком. И в том, и в другом, и в третьем он выработал особые, точно соответствующие каждому из этих направлений приемы письма. В лирике речь его проста, нежна и откровенна. Взгляните, например, на редчайшее в жанре рубаи явление – прелестные, психологически точные диалоги (№ 938, 939, 940).

Есть у Хайяма и картинки из жизни, то будничной, то праздничной; есть и дивные пейзажи; и стихи по случаю, например, благодарность за присланную кем-то рукопись (№ 439).

Своеобразны и довольно сложны для понимания шуточные стихи, образы которых навеяны научными размышлениями Хайяма. Он пытается ввести читателя в заблуждение, лукаво перемешивая строго научный смысл с обыденным, со здравым смыслом неуча. Например: «Неужто до того окружность уст мала, что центр окружности был вытеснен наружу?!» Это про родинку возле губ (из лирического цикла, № 862). И одновременно – про то, как спотыкается воображение, пытаясь совладать с бесконечно малыми величинами. Взять ту же окружность: трудно отделаться от ощущения, будто она, неограниченно уменьшаясь, должна в конце концов выдавить из себя – наружу – точку собственного центра.

Или такая серия подтасовок. По древнегреческим определениям: линия – это траектория точки. Плоскость – траектория линии. Точкой делится пополам линия, линией – плоскость, и т. д. Хайям шуточно утверждает, что и на этом скромном уровне математика уже сильнее установлений Творца:

Над каплей, плакавшей, собираясь в дальний путь,
Смеялось море: «Вновь вернешься как-нибудь:

От Бога мир – един. Однако не забудь:
„Движение точки“ всё способно разомкнуть!»

Крохотная капля (точней даже, молекула) воды, испарившись, прочерчивает в пространстве линию. Так? Несомненно. Усложняясь хаотическим движением капли, эта линия может с какой-то вероятностью превратиться в плоскость. Так? Вроде бы не исключено. Плоскостью делится (разрезается) трехмерный объем. Наш мир трехмерен. Значит, и весь мир способна разделить эта плоскость. Так? Трудно возразить. Разделить – расчленивать – разломать – развалить на части – разметать в разные стороны!.. И это – мир, созданный Творцом как единый – неделимый! Ну сильна капля, ну и сильна математика! Шутливая логика? Пожалуйста. Небытие – место не-бытия, не-существования. Но Бог ВЕЗДЕ-СУЩ, значит, и в Небытии Он есть, существует. Следовательно, Он обладает свойством инвертировать (обращать в противоположное) воздействие окружающей среды; назовем это божественным свойством «НЕ», благодаря ему

Бог в НЕ-бытии НЕ-НЕ-существует. Но если бы и здесь, в Бытии, вездесущий и всемогущий Бог присутствовал с этим свойством «НЕ», Он превратил бы Бытие в Небытие! Остается одно из двух: либо в Бытии Бог отсутствует, либо где-то на внешних границах Бытия Он должен отделять от Себя, оставляя где-то в стороне от Себя Свое свойство «НЕ»:

Коль есть в Не-бытии, Ты есмь, Не-тленный, – «НЕ».

А здесь?... Распад, и мрак, и смерть Вселенной – «НЕ».

О, Не-зависимый от мест, причин и следствий,

Ты здесь – отсутствуешь? Иль есть – с отменой «НЕ»?

Альтернатива? Как бы не так. Это логическая ловушка. В первом варианте – следствие: Бог не вездесущ! Во втором: есть нечто внешнее по отношению к Богу – значит, Бог не вездесущ! Итак, где ошибка в рассуждениях?

Точно так же как значительную долю стихов о любви, из разряда иносказательных следует, как ни странно, вывести и часть стихов про саки – виночерпия. Суфийская трактовка побуждает видеть в виночерпии то религиозного наставника, то самого Аллаха. Но те стихи, которые действительно нуждаются с такой интерпретации, чаще всего стилистически далеки от Хайяма, чужеродны. В остальных же стихах, в большинстве своем явных экспромтах по случайным поводам, образ виночерпия настолько реалистичен и индивидуален, что за ним видно вполне конкретное лицо. Перед нами молодой человек («сынок»), благоговейно относящийся к группе ученых, посещающих его кабачок. Такое могло быть, видимо, только в период работы Хайяма в обсерватории, в годы, когда и всесильный визирь, и всемогущий шах относились к шариату не слишком ревностно, устраивали царские пиры, а Хайям, забавляясь, писал для них трактат о свойствах вина (он сохранился). Так что и в реальных кабачках, очевидно, Хайям бывал, и в реальных застольях участвовал, но конечно же не в таких фантастически безудержных, какие живописуются им в фарсовых четверостишиях.

Виночерпий медлителен, его часто приходится подгонять, порой даже высмеивать в стихах за нерасторопность. Принеся вино, юноша подсаживается к почетным клиентам и завязывает беседы на ученые темы. Заметим, его не интересуют ни астрономия, ни астрология, ни медицина. У него один конек: философия. Четыре стихии, Семь небес, расположение рая, возмездие за грехи... Его наивная болтовня про «Четыре, и Семь, и Восемь» тоже порой служит предметом насмешек Хайяма (например, № 763).

Он отвлекает простоватого юношу, начиная приписывать различным сортам вина сказочные свойства: вот, мол, вино, дарящее бессмертие, а это – возвращающее молодость, и так далее. Такие абсурдно-глубокомысленные пассажи, кстати, напоминают некоторые места из шуточного трактата Хайяма «Науруз-намэ», особенно главу про поиск кладов. Виночерпию нравится эта игра, и позже Хайям – стихами – заказывает для своих друзей то или иное вино, пользуясь придуманными раньше причудливыми описаниями их свойств, как бы проверяя память виночерпия. Следы этой игры можно найти в экспромтах Хайяма.

Несмотря на свою профессию, виночерпий набожен. Особенно ярко сказалось это после смерти его отца, от которого молодой человек и унаследовал кабачок. Хайям несколько не щадит его горя, едко насмехаясь над религиозными стенаниями (№ 748, 767). И, похоже, помогает.

По простоте своей саки падок на лесть, даже самую беспардонную, какой не стерпел бы и привычный ко всему султан. И Хайям, пользуясь этим, восхваляет виночерпия, демонстрируя на нем – по сути-то мальчишке, на которого всякий пропойца покрякивает, – чудеса в искусстве лести (№ 508, 755 и др.). В самом деле, не султана же восхвалять!..

В старости, в плачевный период жизни, Хайям опять обращает стихи к виночерпию. Но теперь это уже образ-призрак, образ-воспоминание. Вместо прежнего весельчака-ученого входит в майхану дряхлый изгой. А толпа всё та же, и юноша-саки тот же, он по-прежнему мил и приветлив; только пусто за столом, где когда-то пировали друзья Хайяма. Какими мгновенными кажутся годы, когда сподвижники, один за одним, уходили в Небытие! Эти годы вмещаются в те секунды, когда произносится первая строка:

В шести... в пяти живых... нет, уже в двух!.. в одном! –

С рожденья Смерть сидит в любом из нас, в любом!

А взять пиры Судьбы: сберемся за столом –

То соли не найти, то соль лежит на всем.

Теперь слово «вино» приобретает символический смысл, а фигура виночерпия начинает раздваиваться, и мы видим сквозь него Время, доливающее кубок поэта до роковой черты, Рок, появший нас одной горечью – мутным отстоем со дна небесной чаши.

Стихи Хайяма, как и любого другого поэта, неоднозначны, и подгонять их под какую-то схему, толковать их в одном ключе – значит получить заведомо ошибочный результат. Каждое четверостишие требует тщательного анализа:

хайямовское ли оно по стилю и духу? Если да, то в какой период жизни могло быть им написано? В каком настроении? Как переключается со всеми остальными? Если это явный экспромт, в какой ситуации мог он возникнуть? Переводчик должен совершить невозможное: перенестись в то время, слиться с поэтом, воплотиться в него. И тогда Омар Хайям оживет.

Тайный лирический шедевр Хайяма

Осмелюсь раскрыть читателям один секрет и один перевод, которые держал я почти от всех в тайне 20 лет. Во всяком случае, в изданиях переводов не включал... Изучая некое широко известное четверостишие Хайяма, я вдруг задумался: слово ТУБЭ («зарок») подозрительно похоже по звучанию и по смыслу на полинезийское ТАБУ («запрет»), проникшее во все мировые языки, но – заведомо позже времени Хайяма. Может быть, у Хайяма его следует читать и понимать иначе?... Конечно, на самом деле это не так (слово «зарок» встречается у Хайяма часто, в других стихах – со смыслом однозначным). Однако... В персидском начертании этот «зарок» можно прочесть и как два слова: «ты – прекрасна!»

Так уж совпало, что в данном случае это неожиданное прочтение оказалось возможным, хотя весь смысл четверостишия стал совершенно иным... Вот что у меня получилось в переводе:

День – солнцу, ночь – тебе. И что же? Ты – прекрасней.

Наполню ль кубок свой, всё то же: ты – прекрасней.

Но вот меня сманить старается весна

Цветеньем юных роз... О Боже! Ты – прекрасней!

Вчитайтесь! Допустим, я не очень удачно перевел, но отчетливо видно, что это – лирический шедевр, какому и у Хайяма равных нет, да и у других поэтов – найдите хотя бы десяток столь же емких и проникновенных!

Одно из двух. Либо Хайям был настолько великим поэтом, что даже ошибочное прочтение его стихотворения неизбежно поэтично (но трудно поверить в возникновение редкостного шедевра из ошибки), либо здесь перед нами действительно закодированный текст, который только посвященному (точнее – посвященной) раскрывал свою суть, а для всех прочих звучал совсем по-иному, причем и для них был интересен – см. № 783.

Заключение

Итак, из рубаи Хайяма нам открываются и своеобразная картина мироздания, и весьма смелое для его времени морально-этическое учение, цель которого – счастливая жизнь на Земле, свободной от воли Аллаха. Замысел Хайяма тем ошеломительнее, что он встает на борьбу не только против гигантского монстра – человеческой инертности и косности, но и против воли небес, ведет борьбу сразу на два фронта. А богоборчество, поначалу потрясающее читателей, на фоне этого – так, почти забава.

И Хайям безусловно убежден в осуществимости своей идеи, недаром у него столько рубаи на эту тему, недаром они звучат как фрагменты из бесед с учениками.

Кстати, не на два, а на три фронта, третий – воинствующий шариат. Объект сражения не случаен: шариат – чудовищный анахронизм, если рассматривать Бога отсутствующим, а потому и служение ему – бессмыслицей. Шариат – также и главное практическое препятствие в переориентации духовной деятельности человека на земные проблемы.

Может быть, поэтому язык Хайяма зашифрован: служители Аллаха пусть негодуют на его насмешки, но им незачем знать, что Хайям не только издевается над шариатом, но и воспитывает учеников в духе нового учения, призванного преобразовать мир. И тогда «Мекки гордый храм» действительно проиграет. Вспомним слова Кифти, что стихи Хайяма – «сборные пункты, соединяющие для открытого нападения».

Как мы знаем по прошествии девятисот лет, преобразовать мир Хайяму не удалось. Едва ли дело только в том, что законы исторического развития оказались сильнее его блестящих идей. В то время хайямовское учение все-таки имело возможность укорениться. Но была у него и неустранимая слабая сторона: оно адресовалось более к интеллекту, чем к эмоциям, и не могло предложить мгновенно зажигающих новичка лозунгов, которые бы концентрировали подспудно бродящие в народе неформленные мысли: увы, не было у народа таких мыслей – сам по себе, без подсказки, он и близко догадаться не мог, что мы Творцом «выброшены на свалку». Кроме того, требовались десятки лет, свободных от социальных потрясений, чтобы (так же, как это когда-то удалось суфиям) последователи Хайяма смогли, увеличиваясь численно, постепенно укорениться в мусульманском обществе и накопить силы для «открытого нападения» на консервативное мусульманство. Однако этих спокойных лет не было дано: вначале кровавый террор Саббаха, повергший народ в ужас, потом междоусобицы, погрузившие страну в хаос, а потом и нашествие восточных орд, потрясшее половину мира. Учение Хайяма забылось, последователи его исчезли. Остались только стихи. Но не потому ли за

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
последние полтора века так ярко вспыхнул интерес к его творчеству, что в нем звучит тревога за будущее человечества, особенно актуальная сегодня, не потому ли, что его призывы к благородству, к душевной чистоте несколько не потускнели со временем, а его вера в прекрасную будущность человека – и сейчас, в самые кровавые столетия земной истории, – способна отрезвлять нашу совесть.

Эта работа в черне была уже написана, когда я встретил рубаи, в котором увидел не только подтверждение основных своих выводов, но и усталое предположение Хайяма, что его учению вряд ли удастся преодолеть людскую косность.

Четверостишие – сплошь на недомолвках. Дословно:

С властью Бога, кроме согласия, /ничего/ не вышло.

С народом, кроме внешнего и лицемерного, /ничего/ не вышло.

Любую хитрость, какая на ум пришла бы,

Мы делали, однако с роком /ничего/ не вышло.

Кстати, это и пример того, почему всего Хайяма действительно можно понять по-иному, не так, как он прочитан в этой работе.

«Согласие» – чье? Не сказано. Отсюда и начало разных толкований. Если «согласие – мое», смысл первой строки таков: «Сколько я ни бунтовал против Бога, теперь смирился с Его властью». Тогда и «внешнее и лицемерное» тоже «мои» качества: «не вышло у меня быть с народом откровенным; оказалось, я только лицемерил и притворялся». Точно так же читаются и хитрости против рока: «всячески хитрил я, но рок или судьбу не одолел». Именно так понял О. Румер, вот его перевод:

Чтоб угодить судьбе, глушить полезно ропот.

Чтоб людям угодить, полезен лживый шепот.

Пытался часто я лукавить и хитрить,

Но всякий раз судьба мой посрамляла опыт.

При таком толковании, впрочем, два легких несоответствия должны насторожить: во-первых, почему «мы» и почему «делали»? Если автор говорит про личный жизненный опыт, «мы» неуместно. Если обобщает: мол, у всех и каждого таков результат, – звучало бы «делаем». Во-вторых: в традиционной системе взглядов бунт против Бога – масштабнее, чем попытки обмануть судьбу, поэтому по принципу поэтического нагнетания, который Хайям никогда не нарушает, про этот бунт следует говорить в последней строке. Недаром О. Румер, заметив это, «Бога» в первой строке заменил на «судьбу».

Иное дело, если «согласие – их, людей». Тогда «их» становится, естественно, и все остальное: «Не удалось преодолеть их „согласия“, т. е. покорности перед властью Бога; не удалось преодолеть их привычку к лицемерию. На какие бы уловки мы ни пускались, одолеть рок не вышло». И вновь раздвоение: уловки – против кого? Против рока? А может, против людей: обманув их предрассудки, все-таки подбить их на совместную борьбу с роком? Но разве возможна такая борьба?... И вот здесь от этого толкования приходится отказываться тому, кто не разгадал хайямовских идей, и возвращаться к первому, пусть даже хромающему, объяснению. Иначе не справиться со множеством новых вопросов. А в результате – редактировать Хайяма, заменять «Бога» на «судьбу», «мы» на «я».

Между тем второй путь толкования видится единственно верным, если опереться на выводы, полученные в этой работе. Война с роком – важнее, чем преодоление почтения перед властью Божией, поскольку Бог покинул нас, осталась только иллюзия Его власти, а рок над нами по-прежнему есть. Главное в работе Хайяма и его единомышленников (недаром «мы») именно в преодолении рока, потому о нем – в завершении четверостишия. И сокрушаться, что «ничего не вышло», можно лишь тогда, когда (именно в прошедшем времени) все мыслимое «мы» уже сделали (№ 1008).

Скорей всего, это четверостишие было адресовано ученикам и друзьям, и недомолвки естественны: им и так понятно, о чем речь.

И вот два четверостишия – из еще более поздних находок:

«Учением своим пустую оболещен, я не предчувствовал всесияния препон...»

(№ 1116). В оригинале: «Больше не надеюсь я на вероучение свое, потому что ошиблось сердце прозорливое...» Не Дух ошибся, не Разум, а Сердце. Его вотчина, как мы знаем, – земной мир. Только здесь оно могло ошибиться: например, в том, активно ли подхватят люди новое учение.

Впрочем, конечно, можно попробовать истолковать и иначе. Например:

«вероучение свое» – ислам или какая-то конкретная его секта, выбор которой был подсказан когда-то Сердцем. Но – вот второе четверостишие:

Ученьем этим мир поправил бы дела,

Вседневым праздником тогда бы жизнь была,

И каждый человек своей достиг бы цели

И заявил бы: «Нет!» – безумной власти зла.

Пусть только не пугается читатель, что теперь чтение стихов Хайяма вместо

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org

наслаждения искусством превратится в разгадку ребуса.

Во-первых, Хайям далеко не всегда углубляется в дебри иносказаний; есть у него и прелестная откровенная лирика, и дивные стихи о природе, и обыкновенные жалобы на жизнь, и непринужденные шутки и каламбуры, и таких стихов много.

Во-вторых, мудрость, наверно, тем и отличается от умной и точной мысли, что мысль легко сломать, чуть-чуть переиначив, и превратить в глупость или трюизм, но мудрость – пластична, и даже при вольном ее пересказе, даже многое не поняв, мы почувствуем ее глубокое дыхание. Выказанная кем-то мысль дарит нам мысль; но изреченная мудрость обогащает нас целым клубком сцепленных между собою мыслей, и, сколько ни разматывай этот клубок, конца им не видно. Читателю будет чем насладиться.

В-третьих, иносказания и глубинные пласты смысла – в традициях восточной поэзии. И эти традиции требуют, чтобы и внешний, поверхностный смысл был поэтичен, чтобы читатель получал удовольствие, даже не вчитываясь в глубину; Хайям владеет этим искусством безупречно. Но если читатель разглядит и второй пласт смысла, удовольствие его удесятится; если же различит и третий пласт...

Итак, перед нами была тройная шифровка: Хайям подменил в стихах философские формулы художественными образами; он же превратил их в криптограмму, применив условный язык, слова-символы, потребовавшие разгадки; и, наконец, коварное время сделало из его рубайята анаграмму, произвольно перетасовав стихи и разрушив связный ход мыслей. Лестно было бы надеяться, что с последними двумя проблемами частично удалось справиться, и уступить теперь место философам для окончательной расшифровки.

Однако сам же Хайям учит, что Истина недостижима. И, внимая его предостережению, соглашаюсь: едва ли я был прав во всех своих выводах и догадках, когда пытался разгадать его рубайят; может быть, и все выводы в целом – всего лишь прекрасная иллюзия. Но хотелось бы верить, что какие-то крупницы истины в этой работе есть и что она хоть немного поможет постичь непостижимое – поэзию Хайяма.

Глубоко благодарный всем, помогавшим мне в этой работе, особую признательность хочу я выразить Александру Михайловичу Ревичу – за вдохновлявшую меня веру в успешность многолетнего труда над этими переводами и за практическую поддержку с их изданиями, и Азиму Шахвердовичу Шахвердову, составителю многотысячной коллекции стихов в форме рубаи, – за отеческую помощь, уберегшую меня от многих ошибок в работе над переводом.

Игорь Голубев

«В безмерности небес, укрытый синевою...»

Ты солнце в небеса возносишь – и опять
Пылинкою в луче лечу Тебя искать.

Не в силах наш язык воспеть Твое величье,

Не может разум наш измерить Благодать!..

Как дивно вылепил мой облик бренный – Ты,

И сердце подарил, и дух нетленный – Ты.

Тобою создан был венец вселенной – я!..

Но создан был – Тобой!.. Отец вселенной – Ты.

И кроху муравья – Ты светом озарил,

И крылья комара – Ты силой одарил!

Ты щедро воздаешь любому из живущих –

Всем, кто благодарил и кто Тебя хулил.

Как восхвалить Тебя? Паря над небесами,

Сжигающий восторг как передать словами?

Тебя ли измерять безмерностью миров –

Пылинок, всосанных в бушующее пламя!

Задумал, воплотил, привел меня сюда...

Твоим доверием душа моя горда.

Ты изначально был, и есть, и будешь вечно,

А я – на краткий срок. Уйду... Скажи: когда?

Сказал я: «Мир – Твое прекрасное творенье,

Вон звезды светятся, Твоей прикрыты тенью...»

«Неверно! – был ответ. – Слиянны Я и мир.

Кто видит тень Мою, тот жертва заблужденья».

Бог есть, и все есть Бог! Вот средоточье знанья,

Почерпнутого мной из Книги мирозданья.

Сиянье Истины увидел сердцем я,

И мрак безбожия сгорел до основанья.

Вкруг сокровенного струится зримый свет.

Ядра-жемчужины никто не видел, нет.

Уж так любой речист! А вот спроси, все это

Откуда истекло? Молчание в ответ.

Не соблазнят меня ни малою ценой,
Ни царскою казной, ни властью неземной
Предать любовь к Тебе – блаженный плач ночной,
Продать сокровище – алмаз бесценный мой.
В загадки вечности никто не посвящен,
Никто не преступил невидимый заслон.
Бессилен ученик, бессилён и учитель:
От смертной матери любой из нас рожден.
О, не запятнанный земною чистотой,
Не обещанный безгрешностью святой!
Все сотни тысяч солнц – пыль на Твоей дороге,
Все сотни тысяч лиц – прах под Твоей стопой.
Господь! Вникающий во все желанья – Ты,
Вознаграждающий за все страданья – Ты.
Зачем я буду вслух Тебе о тайне сердца?
Все тайны знающий – всей мерой знанья – Ты.
К ногам Твоим, Господь, уж был готов упасть я,
Ты поддержал меня и отстранил несчастья.
Ты можешь обойтись без частых слез моих,
Но мне не обойтись без Твоего участия.
Ты безнадежного больного исцелишь,
Ты в самый горький час печали утолишь.
Пока я про одну поведаю занозу,
Ты двести тысяч их из сердца удалишь.
Я душу в дар несу, я от восторга пьян!..
Но одарять Тебя – как «тмин везти в Керман».
И все-таки прими с такой же добротой,
Как взял у муравья подарок Сулейман.
Когда-то дивный Лик был в небе виден нам...
Но не понравилось ревнивым небесам,
Что был прекраснее рассветов и закатов
Твой Лик блистательный, открытый всем глазам.
Ты в тайнописи скрыл основы Бытия,
Узором испещрил покровы Бытия.
Скрывая и Тебя, завеса дразнит взоры
Пришедших на базар земного Бытия.
Как сердце образ твой мечтает обрести!..
Раскрыты сто дверей, чтоб сбить меня с пути.
Пришедшему к Тебе дано познать блаженство,
Заблудшему – на корм стервятникам пойти.
Адам росой любви замешен был в пыли;
Ростки страстей и смут опору обрели.
И вот иглой любви вскололи Вену Духа,
И каплю выжали, и Сердцем нарекли.
Создатель предписал, и я явился в срок;
Про Веру и Любовь был первый мой урок...
Я сердце истерзал, Он ключ из сердца сделал,
С сокровищницы тайн позволил снять замок.
Любовью горестной пускай пылает сердце,
Коня строптивного пускай седлает сердце.
Где, как не в Сердце, быть отечеству Любви?
Чего, как не любви, всегда желает Сердце?
Поддельная любовь не стоит добрых слов,
Не могут обогреть гнилушки вместо дров.
Влюбленный день и ночь, за годом год пылает,
И что ему покой, и сон, и хлеб, и кров!..
К Любви сквозь прах идут и чистоту теряют,
Величие свое ногами попирают.
Им день сегодняшней – как ночь... Они всегда
В тоске по завтрашнему солнцу умирают.
Как долгон путь Любви!.. Не вздумай подхлестнуть
Уставшего коня, не то прервется путь.
Не упрекай того, кому любовь – мученье,
А лучше помоги немного отдохнуть.
Мы – воздух и огонь, мы – глина и вода.
Мы – страждущая жизнь и смертная страда.
Мы – плоть: мы все сгнием и сгинем без следа...
Мы – дух: мы скинем плоть, и вновь душа чиста.
Изменчивостью форм владеющая Суть
Листою может стать иль рыбкою сверкнуть.
Исчезновенье их – не смерть, а новый путь

И жизнь в облики ином каком-нибудь.
Мы шли искать Тебя – а стали злой толпой:
И нищий, и богач, и щедрый, и скупой.
Ты с каждым говоришь, никто из нас не слышит.
Пред каждым предстаешь, любой из нас слепой.
Кружится звездный мир. И мы, блуждая в нем,
Порой зовем его «волшебным фонарем»:
Снаружи – сфера звезд, внутри – светильник-солнце,
А мы – движение теней перед огнем.
Чье сердце чует зов духовных тайн своих?
Чье ухо слышит звук подсказок потайных?
Луну-прелестницу вбирая дни и ночи
Очами жадными, кто смог насытить их?
Как осознать Тебя стремится Разум мой,
Как в поисках Тебя кружится мир земной!..
Ты – в Сердце; а оно Тебя во внешнем ищет,
Расспрашивает Дух, как встретиться с Тобой.
О сердце! Коль тебе так больно от свиданий,
Похоже, не Любовь исток твоих страданий.
Отправься к дервишам, и, может быть, у них
Научишься любить светло и без терзаний.
Отважней восходи в надмирные пласты
Доступной не для всех духовной чистоты.
Вон – жертвы робости: вцепившись в горстку праха,
Запорошив глаза, лишились высоты.
От богохульных слов до послушанья – вздох,
И от сомнения до пониманья – вздох.
Пусть этот вздох Творца согреет нас отрадой,
Иначе весь итог существованья – вздох.
Пытаться совместить Любовь и тишь да гладь –
Как веру правую и ложную равнять.
Преступна даже мысль лечить лекарством душу
И снадобьями скорбь из сердца изгонять!
О сердце! Грусть и гнев смири, пока в пути.
Уверенно кругом смотри, пока в пути.
Кому завидуешь, сокровища завидев?
Сокровища – твои. Бери, пока в пути.
Понятна каждому, чей благороден путь,
Находок и утрат божественная суть.
Повелевает шах: отнять или вернуть,
А двуединый мир не виноват ничуть.
Вновь слиток золотой по синеве небес,
Как и всегда, проплыл и, как всегда, исчез.
И люди чередой приходят – и уходят,
Едва взглянув на мир загадок и чудес.
Кому случается до Божьих тайн дойти,
Того стараются презреньем извести.
Глядят христианин, еврей и мусульманин,
Как на заблудшего, на странника в пути.
Ты завтра, как и все, придешь на Судный зов.
Обсудят перечень твоих земных трудов...
Так вот! Учись добру, покуда гром не грянул:
Там обнаружится не кто ты, а каков.
Для верующих есть к двум Каабам пути:
Иль в Мекке Каабу, иль в сердце обрести.
Как по святым местам, иди от сердца к сердцу,
И каждое из них ста Меккам предпочти.
Лишь тот, кто сердцем черств и дружбой не богат,
Молиться вынужден на наш иль чуждый лад.
кто в Летопись Любви заслуженно записан,
Тому не нужен рай, тому не страшен ад.
О власти мировой ты размечтался всласть;
Но если б только жизнь на это нужно класть!..
Вчерашнее ничто, а завтра – горстка праха, –
На что употребишь сегодняшнюю власть?
кто милых одарил таким лукавством глаз,
кто влил нам в жилы кровь, сжигающую нас,
На радости не щедр. Беда ли это? Радость!
Беда из рук Его ценнее в сотни раз.
Из множества наук всего нужней: «Любовь».
В поэме юности всего нежней: «Любовь».

Когда у мудреца пойдешь учиться жизни,
Забудь о слове «жизнь», всего точней «любовь».
Войдя в Страну Любви, с пути свернуть нельзя,
По воле собственной прервать свой путь нельзя;
Пока не завершил обход ее по кругу,
Вообразать себя постигшим суть нельзя.
Когда, закрыв глаза, мы вещим сердцем зрим,
Тогда становится и мир сокрытый – зрим.
Сумей однажды взгляд поднять над здешним миром –
Возможно, и душой ты воспаришь над ним.
Богатство отмети – надежду обретешь.
Богатство обрети – продашься ни за грош.
Себя, пока живешь, похорони в безвестье –
И, похороненный, в преданьях оживешь.
Свой круг на Бытии ты должен начертать,
Над сердцем собственным вращая рукоять.
Под циркулем начнет опора трепетать,
И не замкнется круг, – увы, рисуй опять.
Уступка похоти в минуту истощит
Отпущенный тебе на долгий век кредит.
Почаще спрашивай: «Зачем я здесь? Откуда?
Какой сегодня шаг мне сделать надлежит?»
Двуличьем согрешишь – и на себя пеняй:
Подкладку-ложь Господь заметит, так и знай.
Сиять вселенной – час; дышать тебе – мгновенье.
Смотри, бессмертие на миг не променяй!
Тобой руководит ликующая плоть.
Забятая душа – отрезанный ломоть –
Еще пытается твою осилить похоть,
Еще надеется беду перебороть!..
Забыв про адский огонь, барахтаясь в грехах,
Ты грязью без воды раскаянья пропах.
Когда светильник твой загасит ветер смерти,
Тобой, позорище, побрезгует и прах.
Кому там от Любви покой необходим?
Считай, покойникам, уж точно не живым.
Того, кто про Любовь и не слыхал ни разу,
Считай покойником, уж точно не живым.
Аскет, не то что мы, про Твой секрет не знает:
О доброте Твоей святой аскет не знает.
Хоть Ты и говорил: «За грех низвергну в ад!» –
Кто верит этому, Тебя он – нет, не знает.
Не может Разум наш на все найти ответ,
А Сердце всякий раз удачный дать совет.
В толпе подскажут путь куда тебе угодно..
Но не в Страну Любви. Проводников там нет.
Идущий человек, бродягою не стань,
Теряющим себя беднягою не стань.
В глубь собственной души – дорога для отважных.
И пусть глядят, но сам зевакою не стань.
Кому не по сердцу суровый шариат,
Тому и смысла нет мечтать про тарикат
И уж тем более надеяться однажды
Увидеть Истину, освоив хакикат.
Пусть верю тебя наполнит шариат,
Пусть жизни праведной научит тарикат.
Когда очистятся дела твои и мысли,
Пусть Истину тебе откроет хакикат.
Мы влюбчивая голь, здесь нету мусульман,
Мы только муравьи, не с нами Сулейман,
Мы изможденный люд в истрепанных обносках,
У нас не тот базар, где вам искать сафьян.
Постой! Не будешь ты допущен в харабат,
Пока сподвижника в тебе не разглядят.
Подумай! Это путь людей высокой чести,
На этой улице промашки не простят.
И днем и ночью ты взываешь к небесам,
К далекому Творцу, укрывшемуся там.
Примолкни хоть на миг, ответ Его услышишь:
«Я не вдали, Я здесь, Я – это ты же сам».
Лукавствуй и хитри. Но есть Мудрец небесный,

Вникающий в любой поступок твой бесчестный.
Ты всех обманывал. Но всех ли обманул?
Ты лжец, не только мне, но и Ему известный.
Капризами Любви для нас терзаться – радость,
Пылинками пред Ней навек остаться – радость.
Ее горячий нрав не повод для обид,
С пыланием Любви соприкасаться – радость.
Решив идти к Нему, – с детьми, с женой порви,
Расстанься сам с собой, со всей родней порви.
В дорогу вещи взял? Сковал цепями ноги.
В цепях куда уйдешь? Уют цепной порви.
Скитаний ты не знал, не бедовал – напрасно,
Лица ручьями слез не омывал – напрасно,
Ожогов на сердце пока страшился ты,
Пока жалел себя, – существовал напрасно.
Спеши дойти туда, где двойственности нет,
Где испарит ее спасительный рассвет.
До Бога не дойдешь, но от себя спасешься,
Твоя раздвоенность рассеется, как бред.
Мы видим частности, а в главном слепы мы;
Насколько же мудры и как нелепы мы!
По частностям – сойдем за Смертью в склепы мы;
По главному – взойдем за Жизнью следом мы.
Как больно за сердца, в которых нет огня,
Где страсти не кипят, безумствами пьяня!..
При случае поймешь: нет ничего бесплодней
Отсутствием Любви загубленного дня.
К любому бедняку с сочувствием склонись –
И сердце разглядишь, стремящееся ввысь.
Любое из сердец священной сотни Кааб.
Лицом не к Каабе, а к сердцу обратись.
Сейчас наветчики воспользоваться рады
Твоей жестокостью, не знающей преграды.
Что скажешь на Суде? «Повинны шептуны»?..
Не оправдаешься. Не будет и пощады.
Спросили в медресе: что есть любовь? И вот
Который день подряд великий спор идет.
А муфтий про любовь ни слова не промолвит,
Язык распутника немеет наперед.
В обителях пойдут смятение и разброд,
И будет в медресе хлопот невпроворот:
По мнению муфтия, теперь любовь-смутьянка
Задаст наставникам забот на целый год.
Шумит в обителях и в медресе народ:
Повелено изгнать виновницу невзгод.
Обшарив шариат, речь сочиняет муфтий..
Но в суд введут Любовь, и он разинет рот.
Есть редкостный рубин, но в руднике ином,
Есть перл единственный, но в тайнике ином.
Обманчивы о них досужие догадки,
Легенды о Любви – на языке ином.
О сердце! Путь любви себе избрать рискни,
Коль будет выигрыш, ты им опять рискни.
По-женски плутовать в Стране Любви не вздумай.
Предстань мужчиною, жизнь проиграть рискни.
У сердца тайна есть, и пусть она хранится
Сокрытой от людей, как сказочная птица,
Как капелька дождя, которой суждено
Лежать в жемчужнице и перлом становиться.
Изверься, Вечного начнешь ты сам искать,
Весь человеческий век по небесам искать.
Но Божий-то престол – твое живое сердце.
Иль не с тобою Бог? Что ж где-то там искать?
Твоя душа – ядро, скорлупка – плоть твоя.
А в глубине души – Творца узрел бы я.
Его сокрытый свет, взглядишь, и ты увидишь,
Сияет из любой частицы Бытия.
Кому судьба дает вино познания пить,
Тот, кроме Истины, обязан все забыть;
Кому дает язык, тех обделяет зреньем,
Обретшему глаза немым придется быть.

Квартал отверженных. Помосты дыб и плах.
Путь проигравшихся навеки в пух и прах...
Мужайся, каландар! Тебе опасен страх,
Как циркачу в его отчаянных прыжках.
Дервиш! Возвысив дух, о внешности забудь,
А плоть прокормится в дороге как-нибудь.
Чтоб наготу прикрыть, рогожу раздобудь –
Как шах, под гром литавр закончишь этот путь!
Из медресе разврат сочится без конца,
Подачки делят там, грызня чернит сердца.
Сбеги в развалины! живи, как этот нищий:
Ей-богу, вот кто – шах на троне средь дворца!
И минареты пусть, и медресе – падут,
Иначе каландар вотще вершит свой труд!..
Здесь веру ересью, здесь ересь верой чтут,
А божий человек не мусульманин тут.
Что предписал Господь, то и получишь ты.
Гони из сердца прочь напрасные мечты,
Не то измучится оно от суеты,
А ты потом спасай его от маеты.
Откуда перлы душ в жемчужницах сердец?
Как жемчуг в море, в плоть упрятал их Творец.
Когда добытчик-Смерть расколлет оболочку,
Мы все разгадки тайн узнаем наконец.
В круг нищеты спустись, и шахом станешь ты,
И сердце выведешь на свет из темноты.
В трущобах Бытия поведает отшельник,
Как познавать себя, как воплощать мечты.
Хвала, коль сила есть, и мышцам, и костям;
Но в жизни только дух дарует стойкость нам.
Подачек не бери, пусть даже от Хатема,
Не гнись перед врагом, хотя бы он – Рустам.
Вникая в мир души, бесстрастным надо быть.
Внимая небесам, безгласным надо быть.
Без языка, ушей, без глаз нам не остаться б! –
Без языка, ушей, без глаз нам надо быть.
В безмерности небес, укрытый синевою,
Тебе назначенный, ждет часа кубок твой.
Настанет твой черед, прими без сожалений
И радостно испей свой кубок роковой.
Будь весел! Польза есть и в тяготе любой.
Подумаешь, судьба играет с тобой!
В ту дверь войдя, ты стал игрушкой живой.
Но выйти в эту дверь – вновь стать самим собой.
Хотя б один из вас, ушедших в никуда,
Моим подсказчиком вернулся бы сюда!..
С распутья тянут врозь надежда и нужда,
Но что оставишь тут, оставишь навсегда.
О сердце! ты в толпе общенья не ищи,
На лицах наглецов смущенья не ищи.
Достойны скромные, презренны честолубцы.
Цени достоинство, презренья не ищи.
Поддайся алчности, тогда узнаешь сам,
Что у раба страстей не жизнь, а стыд и срам.
Будь как огонь горяч, будь как вода прозрачен,
Не становись, как пыль, покорен всем ветрам.
Не легок и не прост заветный Путь, поверь,
А ты решил дойти без бедствий и потерь.
Для завершивших Путь всегда открыта Дверь.
А ты... Взгляни: к кому стучишься ты теперь?
Кружение небес никак не обогнать,
Заранее судьбу никак не распознать.
Вот это – твой удел, иди и будь доволен,
Рабочий план веков не для тебя ж менять!
Который день с утра спешу я в харабат:
Беседы дервишей смягчают боль утрат.
«Твоей подсказки жду, куда шагнуть не знаю,
Хоть намекни!..» – молюсь какую ночь подряд!
Равны перед тобой бродяги и цари.
На нас, на чад Своих, с улыбкой посмотри,
Избави нас от бед и одари блаженством,

Премудрый наш Господь!.. Избави! Одари!
Кто жаждали щедрот, те жизни не щадили,
И от дверей Твоих весь век не отходили,
И тщетно ждали благ, и уставали ждать...
И убеждались вдруг, что алчность победили.
По воле Господа для тех покоен свет,
Кому число «один» превыше всех сует.
Кто вместо нечета счет начинает с чета,
Так он уже не в счет: ему покоя нет.
Про вещей хакикат не выпросишь за час.
Раздай имущество, как и любой из нас,
Невзгодами свой дух воспитывай полвека,
Тогда и сам поймешь, «как приходиться в экстаз».
Для сердца лик Любви – огонь и благодать.
Оно то пятится, то тянется опять...
Так объясни ему про мотылька и пламя:
«Ожогов не страшись, коль хочешь воспылать».
Все убедились вновь, что вера здесь чиста,
Зато тебе, осел, зачтется клевета.
Твой дух когда-то был – как Иисус безвинный.
Ослиной дуростью не распинай Христа!
Нелепо мудрствовать, когда стремишься к Богу,
Иль верить: идолы укажут нам дорогу.
Допустим, Каабу узрел ты наконец...
В развалинах ли суть, когда твой путь – к Чертогу?
Как грош из кошелька, однажды упадешь.
Подумай, почему ненужным стал ты, грош?
Ты дома у себя совсем забыл про Бога,
Отныне в Божий Дом дороги не найдешь.
Чтоб зреть и прозревать, какое зренье нужно!..
От привязей земных освобождение нужно.
Чтоб ты сумел прозреть и различить Его,
Вглядеться пристальней в Его творенье нужно.
Ты скажешь, мир – халва? Ячменный хлеб вкусней.
Ты скажешь, мир – парча? Дерюжный плащ родней.
Ты Чашей Бытия считаешь мирозданье?
Я сто подобных Чаш храню в груди своей.
Пройди своим путем, как свыше суждено,
В обличье нищего иль шаха, все равно.
Все – сам ты: море – сам, нырятьщик – сам, и жемчуг...
Нырн-ка в эту мысль! Давай, нащупай дно!
Река твоя – рукав неизвестной реки.
Строка – земной расплав неизвестной строки...
Иди и глубоко такую мысль обдумай:
Рука твоя – рукав неизвестной руки.
До сердца моего свет Истины достал
И тот и этот мир сиянием застлал.
Скажите так: в жару, в любовной лихорадке
Я потом изшел и океаном стал.
Порою прячешься за потаенной тьмою,
Вселенной красочной являешься порою...
Ты развлекаешься кокетливой игрою:
Зажмуришься – и вновь любишься Собою.
Тобой спасаемый, напастей не боюсь,
Обогреваемый, ненастий не боюсь.
Ты обелишь меня, прощая прегрешенья,
И в книгу Черную попасть я не боюсь.
К чему, войдя во храм – в шатер роскошный Твой,
Внутри основывать какой-то храм иной!..
Мой дом молитвенный, укрытие Хайяма –
Шатер, увенчанный Полярною звездой.
Склоненным пред Тобой я не бывал вовек,
Значения грехам не придавал вовек,
Но жду я милости Твоей хотя б за то, что
Единое двойным не называл вовек.
Мне нужен поводырь, и Ты нужду мне дал.
Мне друг необходим, и Ты беду мне дал.
Пути Твои трудны, Владыка. Но зачем же
Вести столь тяжкую ты борозду мне дал?
Уж так судил Господь, и нет над Ним суда;
Его решение «нет» не превратится в «да».

Того, что может быть, случайно нет, быть может;
Чего не может быть, не будет никогда.
Когда ж я о страстях смогу забыть!.. Как быть?
Распутством сам себя готов сгубить, как быть?
Ты сжалишься – пускай! – решишь меня простить...
Но собственный-то срам мне не избыть! Как быть?
Господь! Благослови, от лишних бед храня!
Без милости Твоей не проживу и дня,
Нельзя мне без того, что в жизни помогает:
Благоразумие вложи скорей в меня!
В мечетях близости не чувствую Твоей,
Молиться одному в развалинах – милей.
О Ты, всему предел, о Ты, всему начало,
Захочешь, так сожги! Захочешь, так согрей!
Всегда подсказывай, где легче путь земной,
И прячь мои грехи от злой молвы людской,
И привечай меня сегодня... Чтобы завтра
я принял без обид и дар прощальный Твой.
Какая б ни стряслась великая беда,
Я и друзьям своим не плачусь никогда.
И если плач Тебе подслушают однажды,
О Боже! – в тот же миг умру я от стыда.
Я ежеутренне одно твержу Тебе,
Так будь же милостив к единственной мольбе:
«Цари не снизойдут к несчастной голытьбе –
Ты лучше Сам, Господь, склонись к моей судьбе».
Как нищета меня терзает, знаешь Ты.
Боль сердца как бальзам мне назначаешь Ты.
К чему выплакивать Тебе терзанья сердца?
Леченье так идет, как намечаешь Ты.
О! Подперевший высь длиной и шириной,
Из нет извлекши да, создавший мир земной!
Пред Осуждающим – что нищий, что владыка.
И пред Прощающим – что трезвый, что хмельной.
Кружит по миру дух, по телу кружит кровь:
О, как бы Истину увидеть сквозь покров!
Познание Тебя – не для земных умов:
Миры полны Тобой, но Ты – вовне миров.
Как странно! Любят суть, а воспевают лик.
Кто в сердце краснобай, тот въявь косноязык.
Еще диковинней, о Властелин вселенной:
От жажды мучаюсь, а предо мной родник.
Когда немислимо грешу я день и ночь, –
О милосердии прошу я день и ночь.
Но обращаюсь я с мольбой не к господину –
Господь, воззвать к Тебе спешу я день и ночь.
В День воскрешенья Ты вернешь тела святым,
Как будто всадникам – коней, привычных им;
А мне... Я в саване, слезами обагренном,
Тюльпаном вырасту перед крыльцом Твоим.
Какое множество везде «друзей» Твоих!..
Мученье для меня – все поученья их.
Чем обогреться нам? Они как туча пыли,
Для солнца Твоего – просветов никаких!
Мы лепеты наук за истину сочли;
Вы райские дворцы увидели вдали..
Все к Богу тянемся. Но вдруг спадут покровы,
И растеряемся: куда мы забрели!
В семидесяти двух ученьях все подряд
О сущности Творца так много говорят!
Уж ладно б чепуху болтали меж собою –
Словами складными народ они дурят.
Я спал в Неизвестном. Сказал Ты: «Встань! Иди!» –
И мир волнующий раскрылся впереди.
Иду, напутствием Твоим ошеломленный.
Ведь как оно звучит: «Склонись! Не упади!»
Джамшидов кубок я по всей земле искал,
И днем не отдыхал, и по ночам не спал..
И от Учителя, вернувшись, я узнал,
Что сам Джамшидовым волшебным кубком стал.
«Так в чем же цель твоя, без цели маета?...»

Растенье Истины возможно ли найти,
Коль в этом мире так запутаны пути!
Неведомая ветвь порой скользнет в горсти...
Всегда нам наугад, как в первый день, брести.
К чему ни прикоснусь, не вижу все равно,
Случайно внешнее иль сутью рождено.
Допустим, вырос перл – в жемчужнице разбитой,
Допустим, шах сидит – в углу, где так темно...
Снаружи в этот свод не проникает свет;
Что можно распознать, не ведая примет?
Любой предмет возьми: реален ли предмет?
Посмейся и отбрось: обман, предмета нет.
Секретней всякого секрета – Бытие.
Свет, заблудившийся вне света, – Бытие.
Ты в деле преуспел? Но и на этом деле –
Примета бренности, помета: «Бытие».
Чей разум охватить вселенную спешит
И, будто конь Бораг, по небу путь вершит,
Тому до цели миг останется... Но небо
Закружит голову и наземь сокрушит.
Все наперед дела для нас предназначтали,
Смешав добро и зло в узорах на Скрижали.
Что предназначтано, то и вручают нам.
Нелепы хлопоты, бессмысленны печали.
Была дождинка, но с морской водой слилась.
Была пылинка, но средь пыли улеглась.
Вот во вселенной нам случилось появиться –
Повиться мошкаре... И тут же скрыться с глаз.
Отставил я дела, закрылся на засов
От благодетелей – ничтожеств и столпов.
И руку мне подать теперь лишь друг готов:
Такой же, как и я... Но сам-то я – каков?
О! Ты – моя печаль, Бижан в тюремной яме!..
А ты, Сохраб-мудрец, растерзанный во храме!..
За Сиявуша мстя, себя разрушил мир!..
Мне сердце извело сказанье о Рустаме.
Как ни вникаю в жизнь, головоломной вижу,
Саму вселенную насквозь никчемной вижу.
Хвала Всевышнему! Где ни отворю дверь,
Там на себя капкан во тьме укрomной вижу.
Затерян меж дворцов, бесславен я и мал,
Уже за тридцать мне, а счастья не видал.
Мне так же горестно, как гостю-бедолаге:
Хоть выпивки полно, на свадьбу опоздал.
Ты в мире видишь, дух, чужбину – почему?
Ты ни дворцу не рад, ни чину – почему?
Ты был божественным владыкой, а сегодня
Низвергнут в скорбную пучину... Почему?
Я сердце упрекал: греховное, оно
Страшится смерти там, где воспарять должно.
И в замешательстве мне отвечало сердце:
«Я от рождения на смерть обречено».
Хоть в облике моем блистательно сплелись
Пылающий тюльпан и стройный кипарис, –
Минутные цветы в тараб-ханэ столетий,
На что мы, не пойму, Художнику сдались?
Как сердцу этот мир считать своим охота,
Не век, а вечность быть царем земным охота!..
Про Смерть-охотницу бедняге невдомек,
А ведь уже, след в след, идет за ним охота.
«Иосиф – это я, и луг – Египет мой;
Рубинами богат ларец мой золотой».
– Чем, роза, убедишь меня, что ты Иосиф? –
«Рубашкою в крови – приметой роковой!»
Не сам я выбрал жизнь, идея не моя
Пройти кровавый путь земного бытия.
Мне быть или не быть, Он без меня решает.
Был сам собой – когда? и где? и был ли я?
Возможно ль думать так, что нет Тебя со мной,
Коль я не вдохновлен молитвою ночной?
Иль по природе я далек от сути Божьей?...

Но вся природа – Ты, природы нет иной.
Так часто мне, слепцу, добром казалось зло!
Так много зла добро на свет произвело!
И растерялся я: просить о чем, Всевышний?
Уж Ты придумай сам, что мне бы впрок пошло.
Те ласки в младости, о, Боже, как понять?
И годы радости, их тоже – как понять?
Теперь усердствуешь в обидах и гоненьях.
Да, стал я грешником, и все же – как понять?
Немало нагрешил я на своем пути,
Но все же светится надежда впереди:
Ты обещал помочь, когда мне будет плохо.
Мне нынче плохо так, что худшего не жди.
О друге я мечтал... Но им не стал никто.
Как руки простирали!.. Не сострадал никто.
Недаром сказано: «Просящий безутешен».
Того, о чем прошу, здесь не видал никто.
Геенной огненной пускай тебе грозят,
И степь и горы пусть геенной обратят,
Но Боже упаси с ничтожеством сдружиться!
Дружить с ничтожеством – как пить смертельный яд.
Коней рассудка мы в пути к Тебе загнали,
В притоне воровском приют себе сыскали...
Заветные Врата найдем теперь едва ли,
Ни мига радости не будет в век печали.
В постройке кольцевой без окон, без дверей
Скитальцы, узники бессмысленных путей,
Мы все беспомощны, как птицы средь сетей,
Мы жертвы времени, и страхов, и страстей.
Площадку вокруг холма для скачек нам нашли,
Из девяти небес шатер нам возвели,
Мой дух на пегую кобылу посадили
И в гулкий колокол ударили вдали.
Брыкливый небосвод поймали под уздцы,
Приладили седло и звезды-бубенцы...
В тот день Всевышний Суд решил и нашу участь –
Позорно падаем от легонькой трусцы.
О сердце! У судьбы смягченья не проси,
От круговерти лет спасенья не проси.
Лечение искать – свои мученья множить.
С мученьями смирись, леченья не проси.
Уютным домом мир сочли вначале мы.
Но только скорбь и боль везде встречали мы.
Успехом труд, увы, не увенчали мы.
Сердцами омертвев, ушли в печали мы.
Вглядись, коль ты не слеп, во мрак могильной ямы.
Потом взгляни на мир, бушующий страстями.
Какие грозные им правили цари!..
Любой из них, смотри, растоптан муравьями.
Изнеженную жизнь вообразив, затем
Так долго мучиться, искать ее – зачем?
Порочный этот круг никак ты не покинешь;
А впрочем, этот круг покинешь, став ничем.
Как спутники, и ты глазами не востер.
Пытаться хоть за шаг судьбу провидеть – вздор.
Мы слепо мечемся, а небо возглашает:
«Сплетается Ткачом задуманный узор».
Под чашей неба жизнь безрадостно пуста.
Кого, пока он жив, не мучит суета?
Хоть миг бессмертия – и то, увы, мечта.
Так в чем же цель твоя, без цели маета?
Скитальцы набрели на караван-сарай.
Угрелись, хоть совсем его не покидай!..
Но нет. Отсюда всех, как на мосту, торопят:
Эй, не задерживай, ступай себе, ступай!
Огни, плывущие по куполу дворца,
Способны с толку сбить любого мудреца.
А не боишься ли, порвется нить рассудка?
Благоразумнее – не поднимать лица.
Несчастья начеку. Смотри не провинись –
Свой жребий получив, за лучшим не тянись.

Черкнув, коснулась Кисть черновика Творенья...
Теперь черту судьбы не сдвинешь вверх иль вниз.
Что предписал Калам, тому иным не стать.
Коль все оплакивать, то как больным не стать?
За век ты можешь слез излить, наверно, море,
Но даже капелькой удачи им не стать.
Возник я на земле без пользы для небес,
Их не украсило и то, что я исчез.
Пригнать меня сюда, прогнать меня отсюда –
Хоть намекнул бы кто, какой им интерес?
Где польза от того, что мы пришли-ушли?
Где в коврик Бытия хоть нитку мы вплели?
В курильнице небес живьем сгорают души.
Но где же хоть дымок от тех, кого сожгли?
Ты, ради жалких благ вседневно суетясь,
И думать позабыл: все ближе смертный час.
Хотя б на миг очнись, взгляни хотя б однажды,
Как Время яростно и слепо топчет нас!
Коль небеса к добру склонить не в нашей воле,
То восемь их иль семь, тебе не все равно ли?
Коль так и так умрем, важна забота, что ли,
В могиле муравьи сожрут иль волки в поле?
Эй, суфий-простачок! Ты Божество зовешь.
Но Бог и там, и тут. Отколь Его зовешь?
Коль ты с Ним заодно, тогда с чего зовешь?
Коль ты с Ним незнаком, тогда кого зовешь?
Итак, он твой, дворец под голубым шатром?
Как можно быть таким наивным простаком,
Ждать пира, позабыв о кошельке пустом,
Ночлежку для бродяг приняв за отчий дом!
Зачем вперед глядеть, зачем терзаться впрок?
Плачевен твой удел, провидец и пророк.
Стань весел, отвлекись от мировых тревог.
Ни слезы, ни мольбы не поколеблют рок.
Среди любивших мир найдешь ли одного,
Кто волей собственной покинул бы его!
О жизни вечной ты мечтать, конечно, волен...
Любой из них мечтал не хуже твоего.
Старательный гончар! Тебе и невдомек,
Что и тебе уйти уже назначен срок.
И тот печальный день не так уж и далек,
Когда твой прах возьмут и вылепят горшок.
«Вчера» уже прошло, и вспоминать не стоит.
И «завтра» днем надежд воображать не стоит.
От «завтра» и «вчера» подмоги ждать нельзя.
Сегодня веселись! Жизнь обижать не стоит.
Раб тела ветхого, страстей его и боли,
Ты будешь по свету кружить, мой друг, доколе?
Уходят. Мы уйдем. Еще придут. Уйдут...
И нет ни одного, кто надыхался б вволю.
На сцену Бытия чуть опоздали мы,
Ступенькой ниже всех смиренно встали мы.
У жизни свой расклад, ей не до наших жалоб.
Скорее бы конец! А то устали мы.
Не знал ты сна, еды, не вздумали пока
Помучить простака Четыре шутника:
Они свои дары крадут исподтишка,
Пока не станешь тем, чем был во все века.
Невежда, в этот мир не вникший, ты – ничто,
Под легким ветерком поникший, ты – ничто,
Тебе от бездны шаг, и шаг до новой бездны!..
На миг меж двух «Ничто» возникший, ты – ничто.
Постыдно забывать, как скоро прочь пойдём,
На зыбкой пустоте пытаться строить дом.
Взгляни: вселенная – холодный звездный ветер –
Швыряет пыль в глаза строителю хором.
Уроки, что весь век ты получал, – ничто.
И все, чему других ты обучал, – ничто.
Бывать и там и тут случалось... Ну и что?
Как если б на боку весь век лежал, – ничто.
Твой ум, познавший мир, – в дороге вздох один.

Твой дух, вобравший мир, – о Боге вздох один.
Коль даже вздох один на вздох другой умножить,
Сколь ни подсчитывай, в итоге – вздох один.
Допустим, у тебя добра не счесть, и что ж,
Намерен вечно жить, покуда все сочтешь?
Твой каждый вздох тебе однажды был одолжен,
И долго ли понять, что должен быть платеж.
Да, ты действительно везуч, без похвальбы.
Но, хоть удачно шит халат твоей судьбы,
Понежиться в шатре не очень-то надейся,
Четыре колышка которого – слабы.
Фигурки – ты да я, а небеса – игрок;
И в этом истина, таков наш общий рок.
Вот коврик Бытия; зевак позабавляем,
А отплясал свое, и снова в сундучок.
Вот на кого-нибудь находит: «Это – я!»
Как золотой мешок он ходит: «Это – я!»
И вот он преуспел, дела свои наладил,
Вдруг из засады Смерть выходит: «Это – я!»
О небо! Силу ты в насилье обращаешь,
Рубашку счастья рвешь и гнилью обращаешь.
Чуть встану на ветру, ожечь огнем решаешь,
Воды глоток, и тот ты пылью обращаешь.
Все, что скопили мы, просыпалось из рук.
Кровавый урожай собирает Смерть вокруг.
Хоть бы вернулся кто поведать об ушедших!
С дорог Небытия донесся хоть бы звук!..
О небосвод! Наш мир истерзан злом твоим,
Разбой давным-давно стал ремеслом твоим.
Земля! Рассечь тебя – и засверкают перлы:
Какой бесценный клад прикрыт ковром твоим!
Когда бы смог я жизнь от рока оградить,
От пут добра и зла себя освободить,
Отсюда б не ушел!.. А если откровенно,
В презренный этот мир не стал бы и входить.
Исполнен небосвод глумлением и злом;
Он рад, когда судьба захлестнута узлом:
Где только углядит клейменного страдающего,
Вмиг выжжет то клеймо – уже своим клеймом.
Жестокий небосвод мольбою не гневи,
Исчезнувших друзей обратно не зови.
Вчерашнее забудь, о завтрашнем не думай:
Сегодня ты живешь – сегодняшним живи.
Здесь каждый дар небес – не слезы, так беда;
Чуть горе отойдет, навалится нужда..
О жизни на земле узнать бы нерожденным,
Навек бы зареклись они идти сюда.
В том храме говорил стотысячный Иса,
На тот Синай всходил стотысячный Муса,
Покинул тот дворец стотысячный владыка, –
Стотысячная часть!.. Едины – небеса.
Что делаешь, гончар?! Одумайся, пойми,
Ты по невежеству глумишься над людьми.
Хосрова голову и пальцы феридуна,
Хоть их-то с колеса гончарного сними!
ликуй! Немало бед пророчат звезды нам,
Пока внимаем мы небесным письмам.
Но все ж на кирпичи сгодится наша глина,
Построят люди дом, а может, даже храм!
Печально, что до нас нет дела небесам,
Забвенье суждено делам и именам..
Без нас кружился мир, без нас кружиться будет,
Вселенной все равно, и больно только нам.
Ты дивным видишь мир?... Но это как взглянуть.
Спроси у стариков, согласны ли? Ничуть.
Едва ли здесь и ты, мой милый, загостишься..
Пока не выплескан, себе плесни чуть-чуть.
Пусть императором китайским стать ты смог,
И все цари земли лобзуют твой порог!..
Зачем? Уж лучше век беспечного веселья:
Аршина три земли – один у нас итог.

Пускай ты век, и два, и десять проживешь,
Однажды сгонят прочь с насиженных рогож.
Хоть жалкий нищий ты, хоть падишах, в итоге
Со всеми прочими в одной цене пойдешь.
Не нашим циркулем очерчен этот круг,
Не к нашей выгоде его богатства, друг.
Но надо миг-другой своей добычей сделать,
Вину их посвятив и локонам подруг.
О благодати судьбы, прошу, ни слова здесь.
Себе с красавицей добудь хмельного здесь.
Не уходить бы прочь!.. Но нет такого здесь,
И не встречали мы того, кто снова здесь.
Рисунок Бытия реален ли? Ничуть.
Постигни эту мысль и умудренным будь.
Присядь, вина испей, повеселись немного:
От жизни-выдумки полезно ускользнуть.
Вина, когда испить кто просит, – лучше нет.
Струна над суетой возносит – лучше нет!..
Но Смерть, из края в край, весь мир в труху разносит...
Хмельного просит дух: подкосит – лучше нет.
Мой друг, приди сейчас! Поверь, что «завтра» нет,
И все, что есть у нас, – сегодняшний рассвет.
А завтра – догонять, покинув этот свет,
Людей, бредущих прочь уже семь тысяч лет.
Мы обитатели сегодняшнего дня.
Печаль о завтрашнем – загадка для меня.
К чему безумствовать? Живи, свое Сегодня
Как величайшее сокровище ценя.
Кто побывал в раю? Кто видел ад, о сердце?
Неужто кто-нибудь пришел назад, о сердце?
Что нам названия неизвестных вещей!..
Надежды наши, страх – все наугад, о сердце.
Не спорьте с мудростью, стократ она права,
На поиск радостей зовут ее слова:
«Пойми, что время – серп. Коль лук-порей собрали,
Он отрастает вновь. Но ты ведь не трава!»
Здесь толпы меж могил пока вольны блуждать,
Без вервий святости и пут вины блуждать.
Все те, кто здесь решил от радостей бежать,
В том мире скорбными осуждены блуждать.
Пусть скатерть трезвости вином я загублю,
Но допущу к тому, что всей душой люблю!
А завтра Ты меня сожжешь или согреешь,
Я и возмездие, и милость восхваляю.
Приход наш и уход на кольцевом пути;
Начала и конца у круга не найти.
Кто суть его постиг, скитальцев просвети:
Пришли откуда мы? Должны куда уйти?
Где сокровенный друг, чтоб внял таким словам:
Не так уж хорошо когда-то жил Адам.
Бродил комок земли со скорбью пополам
И скоро отдых дал истерзаным стопам.
Здесь много до тебя мужей и жен бывало,
Звенели празднества со всех сторон, бывало.
И плоть твоя спешит вновь обратиться в прах:
Гулял во всяческих обличьях он, бывало.
Алеющих степей тюльпановый покров –
Бесчисленных царей пылающая кровь.
Фиалки – родинки пленительных красавиц,
Напомнить о себе явившиеся вновь.
Я в Тусе видел сам на башне угловой,
Как птица плакала над мертвой головой:
«Владыка Кей-Кавус! Взгляни на город свой.
Где гул колоколов? Где барабанный бой?»
Коль век ни сократить, ни удлинить нельзя,
Ценить не стоит жизнь, но и винить нельзя.
Увы, тебе и мне доставшиеся судьбы –
Не воск, руками их перелепить нельзя.
Миг детства: подошел и нам учиться срок.
Миг зрелости: детей скликаем на урок.
Внемлите старику, каков итог ученья:

Пришли мы как вода, ушли как ветерок.
Никто, ни стар, ни млад, не загостится тут.
Из тьмы и вновь во тьму цепочкой нас ведут.
Иные здесь царить намеревались вечно..
Ушли. И мы уйдем. Еще придут. Уйдут.
Любой из этих роз – увянуть навсегда,
И жемчугам сиять – недолгие года.
Что ж – плакать?... И твоя в бесславье канет слава,
И след мой на земле сотрется без следа.
Искатель счастья! Жизнь – как промелькнувший миг.
Струющаяся пыль – царя Джамшида лик.
Великие дела людей и мирозданья –
Обман, виденье, сон, случайный взгляд и вскрик.
«Нетленная любовь!..» – вне сердца?! Где ж она?
«Горящий дух!..» – где плоть, что им обожжена?
«Раб Божий!..» – нет, мой друг, мы все рабы рассудка.
Красивым словесам на деле грош цена.
Себя за дервишей считавших, сколько их!
Слепцов, стезею лжи шагавших, сколько их!
Чушь про «алеф и лям» болтавших, сколько их!
Скотов, чужую честь поправших, сколько их!
В чести невежество – вот что обидно мне;
Чем сердце отогреть, так и не видно мне..
Сменяю религию, зуннаром опояшусь:
В исламе – грешник я, в исламе – стыдно мне.
О сердце! К идолу на пиршество приди,
Там потеряй себя и вновь себя найди.
От власти Бытия, испив из кубка Смерти,
От грез Небытия себя освободи.
Пристрастием к вину и к озорству живу,
Молясь любви, гульбе и мотовству, живу.
Что за вопрос для всех – мое существованье?
Я знаю и без них: коль я живу – живу!
Мы Человека чтим вершиною творенья.
Вникая в эту мысль, похоже, ты в сомненье,
Тогда – испей! Мое заветное вино
Роднит людей с людьми и просветляет зренье.
Вот мы, и девушки, и хмель, и звоны чаш,
И вера во Христа, и виночерпий наш..
Поклонники вина, мы холосты и юны,
Нам и бесстыдство – бред, и добродетель – блажь.
Здоровье, молодость, любовь, и вешний сад,
И плеск ручья, и блеск вина, и нежный взгляд!..
Ах, кубок утренних хмельных благоуханий,
Рулады соловья и струн веселый лад!
«Зачем, – спросил кумир, – вы падаете ниц,
Склоненных, никогда не вижу ваших лиц?» –
«О! Красота твоя слепит невыносимо,
Нас не спасает тень опущенных ресниц».
Мы – в древнем храме том, где наша вера – страсть,
Где мудрого жреца живительная власть.
Кудрями бы подруг сердца опутать всласть,
Лишиться разума, упиться и упасть!
Задумав магом стать, я в харабат спешил,
И пояс уж на мне зороастрийский был..
Отколотил меня слугитель харабата,
Пожитки вышвырнул и харабат помыл.
Коль нет того, что есть, да не про нашу честь,
Иль есть, но хоть и есть, числа изъянам несть, –
Коль даже в мире есть, проверь, такого – нету,
Когда же в мире нет, поверь, такое – есть.
Ухабов на твоём пути полным-полно,
Так нужным для тебя сочли давным-давно.
Причина – вроде бы случайный шаг твой, но
Споткнешься точно так, как было суждено.
О, как вселенная прекрасна и нежна,
Тобой единственным навеки пленена!..
Но что увидишь ты, взглядевшись беспристрастно?
Клеймом распутницы отмечена она.
Чем жить, когда грядет и для миров конец?
Кровинка, Божья тварь, без долгих слов – конец..

Допустим, словно Ной, бессмертье заслужил я.
И – нет конца?... Да нет, в конце концов – конец.
Нет времени, Омар, присесть и отдохнуть:
Существование – из бездны в бездну путь.
Да, первая из них уж не страшна ничуть;
Вторая – близится, и все огромней жуть.
О, горе! В нашу плоть воплощено ничто,
Каймой небесных сфер окружено ничто.
Мы в ужасе дрожим с рождения до смерти:
Мы – рябь на Времени, но и оно – ничто.
Нас мучат день и ночь: то «стой!», то вновь «иди!».
То вниз, то снова вверх, иного нет пути.
И только трудная дорога перед нами,
И только долгая дорога позади.
Все те, которым так вначале ликовалось,
До упоения пилось и целовалось,
От полной пиалы едва отпили малость,
Как подкосила всех смертельная усталость.
И вот ушел твой дух в загадочную тьму,
И новый человек живет в твоём доме.
И невдомек ему и прочим новоселам,
Что ходят-то они по телу твоему.
Мне горестно смотреть, когда гончар жесток.
Он глину мнет и бьет, и на любой пинок:
«О, смилуйся! Ведь я, как ты, была живая!..» –
Все время слышится из глины голосок.
Кто – истинным путем считает лишь ислам,
Кто – логику и мысль, с сомнением пополам...
И тех и этих Страж однажды остановит:
«Вы заблудились! Путь лежит ни тут ни там!»
Пока у кочевой тропы сидишь, о сердце,
Средь вер и ересей свою найди ж, о сердце.
Потом, уединясь, где глушь и тишь, о сердце,
Глядишь, ты кое-что и разглядишь, о сердце!
«Решай, что лучше: спать иль пировать весь век...»
Гляжу на лик Земли – лишь спящих вижу я.
Во глубине земли – лежащих вижу я.
Гляжу в Небытие – вблизи, вдали, повсюду
Отсюда и сюда спешащих вижу я.
Из сердца и любовь и гнев изгнавший – где?
Единство богохульств и вер познавший – где?
Начала и концы своей судьбы презревший
И убедить себя ни в чем не давший – где?
Сказало сердце мне: «Учить меня начни.
Науки – таинства, но что таят они?»
Я начал с азбуки: «Алеф...» И слышу: «Хватит!
Свой своего поймет, лишь буквой намекни».
О Сердце! Если б грязь позволил смыть Аллах
И ты явилось бы, как Дух, на небесах,
Пришлось бы вечно быть стыдливым там и скромным:
Ты родом из страны, что называлась Прах.
Философом меня назвал лукавый лжец.
Я вовсе не таков, свидетелем Творец.
А впрочем, раз уж я пришел в обитель скорби,
То – что такое я? – узнаю наконец.
О Сердце! Не являй друзьям печальный вид,
Мужайся, не делись, о чем душа болит.
Беда привязчива – она, забывши стыд,
И к другу твоему в подруги норовит.
Доколе, сердце, нить? Никто не виноват,
Что хочешь прочности от временных палат.
А все от жадности. Спасет вино от жажды.
Ходжа! Напомни: как корун припрятал клад?
Отзывчивых людей сравню я с зеркалами.
Как жаль, что зеркала себя не видят сами!..
Чтоб ясно разглядеть себя в своих друзьях,
Вначале зеркалом предстань перед друзьями.
Свою слепить бы жизнь из самых умных дел –
Там не додумался, тут вовсе не сумел.
Но Время – вот у нас учитель расторопный!
Как подзатыльник даст, ты малость поумнел.

К тебе, сокрытый дух, стремится разум мой
С подсказками добра и мудрости земной.
Ты соколом рожден; но все с руки султана
В развалины летишь. Смотри не стань совой!
В тетради юности закончились листы,
Весны единственной осыпались цветы.
О, молодость моя, откликнись, птица счастья:
Ведь ты была со мной! куда умчалась ты?
Мы книгу вещую открыли в тишине.
И ясновидящий встревожил сердце мне
Словами: «Счастлив тот, кто ночью, равной году,
Ласкает на груди подобную луне».
Никто не целовал подобных розам щек,
Пока не истерзал его шипами рок.
Смотри: пока его сто раз не пропилили,
Не смог бы локоны разгладить гребешок!
Просторный Хаверан колючками богат,
Повсюду каждый шип царапнуть ногу рад.
Так ловит и меня любой лукавый взгляд:
Шипы – на всех путях, цепляют – все подряд!
О, сердце! Вновь душа, сраженная тоской,
Представила, что вдруг расстанется с тобой.
Развесели ее, спустись на луг зеленый,
Пока твой прах не стал зеленою травой.
Науки все пройди и убедись в одном:
Спасенья от судьбы нигде мы не найдем.
Что было для тебя предписано, тайком
Подчистить хорошо б... Да не твоим скребком!
На тщетные мечты я время погубил,
И вот – ни радости, ни времени, ни сил.
Едва ли что меня со временем утешит:
Давнишний жалобщик, я Времени не мил.
Грязь – это прах с водой. И это – плоть моя!..
Барахтаюсь, тону в соблазнах плоти я.
Коль сам бы, так себя б я вылепил искусней,
Но вышел вот таким на слитке Бытия.
Перед погонщицей – своей судьбой – не трусь.
Не так уж долго ей владеть тобой, не трусь.
Что в прошлом кануло, все провожай улыбкой,
И пусть грядущее грозит бедой, не трусь.
Владелец бирюзы, упряжек и коней,
Посмотрим на тебя через десяток дней.
Сегодня небосвод разбил соседям чашу –
Теперь уж твой кувшин не спрячется за ней.
Ходжа! И как дельцу тебе мешает рок,
И проповедью ты прославиться не смог...
Стань весел – просто так! Ведь даже власть над миром
Для алчности твоей – лишь на один зубок.
Тебе ль божественный сей мир критиковать
Или над чьим-нибудь позором ликовать!..
Сокрытое в сердцах не спрячется от Бога.
Сперва в себя взглядись, чем на других кивать.
Под лапами зверей весь этот прах вокруг –
Румянец юношей и кудри их подруг.
Зубцы кирпичных стен того дворца, мой друг, –
Султанов головы и пальцы шахских рук.
Судьба вселенной – миг, но я успел, возник,
Чтоб воздуха глотнуть, к ее груди приник.
Живущий – радуйся, навеки благодарный
За мимолетный вздох, за долгожданный миг!
Ты можешь целый мир садами расцветить,
Но мало этого, чтоб сердцу угодить.
Важней свободного сковать цепями ласки,
Чем даже тысячу рабов освободить.
Поскольку время нам остановить нельзя,
Порядка на земле установить нельзя.
Но все же пусть печаль пути к тебе не знает:
Цепочку дней своих из грусти вить нельзя.
Будь с виду бестолков. И вольный хмель веков
Хоть пригоршнями пей, мороча простаков.
Поймет и бестолочь, тут без толку соваться:

«Что толку толковать тому, кто бестолков!»
Пушок над губками возлюбленной твоей
Не портит красоты, а помогает ей.
Припомни, как весной мы садом любовались:
Цветы и так милы, но в зелени – милей.
Что благочестье? – плащ. Им пользуйся с умом:
С подругой хорошо укрыться под плащом!
Миг равнодушья к ней себе простишь, и завтра
Отметит он тебя пылающим клеймом.
Смотри, чтоб не проник к тебе через забор
Тоскливый смутный страх – крадущий время вор.
Смотри, как над землей вином играют чаши,
Играй – могильщице-земле наперекор.
Шагни в любовь! Твой шаг содвинет пласт земной,
Слеза вселенную ополоснет волной.
Достигнув цели, сядь и вздохом облегченья
Смешай, как легкий пух, сей мир и мир иной.
Беседуя с Лейли, в душе Меджнуном будь,
Где ты, где этот мир, где мир иной – забудь.
Проведав о тропе до места тайной встречи,
Незрячим и немым вступай на этот путь.
Воспитывать любовь разлуке поручи,
Сердечную болезнь надеждами лечи,
Уста возлюбленной вживи бутонем в сердце,
Цветок раскроется – улыбке научи.
Кто всячески себе наводит красоту,
Мечтая всем в глаза бросаться за версту,
Тому и невдомек, в чем красота мужская.
А ну как я его за женщину сочту!..
Шипы прелестных роз – цена благоуханья.
Цена хмельных пиров – похмельные страданья.
За пламенную страсть к единственной своей
Ты должен заплатить годами ожиданья.
Живя мгновение, живым блаженством будь,
Пленен изяществом и ликом женским будь.
Поскольку совершить успеешь ты не много,
Иль совершенством будь, иль с совершенством будь.
Будь весел! И гадать до срока ни к чему
На радостный рассвет, на горестную тьму.
И небо-колесо не ведает, ему
Проехать мимо иль по сердцу твоему.
Душа расстанется с тобою навсегда.
Ты в неизведанном растаешь без следа.
Испей вина!.. Пришел неведомо откуда.
И отдохни!.. Уйдешь неведомо куда.
О, сердце, не спеши, умерь свои мечты,
Испей вина, избавь себя от суеты,
Из одиночества создай себе свободу,
Тогда воистину мужским и станешь ты.
Вновь соловьиная пришла пора. Пора:
Хмельная жажда в нас опять остра с утра!
Вставай и приходи на зов царицы-розы,
Ей в эти два-три дня не жаль добра: добра!
Вновь радостна земля, вновь радугой росы
Манит степной ковер чарующей красоты.
В ветвях – в перстах Мусы – цветов благоуханье,
В целебном ветерке дыхание Исы.
Вот роза над лицом приподняла чадру,
И вспыхнул соловей любовью ввечеру,
Звенит всю ночь, пока голубка с кипариса
Не проворкует стих Корана поутру.
Любовь – несчастье, но... Здесь рок явил участие.
Грешно винить меня, коль рок наслал ненастье.
Рабы добра и зла, мы все под Божьей властью.
Неужто в Судный день вдруг поплачусь за страсть я?
В раю, слышали мы, найти нам суждено
И гурий ласковых, и сладкое вино.
Так вот мы и берем обещанное небом –
Сейчас или потом, не все ль ему равно?
Цветут поля, сады. В любом ручье струю
Журчащего в раю Кавсара узнаю.

В степи сегодня рай. Ты мог бы, сев к ручью,
С подругой райскою понежиться в раю!
Вновь празднично пестрит фиалками лужок,
Вновь розам лепестки листает ветерок...
До трезвости ль тебе, когда с сереброгрудой
Роняешь кубок свой, едва отпив глоток!
Красавица твоя свежей весенних роз,
Ласкай ее и пей вино под сенью роз,
Пока не унесло внезапным вихрем смерти
Твою рубашку-жизнь, как цвет осенних роз.
Пленит вас дивный стан; и, ослепясь, готовы
Фисташкой, сахаром назвать ее лицо вы.
В витках кудрей, в игре ресниц, в касанье кос
Кому – петля, кому – копье, кому – оковы.
Прелестниц уловлять – капканом золотым,
Привязывать к себе – арканом золотым.
Куда же тянется, взгляни, росток нарцисса?
Спешит обзавестись кафтаном золотым.
Мол, изгоняют в ад влюбленных и пьянчуг.
Умышленная ложь, для сердца злой недуг!
Влюбленных и пьянчуг коль верно в ад изгонят,
Ты голым как ладонь увидишь рай, мой друг.
Под сенью локонов счастливец погружен
На солнечном лугу в блаженный полусон.
И что ему сейчас коварство небосвода,
Когда любовью пьян и хмелем упоен.
Хайям! Ты грешник, но... Себя терзать зачем?
Про слезы лишь одно могу сказать: зачем?
Кто не грешил, тому прощенья-то не будет.
Прощенье – грешникам! Грешить бросать – зачем?
Ликуй! Все за тебя предвидели вчера.
Не скажешь, что тебя обидели вчера:
Прощенья от тебя не видели вчера,
Решенья для тебя уж выдали вчера!
Зовешься суфием, а в сердце мрак? – увы.
В призывах ханжеских большой мастак? – увы.
Лохмотья раздобыл – отшельникам на зависть!
Посмотрит завтра Бог и скажет так: «Увы!»
Хоть власяницу ты почтенную припас,
Дерюгой нищенской едва ль обманешь нас.
Спесивости не скрыть, в обноски обрядясь;
Похоже, для тебя привычнее – атлас.
И лев, кормящийся с поборов на мечеть,
Лисицей пакостной становится, заметь.
Запомни навсегда простой закон природы:
На дармовых хлебах нельзя не зачерстветь.
Коль наслаждение ты только в том и видишь,
Что сердце в тихий миг внезапно вновь обидишь,
Ты явно тронулся умом. Не видел свет
Подобной глупости: всю жизнь из бед не выйдешь.
Их «войлочным тряпьем» насмешливо зовут,
Они на сухарях да на воде живут,
Себя «оплотами» считают и «твердыней»...
Нет! Вовсе не оплот любой из них, а плут.
Искусству гончара дивился я вчера,
Над глиной что ни день колдует он с утра.
Невеждам невдомек, как эта боль остра:
Увидеть прах отца в ладонях гончара.
Соперником небес был сей чертог. Сюда
С поклонами текла султанов череда.
А нынче, погляди, кукушка на ограде
Устало плачется: «Ку-да? Ку-да? Ку-да?...»
Людей, украсивших мозаику минут,
Уводят небеса – и вновь сюда ведут.
Пока бессмертен Бог, полны подолы неба,
Карман земли глубок – рождаться людям тут.
Не нас ли Истина любовью облекла,
Покорность и грехи презреть нам помогла!
Твои щедроты нас где ни застанут, станут
Безделье – деланьем, безделицей – дела.
Коль есть в Не-бытии, Ты есмь, Не-тленный, – «НЕ».

А здесь?... Распад, и мрак, и смерть Вселенной – «НЕ».
О, Не-зависимый от мест, причин и следствий,
Ты здесь – отсутствуешь? Иль есть – с отменой «НЕ»?
О Зодчий! Звездный храм никто постичь не смог.
Грешить и каяться?... Едва ли в этом прок.
Я грешен во хмелю, в похмелье жив надеждой...
Так будь же милосерд: надежду я сберег!
Господь! Я потому вовсю грешить решил,
Что в сердце молодом безверье сокрушил.
Как славно веровать в Твое великодушие:
Споткнулся, дал зарок и – снова согрешил.
Не в силах я, молясь, грехи перечислять,
Слезами в три ручья залился бы опять!..
Однако ж, если раб раскаялся, обычай
Велит хозяину беднягу приласкать.
О, помогающий в любой дороге нам!
В беде случается давать зарок нам.
Господь! Где уговор, не место отговоркам.
Пусть уговор – Тебе, а отговорки – нам.
Ты отпусти грехи, проступки – пропусти,
Зато внимательно достоинства сочти,
Не воспылай огнем, почуяв наши ветры,
Но снизойди к слезам и скорбный прах прости.
Он Землю поместил под Солнцем и Луной,
А на Земле – сердца, а в них – любовный зной,
А драгоценных уст рубиновую россыпь –
В ларце, упрятанном во глубине земной.
Творец уж расписал, что завтра будешь есть:
Здесь недоест нельзя, но и добавки несть.
Не соблазняйся тем, чего не существует,
И не пленяйся тем, что неизбежно есть.
Чем дальше старика грехи и годы гнут,
Тем больше и надежд на благосклонный Суд.
Чем хорошо дела откладывать на завтра?
Судья, слегка остыв, не так уж будет крут.
Однажды всяк из нас на Судный зов придет;
Создатель обсудит плоды трудов придет;
Лишенных блага Друг, конечно же, утешит.
Вот видишь? Радость к нам в конце концов придет!
Проснись, пока твой век не догорел дотла,
И есть желанья, и голова цела.
Успей живым вином наполнить кубок Смерти:
И день умчался прочь, и ночь почти прошла.
Не очень-то вздыхай. Жить горько и темно,
Но будет время нам по вздохам сочтено.
Очнешься – очередь прошла твоя давно,
И не было любви, и выдохлось вино.
Живи, где хмель царит: «престол Махмуда» – он.
Пируй, где чанг поет: «напев Дауда» – он.
Не омрачи свой день ни будущим, ни прошлым:
Чудеснее, чудак, любого «чуда» – он!
Стремится небо сеть сплести тебе и мне.
Как души от него спасти тебе и мне?
Присядем на траву, хмельным нальемся соком,
Чтоб сочною травой взрасти тебе и мне.
Безумно пьяного я видел старика.
Он мысли вытряхнул, как мусор из мешка,
И голова – легка, и под щекой – рука,
Но на устах – Аллах!.. Сколь вера глубока!
О Боже! Всеблагодой! На мой очаг взгляни!
О Блеск Величия! Я нищ и наг, взгляни!
На недостойного приблизиться к Порогу –
На средоточие своих же благ взгляни!
Как, создавая мир, ни изощрился б я,
Стократ причудливей фантазия Твоя!
Себя-то, правда, я получше бы задумал,
Но уж таков узор на слитке Бытия.
Господь! Припасов дай на долгий путь земной,
Чтоб эти подлецы не помыкали мной,
А также, каждый день пьяня вином забвенья,
Спасай меня от дум – от боли головной.

Убогим бытом я по горло сыт, Господь:
Клочок Небытия тобой забыт, Господь.
Исправь же свой огрех и Бытие доделай –
Побывать мне в Бытии не повредит, Господь.
На кухне Бытия ты копотью оброс.
Все – горько! Пробу Ты снимал ли, вот вопрос.
Хоть бы деньгами брал, но Ты их презираешь.
Мы платим жизнями, Ты их пускаешь в рост.
Пойми, упустишь миг! Уж лучше поспеши,
Сними жестокий груз хотя б с одной души.
Ведь этот хрупкий мир – на десять дней забаву –
Обронишь, как богач – никчемные гроши.
Ты глину замесил. А я при чем, Господь?
Ты ткань мою скроил. А я при чем, Господь?
Морщинами добра и злыми письменами
Лицо мне исчертил... А я при чем, Господь?
Ловушку зернами Ты заряжал иль я?
А львами злобными Ты угрожал иль я?
Будь я вовне Тебя, я не владел бы Словом;
Коль я слиян с Тобой, – Ты вопрошал иль я?
Прошу вас Мостафе мой передать салам
И вот такой вопрос: по шариату нам
Неужто можно пить прокисший дуг – и вовсе
Нельзя вино, хотя б с водою пополам?
Прошу вас передать Хайяму мой салам
И вот такой ответ: совсем глупец Хайям.
Запретным я вино не называл. А впрочем,
Что можно мудрому, запретно вам, глупцам.
Лишь только в харабат, бродяга, помни путь,
Лишь там, где славно пьют, поют и любят, будь.
К возлюбленной прильни, кувшин вина добудь,
Блаженно захмелей, о глупостях забудь!
Эй! Отправляемся! С притона мы начнем,
Потом по кабакам блистательно гульнем,
Пропьем учебники, мою чалму загоним,
Вернемся в медресе – и учиним разгром!
Как здесь азартно пьют! Подай и мне вина.
Развеселились так, что песня не слышна!
Давай надеяться, что вышний Суд не скоро
И наша скромная забудется вина.
По слухам, только те, кто правильно живет,
В раю получают то, к чему привыкли тут.
Мы без возлюбленных, мы без вина ни шагу,
Привычку эту пусть учтет небесный Суд!
Вином, коль ты влюблен, вспои веселье – на.
Ужалит эфа-скорбь, спасает зелье – на.
Я жизнью упоен! Да здравствует напиток!
Не пьешь?! Чем угощу?... Грызешь ты землю? – на.
Нам и в раю вино Всевышний разрешил,
Так кто же здесь вино запретом окружил?
Верблюдице Хамзы подрезал пару жил
Один араб, так он запрет и заслужил.
Хлебнешь вина, и с глаз спадает пелена,
И суть противников становится видна.
Нарушил я зарок? Подумаешь, вина!
Зароков было – сто. Един – кувшин вина.
С чего, гадаешь ты, так скорбен этот свет...
Зачем терзать себя, когда ответа нет.
Не нам и отвечать, – ты радоваться должен:
Творя все это, нас не звали на совет.
Ты сам достиг того, что жил прекрасно? Нет.
И сам ли ты себя подвел ужасно? Нет.
Живи легко, на все заранее согласный:
В игре добра и Зла тебе все ясно? Нет.
Счастливых начнут однажды награждать,
Я буду милости, как милостыни, ждать.
По вкусу окажусь, так в их число запишут,
Никчемным покажусь – попросят не мешать.
Мы – по возлюбленным, а вы – по синагогам.
Вы нам сулите ад, вы в рай хотите... С Богом!
При чем тут грешники?... Мы просто разошлись

По предначертанью от Господа дорогам.
Пора сказать себе, что я баклуши бью:
Запуганный вконец, меж храмами сную.
Да кто тебе, Хайям, наврал про ад какой-то?
Кто в ад заглядывал? Кто побывал в раю?
Уж я ли сотворить какой-то вздор боюсь?
Уж я ли на себя навлечь позор боюсь?
Творец огрех простит, ведь сам Он в День творенья
Такого натворил! – я до сих пор боюсь.
Адама одарил своей красотой; затем
Как другу лучшему отдал и свой гарем.
Владыка жертвует всей мировой казною,
Все – нам!.. Уж Он такой, султан, благой ко всем.
Пред Богом грешен ты, но не терзайся так,
Он сострадает нам, жалеет бедолаг.
Сегодня ты заснешь, упившись беспробудно,
А завтра Он простит истлевший твой костяк.
О, сердце! Что за блажь: пойти благим путем,
Любимую и хмель оставив на потом?!
Во славу всех услад испей из винной чаши:
Всевышним Избранный – наш кравчий за столом.
«Да где ж он, идол твой? Явил бы лик иль чудо» –
Повсюду вздорные такие пересуды!..
Немало глупостей Он слышит отовсюду
И к тем лишь милостив, кому и вправду худо.
Пока душа при мне, я буду пить вино,
Обогащая мир, нищая заодно.
О, дух Земли! Земным я наслаждаюсь духом!..
А неземное – что? И для меня ль оно?
Сдружившийся с вином, всегда мужчиной будь,
Для собственных страстей всегда плотиной будь.
С учебником Любви весь век не расставайся,
Перед возлюбленной – с главой повинной будь.
Ну, вот и рассвело. О, неженка, вставай,
Неспешно пей вино, играй и напевай:
О тех, кто здесь еще («Прощай!»),
О тех, кто там уже («Назад не поджидай!»).
Дыхание зари прорвало полог тьмы.
Встань, кубок утренний из рук ее прими.
Страдать нам некогда. Являться будут зори,
Их лица будут – к нам, лицом в могилу – мы.
Нам стать бы пламенем – чтоб небеса спалить!
Водой волшебною – чтоб души исцелить!..
Но коль уж суждено нам жалкой пылью быть,
А миру – ветром... Что ж! Вино давайте пить.
Мы в кабаке Любви до нитки разоримся,
Мы, в пламени Любви сгорая, возгоримся,
Мы омовение свершим вином Любви
И к лику идола с молитвой обратимся.
Я ночью сердцу дал познать восторг хмельной,
И, воспарив, оно влетело в мир иной!
Я видел ангела. Он говорил усопшим:
«Входи: ты с истиной. Уйди: ты с клеветой».
Эх ты, продавший жизнь, чтоб жить богаче нас,
На Смерть по глупости наткнувшийся, мечась,
На два столетия запасшийся вещами,
Забыв исхлопотать отсрочку хоть на час!..
Коль негой ты себя проразвлекал всю жизнь,
Усладами свой дух прозавлекал всю жизнь,
Когда придет конец, увидишь с опозданием:
Тебя случайный сон проотвлекал всю жизнь.
Разумно ли судьбу увещевать весь век?
То славу, то позор переживать весь век?
Как ни веди ты жизнь, а Смерть идет по следу.
Решай, что лучше: спать иль пировать весь век?
Диковинный кувшин купил я как-то раз,
Кувшин меня своей чванливостью потряс:
«Я шахом был! Я пил вино златою чашей!..
Придется пьяницам прислуживать сейчас».
Не знаю до сих пор, лепивший плоть мою
Задумал место мне в аду или в раю?

Беру наличностью: пою, влюбляюсь, пью,
А рай обещанный – желаешь? – отдаю.
Я был у гончара, и вот что вижу вдруг:
Как колесо судьбы вертя гончарный круг,
То днище лепит он, то ручку для кувшина –
Из ног поденщика, из падишахских рук.
Коль Бог не хочет дать желаемое мною,
Смогу ль я оправдать желаемое мною?
Коль благом полагать желаемое Им,
Придется злом считать желаемое мною.
Сподобился б Господь наш мир перевернуть!
Причем сегодня же, чтоб я успел взглянуть,
Как Он решил со мной: иль имя зачеркнуть,
Иль дать ничтожному – в величие шагнуть.
Способное и дух над брэнностью вознестъ,
И разуму подать спасительную весть,
И сердце укрепить, – вино я воспеваю
По слову Господа: «В нем польза людям есть».
Открой хоть эту дверь, коль «Дверь Открывший» – Ты.
Зарю зажги теперь: «Путь Озаривший» – Ты.
Я руку не тяну за милостыней скудной:
«Великой Милостью нас Одаривший» – Ты!
О Боже! Сердце, в плен попавшее, прости!
И грудь мою, печаль познавшую, прости!
И ноги, в харабат бредущие, помилуй!
И руку, пиалу поднявшую, прости!
Не только в пятницу не перестану пить,
Горчайшее вино и в дни поста мне пить.
Но я-то чистый сок в бочонок лил!.. Всевышний,
Не делай горьким сок! – тогда не стану пить.
Как долго проживу, мне сообщаешь Ты;
Не скудно, сотню лет мне обещаешь Ты!
Ну что же, сотню лет испытывать я буду,
Что больше: я грешу или прощаешь Ты?
Из вечной тьмы подняв и повелев мне: «Будь!» –
Ты щедрым был ко мне, в земной пуская путь.
Но отблагодарить не в силах я, прости уж,
Могильным прахом долг верну когда-нибудь.
«Наличное бери, обещанное выбрось...»
И те, кто изучал диковины земли,
И те, кто горний мир высматривал вдали,
Едва ли, думаю, смогли дойти до сути
И вряд ли что-нибудь уразуметь смогли.
Почтенный! Не считай, что в «завтра» ты проник
Пустыми соблазнься пророчествами книг
Кто предпочел познать «сегодня», тот постиг
И суть грядущего: век мирозданья – миг
Не порывачил ты, но хвалишь свой улов!
Не блещешь знанием, но говорун каков!..
Наставник истины добиться хочет сути,
А не звучания запомнившихся слов.
Хитры, проницательны и вертки, как ужи,
Столпы невежества – «ученые мужи».
Они не расплетут загадок вековечных,
Зато уж наплетут такой красивой лжи!
«Путей за полог тайн земным созданьям нет».
«Людей, готовых в путь к высоким знаньям, нет».
«Коль не считать могил, в дороге сна им нет...»
Помилуйте! Конца таким стенаньям нет!
О многознающий! Мы спорим без конца,
Так заверши наш спор суждением мудреца.
Вот сказано: был Бог, и больше ничего, мол...
Совсем уж ничего? И – места для Творца?!
Коль завтра и мечеть, и нечестивый храм
Развалится, представь, как тяжело станет нам.
Без проповедников бог знает что начнется!
Кто сам помчится в ад? Кто рай отыщет – сам?
Дай благости, ходжа, хотя б немного нам:
Примолкни, чтоб разок расслышать Бога нам.
Мы вроде прямо шли, но ты так косо смотришь...
Иди лечи глаза. И дай дорогу нам.

Что у тебя, ходжа, плутающий во тьме,
Помимо зависти вселенской на уме?
Мы всеми мыслями – в Творце, в Его творенье,
Ты – в женских месячных и всяческом дерьме.
На то и сердце: жизнь без суеты постичь,
Чтоб разгадать и Смерть, ее черты постичь.
Сегодня сам себя не понял? Ну так завтра,
Покинув сам себя, что сможешь ты постичь?
О светочи ума, ученый цвет земли,
Столпы обычаев, вы с факелами шли,
Но из пещерной тьмы не вывели наружу,
Нам сказок наплели, а сами спать легли.
Не жизнь, а черновик!.. Довольно пачкотни.
Журчащих кубков я не слышал в эти дни.
Восстань, возвеселись и пиалу наполни:
Мы сокрушим печаль, теперь мы не одни!
Возрадуют народ мои дела пускай!
А все клеветники сгорят дотла пускай!..
Взамен друзей – беда ласкает бедолагу;
Ей, бескорыстнейшей, звенит хвала пускай.
Мужать и ликовать, коль жизнь отдать вину.
Черстветь и замерзать, коль быть у книг в плену.
Иди вина испей, обзаведись румянцем:
Жевание сабзы вгоняет в желтизну.
В питейной лавочке спросил я старика:
Что ведомо о тех, ушедших на века?
А он: «Напейся впрок. Дорога далека,
Никто из них назад не приходил пока».
Всем грешникам страдать и корчиться в огне,
Но жадных я припечь советую вдвойне.
Ведь сам Пророк сказал: «Коль жаден мусульманин
И щедр христианин – второй дорожке мне!»
Пока не рухнул ты, от кубка Смерти пьян,
И пахарями в прах не втопан, как бурьян,
С деньгами к нам иди! Монеты в мир загробный
Брать не советую, на них не тот чекан.
О, мертвые сердца! Чтоб над судьбой восстать,
Утраты и года вернуть и наверстать,
Чтоб сразу в двух мирах два урожая снять,
Возможность лишь одна: ожившим сердцем стать!
Явилось чудище, обличьем – Сатана,
Рубаха в адовом дыму закопчена, –
Разбило вдрызг оно (не «он» и не «она»)
Усладу страждущих, мою бутылъ вина!
«Не пей вина!» – кричат, пророчат гибель мне,
Шумят про Страшный суд, про пьяницу в огне.
Все так!.. А я на пир, и ну их, оба мира!
Блаженство и восторг – единственно в вине.
Твой обветшает век – обновы нет, учти.
И мало лишь мечтать про лучшие пути.
Кувшином пей вино, отвергни чашу скорби:
Коль не разбить ее, кувшина не найти.
Покинув истину, скитаться – это что?
По тропкам алчности метаться – это что?
Уютное жильё покинуть – безрассудство.
А предпочесть покой, остаться – это что?
Гони из сердца, друг, враждебный дух скорбей:
С красавицей вина прозрачного испей,
Сядь возле юноши, лицом его любуясь:
Сорочку старости сдери с себя скорей!
Гони из сердца спесь. Гордыне все не впрок,
Спесивцу не постичь один простой урок:
Сгибайся, как и все! Ведь жизнь – как женский локон,
Где долго ли отстричь строптивый волосок.
Пускай там гурии кого-то в рай манят,
Нас виноградный сок и чаши знай манят!
Наличное бери, обещанное выбрось,
И бубны вдалеке других пускай манят.
Чуть песней соловья прервется тишина,
Пора спуститься в сад да подливать вина,
Пока не слышен плач завистливых кретинов:

«Кому-то пиалу налили до полна!»
Хмельное, лунный свет, игра свечи... Саки,
Хмельны и горячи уста в ночи, саки!
Живое сердце – прах, огнем одушевленный, –
Чтоб ветер не унес, водой смочи, саки!
Рассвет уж налился лазурью в тишине,
Пора бы и вином наполнить чашу мне.
Что истина – горька, давно известно людям;
Пора бы заключить, что истина – в вине.
Предвечный Птицелов подсыпал нам зерна –
И стайка поймана, «людьми» наречена.
Сам из добра и зла связал Он сеть вселенной,
А жертве говорит: себя винить должна.
Рассветной свежестью повеяло в окно.
Еще – прозрачность бы да прелесть заодно:
Пускай прелестница блаженством одаряет,
Смывает горести прозрачное вино.
На пир, влюбленные!.. И в круг мы сели все,
Про плетку Времени забыть сумели все,
Дозволенным вино хозяйское сочли мы,
Довольны и вольны, так захмелели все!..
Испей вина! Мечтал бессмертным стать? – так вот!
И, юность воскресив, опять блистать? – так вот!
Под ливнем алых роз, друзьям хмельным на радость,
На миг увидеть жизнь как благодать? – так вот!
Пока могу любить, пока вино я пью,
Плевать мне, лицемер, на проповедь твою.
Коль уготован ад способным упиваться,
Кто ж упоение почувствует в раю?
Те отдают вину и день и ночь подряд,
А те свою вину молитвой смыть хотят..
В неведомых волнах барахтаемся, брат.
Единый – бодрствует. Все остальные – спят.
Что в жизни вкривь и вкось – когда-нибудь пройдет;
И радость, как и злость, когда-нибудь пройдет.
Благодарю, Аллах, что мир непостоянен,
И что бы ни стряслось, когда-нибудь – пройдет.
Ваятель чудных чаш... Как не сказать о том,
Каким ваятель наш владеет мастерством:
Он чашу до краев наполнил черной желчью,
На пиршественный стол поставив кверху дном.
Что мне укор, Господь, что похвала? Избавь!
Ты слишком любишь лезть в мои дела. Избавь!
Меня, пока я трезв, добро и зло терзают.
Дай опьянеть! От пут добра и зла – избавь!
Печально: наша плоть из глины создана,
Поэтому всегда и влага ей нужна..
Ты снова от вина меня остерегаешь?
Зачем напоминать, что нет у нас вина.
Мой старый друг! Зачем переживать до срока,
Зачем внушать себе, что небо так жестоко?
Упрячься где-нибудь в укромном уголке
Да и поглядывай на развлеченья рока.
Ты мечешься, как мяч. Попал ты в кутерьму!
Тебя човганом Рок гоняет – почему?
Жестокая игра, как видно, одному
Ему понятная!.. Ему! Ему! Ему!
Коль к умному судьба безжалостна весьма
И без ума от тех, кто вовсе без ума,
Смывай вином свой ум! Авось судьба сама,
Безумца пожалев, откроет закрома!
Коль ты постиг, мой друг, в чьей воле этот свет,
К чему терзания, в которых смысла нет?
Вершил бы ты дела, тогда б и нес ответ..
Живешь одиножды. Будь весел! – мой совет.
День-два отсрочки есть. Попьем же перед сном,
На жизнь оглянемся и постигать начнем:
Наружный этот мир разрушиться обязан.
Так разрушай себя – не чем-нибудь – вином!
Вот – чаша. Пьяница отчаянный, и тот
Скорее рухнет сам, но чашу сбережет.

А вот – гончар-судьба. Представьте: диво-чаши
Сама же создает – и тут же оземь бьет!..
Лишь сердце в горести, упав под ношей злой,
И о любви вздохнет, и вспомнит хмель былой.
Но нет вина? Постой, я принесу такого,
Что черпай пригоршней его, как пиалой!
О сердце! Ты живешь, чтоб кровью истекать,
На миг вбирать ее и мигом иссякать.
А ты, душа, зачем явилась в это тело?
Итог твоих трудов – шагнуть отсюда вспять.
Мир – постоянный двор, мы только гости здесь.
Куда уж тут навек, на миг бы хоть присесть:
И здесь и там – Творец, Он занял оба мира,
Он всюду и всегда. А нас куда? Бог весть.
О сердце! Ворох тайн ты разберешь едва ль,
Уловку мудрую само найдешь едва ль.
Так вот: вино, шербет отлично рай заменят,
А в тот, небесный, рай ты попадешь едва ль.
О сердце! Прояви над этим миром власть,
Средь луга сад возрасти и радостью укрась,
Тогда и веселись, ночной росе подобно
Сев на заветный луг, а утром... испарясь.
Пока за гранью тьмы вдруг не остался ты,
Испей вина! Смотри, с тоской расстался ты.
Распутай локоны подруги, прядь за прядью,
Пока, за прядью прядь, сам не распался ты.
Боготворю вино, его служитель – я,
Всегда хмельной страны счастливый житель – я.
Отшельник! Что внушил тебе тупица Разум?!
Не слушай, веселись. Его учитель – я!
Душа над пиалой хмельной вдыхает дух:
Одушевивший жизнь, там отдыхает дух.
В недвижимой жидкости – клубящееся пламя,
Рубин, журчащий так, что замирает дух!
Смотри, сколь дивный дух сокрыт внутри кувшина,
Как будто розою чреват бутон жасмина!..
Нет, лучше так скажу: вот доброе вино,
Снаружи как вода, внутри – огонь рубина!
Саки! Так хочется свободы сердцу!.. Но,
Как морю из себя излиться не дано,
Не то что суфию: он так наполнен мутью,
Что льются: чушь – из уст и мимо рта – вино.
Пируем над ручьем – вот так и надо жить!
Невзгоды нипочем – вот так и надо жить!
Уж коль нам десять дней отмерено, как розам,
Смеемся да поем – вот так и надо жить!
Ты, всеблагой Господь, и вправду всеблагой?
Но кем же изгнан был, покинул рай изгой?
Безгрешного простить – насмешка, а не благо.
Я грешен. Награди! Тогда Ты – Всеблагой.
Кувшин, уста в уста, нашептывает стих:
«Сейчас твои уста теплее уст моих,
Сейчас беспечен ты.. Но здесь никто не вечен,
Течение времени оледенит и их».
Вино – всей жизни цвет. Нам дух застолий люб.
Вселившийся в бутылку, нам дух веселый люб.
Конечно, ни к чему любить людей тяжелых,
Но винный кубок нам как раз тяжелый люб.
Того прекрасного вина налейте мне,
Живого, страстного вина налейте мне –
Игристого, как цепь колец переплетенных
Безумья с разумом, вина налейте мне!
Сколь можно весел будь. Еще страдать придется.
По телу павшему душе рыдать придется.
Вот чаша – голова. Но день пройдет иль два,
И снова гончарам ее топтать придется.
Так предписал Калам: мечусь туда-сюда.
Добро и зло – его, а я виновен, да?
Я не был здесь вчера; я и сегодня не был!
Но что Судье прочтут назавтра, в День Суда?!
Зачем мне брать зарок – не по своей вине?

Уж я ли – винохлеб? Да что мне в том вине?!
Но гостю знатному в чем можешь, не откажешь...
Презнатный винохлеб сейчас гостит во мне.
Смотри не отдались, обманутый тоской,
От виночерпия, от чаши огневой:
Немало простаков прошло до нас с тобой,
Нашедших только скорбь в кормушке мировой.
Да что запрет вина! Взалкал – и выпивай,
Под музыку – рассвет, закат ли – выпивай.
Рубиновым вином когда наполнят кубок,
Ни капли не пролив, до капли выпивай.
Мой друг! Наш ветхий мир – угрюмый старый враль.
Неужто невидаль, что нас ему не жаль?...
Прошедшее – прошло, грядущее – туманно.
Сбылось ли, не сбылось... Подумаешь, печаль!
Твоя любовь ко всем – божественный чекан;
Тебе милей душа, чем слава или сан.
Ты примешь муравья как гостя дорогого,
Хотя сейчас тебя ждет в гости Сулейман.
Наполню я вином однажды кубок свой,
Блаженствуя, склонюсь хмельною головой
Над сотнями чудес, раскрытых предо мной, –
Над книгой пламенной, над речью ручьевогой.
Вино среди друзей возносит – лучше нет,
А кубок, полный слез, уносит – лучше нет!..
Не хочет подлый мир обещанным делиться.
Напьюсь я, подлый мир! Подкосит – лучше нет.
Вино смывает хворь и дух питает мой.
Вино – подсказчик там, где ум витает мой.
Что ярче я найду, коль оба мира блекнут,
Когда глотком вина хрусталь сверкает мой!
Не важно мудрецам, светло или темно,
В аду заночевать, в раю ли – все равно,
Как и любовникам: атлас на них, палас ли,
Под жаркой головой подушка ли, бревно...
Везде Твой силки, Ты в них манишь меня,
И так разгневан Ты, когда пленишь меня!..
Ты повелел – огни вселенной воссияли.
Уж мне ль послушаться? А Ты клеймишь меня.
Я под ноги Тебе однажды пьян свалюсь,
Расплескивая в пыль последний жбан, свалюсь,
Роняя с головы льняной тюрбан, свалюсь,
Запутан в локонах, как истукан свалюсь...
Ты винный мой кувшин расколотил, Господь!
Из радости изгнал и дверь забил, Господь!
Багряную струю небрежно пролил наземь!
Да чтоб мне землю есть – Ты пьяным был, Господь?!
Творец! Каким хотел меня Ты сотворил,
Ты пламенем вина напев мой озарил...
Но ведь каким хотел меня Ты сотворил!
За что горю в аду? Ты что же натворил?!
Я в мире праха прах пошевелил... Конеч.
Для ста врагов-друзей был мил-немил... Конеч.
Но как?... Но почему?... Напрасные вопросы:
Как чашу, Ты меня налил, пролил... Конеч.
Коль чаша гончару хоть малость удалась,
И спяну б на нее рука не поднялась.
Как можно красоту прелестных рук и глаз
Любовно так лепить – и разбивать, озлясь?
Кувшин, уста в уста, прошу в тоске хмельной
Сказать о способе продлить мой век земной.
В ответ, уста в уста, секрет он шепчет свой:
«Я прожил, как и ты, лишь миг!.. Побудь со мной».
Как много раз весна цвела до нас с тобой
И сколько прежних зорь погашено судьбой!..
Ступай нежней! Не пыль – прекрасные когда-то
Угасшие зрачки тревожишь ты стопой.
Придет однажды срок, и сгинем мы с тобой,
Усталые тела отринем мы с тобой.
О, сколько же веков луне сиять над прахом,
Который навсегда покинем мы с тобой!

Примерно семьдесят учений разных есть.
Я культ ЛЮБВИ К ТЕБЕ хотел бы предпочесть.
Что «грех» и что «ислам»? Что «святость» и «смиренье»?
«Мечтаю о тебе!..» – и слов превыше – несть!
Вот сердце казни ждет, а ты приветь добром;
Зло наплело узлов, распутай сеть добром.
Ты зла или добра? Ты ослепила друга.
Коль нужен добрый друг, придет он – встретить добром.
Столь редкостный нарцисс любить никто не прочь,
Красу китайских див забыть с такой не прочь!..
Лишь подмигнула ты владыке Вавилона,
С доски – его лады, и ферзь, и кони – прочь!
Полураспахнуты призывно полы роз!..
Твой воротник душист, как те подолы роз.
Ты так пленительна, что даже бисер пота
Прелестнее росы, пленившей доли роз.
О, как возвеселить умеешь праздник ты!
И сердцем, и лицом согреешь праздник ты,
Во славу праздности и в честь любви и счастья
Впусти на свой порог скорее ж праздник ты!
Твои любовь и гнев сумел создать Творец,
Былые рай и ад приняв за образец.
Пирую у тебя – в раю, и виноват ли,
Что путь в небесный рай забыл уже вконец!
Привстань, подай вина. Довольно болтовни,
Сокровищницу уст на эту ночь замкни.
Как мил румянец твой!.. Плесни ж и нам румянца.
Как локоны твои, коварно вьются дни.
Мечту в объятия поймать нам не дано,
Вина заветного вкусить не суждено,
Нам – гуща горькая со дна лазурной чаши,
Ни для кого из нас – небесное вино.
Сошлешься: некогда, мол, не сейчас, – и ладно;
Знакомой песенкой согреешь нас, и ладно.
К чему кинжальный взгляд? За что нас убивать?
Привычной плеткою огреешь раз, и ладно.
Брось пыжиться, кумир! Кривляние смешно,
Зазнавшихся божков и без тебя полно.
Спокойною предстань, узлы бровей распутай,
А на влюбленного кричать совсем грешно.
Все влюблены в тебя, сколь есть мужчин вокруг.
Порханье мотыльков – пылающий наш круг.
Скажи, не хватит ли капризов и придирок?
Коль пред тобой – любовь, что за капризы вдруг!
Невежда! За любовь меня стращать нельзя,
А спорами о ней тебя смущать нельзя.
Нам дан шербет любви как лакомство мужское,
Скопцов и немощных им угощать нельзя.
В душе бесчувственной любовь не воспитать;
И сладострастнику ее не испытать.
Так не подсматривай сердечные влеченья.
Себя ограбил ты – как человеком стать?!
Опять про Первый день? Опять про Вечный Свет?
Науку я ценю, но это пустоцвет.
Вернемся к радости. Вину замены нет.
И коль вопрос глубок, дает вино ответ.
Вино – багряных роз хмельной настой, не так ли?
Бывает ал, как лал, хрусталь простой, не так ли?
Рубинами горит волна порой, не так ли?..
Луна – не Солнце ли, но под чадрой? Не так ли?
Хайям! Судьба дарит пеняющему ей
Такой позор и срам, что пыток пострашней.
Так наполняй хрусталь, под пенье чанга пей,
Пока не твой хрусталь сверкает меж камней.
Достоинство – Творцу покорствовать в делах.
Вот я смиренно пью, как начертал Аллах,
Вино смиренно пью и не посмею бросить –
Всеведущего вдруг оставить в дураках!
Как сердцу-птице знать, кормушка здесь иль сеть?
Вот это к чаше путь, а это путь в мечеть..
Привычно пьян, влюблен, что должен предпочесть?

В монастыре я ноль, а в кабаке мне честь.
Привет тебе, кабак, где славно жили мы,
Где зарекались пить и тут же пили мы.
Коль я не нагрешу, откуда быть прощенью?
Прощение красно, коль нагрешили мы.
Бог глину замесил, составил мой костяк,
Вложил клубок страстей, внушил мне каждый шаг...
Прикажет, и греха не избежать никак.
А в день Суда – в огонь?... Он что, задумал так?!
Уж будто Божий раб в аду, в огне – сгорит?
Наружный слой грехов, понятно мне, сгорит.
Я руку в рукаве, вином его смочивши,
Могу сто раз в огонь, обратно... Не сгорит!
К нам подойди, кумир, а то в печали мы,
Без помощи твоей в тупик попали мы:
Пока не стали мы кувшинами в гончарне,
Еще б один кувшин сейчас почали мы!
Скорее! Пусть рубин зажжется в хрустале,
Пусть наш душевный друг возникнет на столе.
Вселенную, как пыль, вот-вот развеет ветер!..
Успей подать вина, пока мы на земле.
Здесь пировал Бахрам... Но пиршественный зал
Теперь убежищем лисы и лани стал.
Как ловко ты, Бахрам, охотился на гуров!
И доохотился, и тоже в гур попал.
Хмельной, из кабака к мечети напрямик
С молельным ковриком и кубком шел старик.
Спросил я: «Согрешив, ты не боишься, старец?!»
А он в ответ: «Испей! Все выветрится вмиг».
Испей же! Во хмелю забыться можно так,
Что сгубит сам себя беснующийся враг.
«Кто трезв, тот и богат». Увы, к несчастью сердца,
Богат он мыслями про замогильный мрак.
Про время что гадать: имею или нет,
Век радостно дожить сумею или нет?
Плесни скорей вина, а то ведь сам не знаю,
Вздых этот выдохнуть успею или нет.
Я с миром призрачным особо не чинюсь,
Внушениям забыть вино – не подчинюсь.
«Вот искупать вину Творец тебя заставит!»
Заставит? Лично сам?... И то не повинюсь.
Власть, Божьей равную, имел бы я когда,
Нелепый небосвод низверг бы без следа,
Потом бы заново воздвиг иное небо,
Сердцам благих людей послушное всегда.
«Вторично не цветут увядшие цветы...»
Кто здесь не очернен грехами, объясни,
Какими занят он делами, объясни?
Я должен делать зло, Ты – злом воздать за это
Какая разница меж нами, объясни?
Ты, покоровив меня, не многого достиг
И от грехов моих убыток не велик.
Вручать и отбирать не утруждайся больше:
Вручаешь поздно ты, а отбираешь вмиг
Господь! На Твой призыв «Покорствую!» – скажу
«Смирись!» – «Но разве я упорствую?» – скажу
«Приди ко мне, Я щедр, и Я прощаю», – скажешь.
Приду. «Жестокое притворство!» – я скажу
Я – возмущенный раб: Твое вниманье – где?
Когда на сердце ночь, Твое сиянье – где?
Ты раем наградишь покорных?... Как постыдна
Торговля щедростью! Благодеянье – где?!
Колючка пусть одна на площади на всей –
Бедняк из бедняков поранен будет ей.
Вот уж воистину: повсюду и любые
Весы склоняются туда, где тяжелей.
Вот чаша – чудный труд великих мастеров!..
Но видишь ты теперь лишь россыпь черепков.
Не вороши ногой дорожный мусор, помни,
Что эти черепки – из прежних черепов.
Саки! Твой кубок чту страну Золомат,

К живому роднику всегда припасть я рад.
В сей жизни только ты достоин восхваленья,
Ты стал Мухаммедом – тебе наш «салават»!
Просвета в жизни нет, недолго до сумы,
Тщета людских хлопот заразнее чумы..
Зато причинами для бед и кутерьмы,
Хвала Всевышнему, всегда богаты мы.
Прелестный наш саки! Мы любим жить взахлеб.
Порадуй страждущих, устрой хмельной потоп!
А кто в тайфун скорбей боится окунуться,
Такому Ноевым ковчегом станет гроб!
Саки! Мы вроде чаш. Вот я люблю и пью,
Поскольку начертал лепивший плоть мою:
«Се – для красавицы и для вина земного,
Потом – для вод хмельных, для гурии в раю».
Саки! Какой глоток ты выплеснул во прах!..
А как же наш огонь в заждавшихся сердцах?!
Ты нес лекарство нам, но выпустил на воздух
Струю живой воды!.. Прости тебя Аллах!
К чему в саду твоём тоска и грусть растут?
На книгу радостей направь душевный труд.
Будь упоен вином, а с робким сердцем крут:
Ведь видишь бег минут! Ведь все оставишь тут!
Всей мудрости земной отобранную суть –
Два главных правила бери с собою в путь:
Жить лучше впроголодь, чем лишь бы чем питаться,
И лучше одному, чем лишь бы с кем-нибудь.
Добру и враг и друг ответственны добром,
И эта доброта не знается со злом.
Врага получишь ты, злом отвративши друга,
И друга обретешь, став ласковым с врагом.
Поможет мне чужой – почту его своим;
А отстранится свой – сочту его чужим.
Врученный другом яд – противоядьем станет;
Подаст завистник мед – вонзит и жало с ним.
Пусть у меня давно не жизнь, а стыд и срам,
А ты утратил счет удачливым годам,
Но так или не так, посматривай на небо:
Что там, за пеленой, теперь готовят нам?
Хочу в Небытие! Шагнув за пелену,
Со скверного пути на верный поверну.
О жизни, простаку одолженной Всевышним, –
Да ну, переживать! Потребуется – верну.
Завлек меня Творец в трясины Бытия..
Что за корысть Ему растерянность моя?
Мы с отвращением сбежали, зная не зная:
К чему приход, уход, разброд и толчея?
Власть беспотопную подалеке обходи:
«Немедля сделай, мол, но делать погоди!»
Попало, как в капкан, в Его запрет и волю
Все человечество: «Склонись! Не упади!»
Ты – пепел! В пекле вновь тебя испепелят.
О, пламенем тебя уже доставший ад!..
Не хватит ли, Омар, воззваний к милосердию?
Считаешь, твой урок Творец услышать рад?
Когда кувшин вина возник перед тобой,
Спокойно распивай в компании любой.
Создатель создал мир и мирно почивает.
Теперь и сами мы с усами, с бородой.
Жасминам – по весне цвести, лаская взор,
Влюбленным – по ночам искать звезду Алькор..
Садись! Попьем вина! Вот и лужайке этой
Столетиями дремать под чей-то разговор.
Напитком вечности зовут вино. Испей.
Веселье мира в нем воплощено. Испей.
Пускай захватит дух и обожжет, как пламя,
Зато огонь беды зальет оно. Испей!
«Оттуда, где про хмель и представленья нет,
Где дивного лица для вдохновенья нет, –
Пусть это даже рай, стремглав беги оттуда!..»
Вот так слагай слова. В твоих – горенья нет.

Вон первый бык – Телец – венчает звездный кров;
Второго – разглядишь сквозь глубь земных пластов...
А то, что на земле, не стоит добрых слов:
Ослы, одни ослы меж этих двух быков!
Невежды, падкие на шутки Бытия!
О хитростях его предупреждаю я.
Вы распылите жизнь на множество соблазнов.
Куда важнее – друг и винная струя.
Благоухающий подай мне лал, саки:
Я вновь от спорщиков сюда сбежал, саки.
Подай кувшин вина, пока в ладонях рока
Наш прах – и мой, и твой – горшком не стал, саки.
Не кубок Джама, нет! – мне мил твой лик беспечный;
Твой скоротечный путь милее жизни вечной.
Спеши, саки! Взвивай светящуюся пыль,
Чтоб в небо вознеслась и Путь затмила млечный!
Саки! Без вожака бредем по тропам лет,
И только старый хмель способен дать совет.
Скитальцев отогреть – что может лучше хмеля?
Глоток живой воды? Струя Кавсара? – Нет!
С уроков, от наук всегда сбежать прекрасно,
Подругу милую к себе прижать прекрасно!
Пока Судьба твою не проливает кровь,
Кровь лоз по кубкам лить, в траве лежать – прекрасно!
О хмель прозрения! Рабам рассудка нет
Спасения от пут; но коль из кубка лет
Питать тобою дух – вокруг забрезжит свет
И вдруг сверкнет в руке заветный самоцвет.
Намазу и посту поменьше доверяй,
Зато почаще дом кутилам отворяй.
Тебя Омар Хайям напутствует, послушай:
Богатых обирай, а нищих одаряй.
Вопрос незрячего: где кубок Джама взять?
Ты должен все и вся сомненьем истерзать,
Чтоб той, потом другой допрошенной пылинке,
А там уж и всему – волшебным кубком стать.
Когда сподобишься испить вина, гляди
Не рухни в обморок, в безумство не впади!
Чтоб заслужить к вину рубиновому доступ,
Людей не притесняй и буйства прекрати.
Тебе ли до конца понять наш бранный свет,
Где все кончается – конца началам нет?
Как праздник принимай занявшийся рассвет,
А прежний – не мечтай найти под грудой лет.
Как буйно в медресе, и в кельях, и в церквах
Растут стремленье в рай и перед пеклом страх!
Но тот, кто разгадал и вызнал тайну Бога,
Не сеет сорняков в доверчивых сердцах.
Пируй! По крохе плоть рассыплется, а там –
Кувшином кочевать уж по чужим пирам.
Не слушай слов про ад, не обольщайся раем:
Умно ли доверять торгашеским речам?
Корану мудрому – заслуженная честь,
Но нету времени, чтоб за него засесть.
На донце пиалы волшебный стих начертан,
Который надо бы еще разок прочесть!..
Укройся, как огонь, в земную твердь, саки,
Так и туда водой проникнет Смерть, саки.
Не прах ли этот мир?... Певец, порадуй песней.
Не ветер ли – душа?... Вином приветь, саки.
Не проходи, саки, прости, спаситель мой,
Что я издалека тянусь к тебе с мольбой!..
Когда ты прочь идешь, любому сердцу гибель.
В любой душе восторг, когда мы вновь с тобой!
«Представь, – я слышу, – ад, огонь, горящий там,
И вспомни, что тебе воздастся по грехам!»
Но кто бывал в аду? Кто зримо грех мой видел?
А если нет, зачем такие страсти нам?
Пристрастие к вину – великая вина,
Но свойствами вина оправдана она.
Зачем я пью вино? Дыханье очищаю

Благоуханием прекрасного вина.
Питье греховное, для нас вино – услада,
Такой красавицей поднесено – услада!
Как сладостно горчит запретное вино!..
Так вечно: если что запрещено – услада.
Чтоб только в рай попасть, терзает плоть аскет.
Кому столь жуток ад, – не муж, а пустоцвет.
«В раю не ведают печали и страданий».
Выходит, рай – для тех, в ком сострадания нет.
В горячке я лежу. Какой плачевный вид!
И так-то нет вина, и лекарь запретит!..
Уже по-всякому лечился я и знаю:
Коль не считать вина, мне все сейчас вредит.
Не время ли цветам?... Чтоб яркий луг возник,
Придется шариат нарушить напрямик.
Цветущих созову, чьи щеки как тюльпаны,
Присяду на траву, глотну, взгляну – цветник!
Дать нищему вина – царем предстанет он;
Лисенка подпоить – на льва восстанет он;
И мудрый во хмелю – по-юному воспрянет;
А юный будет пить – мудрее станет он.
О сердце! Твой урок: «Прими печаль и кровь;
Иль все сочти игрой, войдя под звездный кров;
Иль, зная наперед, какой здесь беспорядок,
Внуши себе, что ты живешь вонне миров».
Соль мироздания – в красавице и хмеле;
Я здесь освоился и не хочу отселе.
Не зная, пьян ли, трезв, блаженствую, пока
Два мира дарят мне один глоток веселья.
Рука черпнуть воды искала!.. Не сбылось.
А ноги жаждали привала!.. Не сбылось.
Но более всего обидно мне за сердце:
Как сладостно оно мечтало!.. Не сбылось.
Мечтаю вырваться из клетки Бытия,
Из буйнокрасочной расцветки Бытия
В благоуханный мир иной, где можно счистить
С души позор и срам, как метки Бытия.
О тайнах Бытия, что стали ясны мне,
Тайком пишу в тетрадь: болтать опасно мне.
Во всей вселенной нет такого человека,
Кто понял бы меня... Вот что ужасно мне.
Про Зло с Добром ни с кем нельзя мне говорить,
Хотел бы, но совсем нельзя мне говорить,
И маленький намек нельзя себе позволить!..
Хранитель тайны – нем. Нельзя мне говорить.
Нет, солнце глиною замазывать не стану,
О тайнах времени рассказывать не стану.
Из моря мудрости жемчужину мою
Не только что сверлить, показывать не стану.
Неужто б я возвел хулу на Божество!
Здесь не было сердец вернее моего.
Но если даже я дошел до богохульства –
Нет мусульманина! Нигде! Ни одного!
Живым и мертвецам, всем досаждаешь Ты.
Не мирозданье – хлам нагромождаешь Ты.
Порочен я, Твой раб, так принуждаешь – Ты.
На людях нет вины! Грех порождает – Ты!
Покинуты Тобой – рыдаем? Нет и нет!
В отчаянье живем, страдаем? Нет и нет!
Хоть мы от нищеты порой в тоску впадаем,
Но по Тебе тоски не знаем: нет и нет.
Когда проник бы я к Скрижали мировой
И стер бы прежний текст и начертал бы свой,
Освободив сей мир от скорби вековой...
Вознесся б до небес счастливою главой!
Обязанность небес – жестокая страда:
Чуть роза расцветет, растопчут без следа...
Когда бы тучей прах вбирался, как вода,
Кровавые б дожди лились до Дня Суда.
«Какое золото вокруг швыряла я,
Какую радостью вас одарила я!..

Теперь я ухожу, – пожаловалась роза. –
Был полон кошелек, все растеряла я».
Рок, обожающий преступный произвол,
Ты храм насилия и глупости возвел.
Лжеца – одаришь ты, а мудреца ударишь...
Ты выжил из ума? Иль от роду осел?
Испей вина! В земле заснешь навечно ты
Без милой, без врага, без друга, без четы.
Загадку не постичь, хотя слова просты:
«Вторично не цветут увядшие цветы».
Когда пришла пора печали превозмочь,
Пылай, мятежный дух, трудись, гони их прочь:
В день первый, во второй, и в третий, и в четвертый,
И в пятый, и в шестой, в субботу, – день и ночь!
Вино у гурии певучей если есть,
Ручей под ивою плакучей если есть,
Неужто это все про ад тебе напомнит,
Коль даже дивный рай – не лучше (если есть!).
Дни, как любых бродяг, подбором облагай:
На ложе радости пред кубком возлегай.
Хулой, как и хвалой, пресытился Всевышний,
Желанное – своим без спроса полагай.
«Гуляка! – звонкий зов я слышу по утрам. –
Оставь безумный мир! Беги в питейный храм!
Скорей, пока вино доступно в полной мере,
Пока не налили по полной мере нам!»
Саки! Ведро вина багряного неси:
Похмельем болен я, вот хмелем и спаси.
Я – павшая бутылка, кровь вылилась из сердца...
Тут мешкать можно ли, у совести спроси!
Зачем я пью вино? Шататься под луной?
Прохожего пугать бравадой хмельной?...
Я из бесчувствия вытягиваю душу,
Затем и пью всегда, причины нет иной.
С подругой на лугу вино из кубка пью,
А рай обещанный, желаешь, отдаю.
Вы все на «ад» и «рай» так дешево купились!
Кто в ад заглядывал? Кто побывал в раю?
Пусть гурию опять я завтра обниму!
И чашу пусть опять я завтра подниму!
«Ах, подари, Господь, раскаянье ему!»
Да не подарит Он. Да я и не приму.
Угомонись и брось весельчаков корить,
Подножки ставить им и пакости творить.
Однажды ты поймешь, как мало жить осталось,
Тогда разучишься мгновеньями сорить.
Как жалко мне вельмож! Награда несть числа,
Но нет и радости в плену алчбы и зла.
Однако честный муж, от жадности свободный,
Для них не человек. Вот странные дела!
С тоской никто из нас не дружен. Хорошо.
И пусть ни крошки нет на ужин – хорошо.
С незримой кухни тайн мы получаем пищу,
И чужакам наш хлеб – не нужен. Хорошо!
С души страдания снимают пелену:
Дождинка жемчугом становится в плену.
Стал неимушим ты? Так голова целее.
Испил ты кубок свой?... Я вновь тебе плесну.
Прожить за шестьдесят себе как цель не ставь,
Ни в грош хулу ханжей и пустомель не ставь.
Пока что из тебя кувшин не изваяли –
Кувшина в сторону, пока в нем хмель, не ставь.
В кабак собрались те, кого терзает жизнь,
Кого палит огнем и истязает жизнь...
И кубок возле губ замрет под звуки песни:
«Печали уплывут... как ускользает жизнь».
Постой! Пустой игрой страстей тебя манят.
И меч уже сверкнул, а ты, беспечный, рад!..
Не лепечи хвалу, халву судьбы вкушая:
Густой, как патока, в нее подмешан яд.
Уж как воззрился ты, глазастый!.. Но, заметь,

Без сердца ничего не сможешь разглядеть.
Из кубка винного спеши хлебнуть сегодня:
До послезавтра, что ль, намерен так сидеть?
Где та прелестница – где лал твой бадахшанский?
Где прежний мир в душе и новый хмель рейханский?
Мой друг, не пировать грешно, а горевать! –
Слегка ослышался законник мусульманский.
Омоемся вином: воды достать нельзя.
Дурному имени отмытым стать нельзя...
Давайте ж пировать! Халаты чести нашей
Поизодрались так, что залатать нельзя.
В мечеть мне путь закрыт, на церковь я плюю –
Бог знает что Творец пустил на плоть мою.
Как девка гнусен я, как иноземец пью...
Нет веры, нет судьбы, местечка нет в раю.
Кутила в кабаке всегда царит пускай!
Ханжа разгневанный в огне горит пускай!
То рванью дервишской, то синею сутаной,
Чтоб ноги вытирать, порог покрыт пускай.
Вон розовый бутон, он как бутыль навис;
Став кубком, ждет вина раскрывшийся нарцисс.
Блаженство в день такой кувшином опустевшим
У входа в майхану пасть головою вниз!
Усами все полы подмел я в майхане.
Возня добра и зла давно постыла мне.
И если, все круша, столкнутся бездна с небом, –
«Ха, где-то звякнул грош!..» – пробормочу во сне.
Найду кирпич, и тот в кабак немедля сдам
Хоть за глоток вина. И пусть пеняют нам:
«Ах, расточители! А деньги где на завтра?» –
Продам халат, чалму. Ткала их не Марьям!
Уж так меня честят распутником всегда...
Но я почти святой! Нет у людей стыда!
Я строже их блюду запреты шариата!
Что? Мужеложство, блуд и пьянство?... Ерунда!
Вернитесь! Все, кто здесь непраздно жил, вернитесь,
Кто пьянством и хулой ханжей страшил, вернитесь,
К порогу нашему, в компанию друзей –
Любой, кто брал зарок и вновь грешил, – вернитесь!
От Божьих-де щедрот распутным проку нет,
И без зарокров-де преград пороку нет.
Но сладкоустых тут, но среброгрудых сколько!..
По-мусульмански ли склонять к зароку? Нет!
Господь! Саму любовь Ты сотворил, гляди,
Душистый плен кудрей!.. Но как же, посуди,
Ты запрещаешь мне красною любоваться?
Запрет совсем как тот: «Склонись! Не упади!»
Пусть адрес мой – «кабак», пусть «Винный Омут» – я,
Пусть «Виноверец» я, по мненью дурачья,
Но я – вселенский дух в зороастрийском храме,
Грешит по кабакам одна лишь плоть моя.
Секрет от подлецов приходится скрывать,
От болтунов-глупцов приходится скрывать.
Смотри, для всех людей ты что-то делать начал?
От всех людей лицо приходится скрывать.
Задумай людям зло, и будешь сам не рад,
Другим напортишь раз, зато себе стократ.
Когда к добру ты слеп, – в меня ли злобой целишь?
Ты ранишь сам себя, стреляя невпопад.
Людей не трогаю, когда хмельное пью,
И знает лишь фиал назойливость мою.
Куда мне до тебя! Перед вином склоняюсь,
Но самому себе поклонов я не бью.
Про гордость в нищете, достоинство и честь –
И про бездушие, заносчивость и спесь:
Меня в огонь сажай, скажу спасибо, сяду;
Тебя к столу зови, побрезгуешь присесть.
Над улочкой лачуг возвысилась луна,
Шатер на небесах раскинула она.
И вдруг ослиный рев из стойла: «Ночь черна,
И жить не стоило, коль миру грош цена!»

Коль ты не пьешь вина, так нас позорить рад,
Излить поток хулы готов на всех подряд.
Нашел гордиться чем: пускай вина не пьешь ты,
Десятки дел твоих презреннее стократ!
Ушедший, хоть один, вернулся бы хоть раз,
Из-за покрова тайн принес тебе отказ:
«Коль в чем нужда у вас, так нужен не намаз...
И что был за намаз? Так, для отвода глаз».
Мрачна в тебе душа. Гашишем допьяна
Возьми и накурись, не то – испей вина.
Не хочешь этого, того не хочешь, суфий?...
И впрямь ты каменный. Грызи же камни, на!
Лозы-невесты честь, безумец, пожалей!
Смывай с себя грехи, но кровью-то – своей.
Всю землю искровавь, тысячекратно каясь,
Но ни глотка вина на землю не пролей!
Вина хлебнув, гора – и та сплясать не прочь.
Порочный выродок, вино-то не порочь!
Да в чем мне каяться, когда вино – наставник,
Так помогающий пороки превозмочь!
Во мне противник мой все время видит зло.
О Боже, до чего ему не повезло!
В меня ли он глядит? Он в зеркало глядится
И видит там весьма отвратное чело.
От ненависти все, что ты мне говоришь:
Безбожник-де, попрал святыни, говоришь.
Ты верно говоришь, но сам, сказать по чести,
Куда как мерзостней, а ты не говоришь.
Как богословские ты вызубрил вершки!
Вот и запутался, где Бог, а где божки.
Начнешь молиться, лбом покрепче оземь трахни,
Чтоб наземь вытряхнуть мякину из башки.
Пленившись блеском чаш, рука моя права,
Уж ей ли книжные вычерчивать слова!..
Ты – высохший аскет, а я – не просыхаю.
Смешно пугать огнем размокшие дрова!
Эй, ты! Кляня пьянчуг, хватил ты через край,
Здесь люди добрые, слова-то выбирай.
Ишь, важность: пьют, не пьют... Испей вина, опомнись:
Пока творишь ты ад, тебя не пустят в рай.
Того, что радости хранителем зовут,
Сердец разрушенных целителем зовут,
Мне кубок, два, и три, полней, да поскорее!
Спаситель!.. А его губителем зовут.
Дороже сласть вина, чем власть царя Кавуса,
Кубада грозный трон, наместничество Туса.
И на рассвете стон влюбленного – святей
Молитв отшельников, сбежавших от искуса.
Мечтаю, лицемер, чтоб ты оставил вдруг,
Не портил нам нытьем хмельной разгульный круг.
Ты вздохи предпочел и четками оплелся,
Остались нам – вино и юный смех подруг.
Молельный коврик чтить пристало лишь ослам:
Ханжи и плуты в рай ползут по тем коврам.
Святыми – чудеса! – становятся святоши,
Что сделали себе подстилку ислам.
«Полно у казия и муфтия бумаг,
Весь Божий путь по ним обскажут, что и как», –
Так прежде я считал, в конце пути лишь понял:
Невежды, как и я. За кем я шел, простак!..
Вчера, безмерно пьян, иду в кабак ночной,
Навстречу мне кувшин несет старик хмельной.
«О, старец! Почему ты не стыдишься Бога?» –
«Господь всемилостив. Испей вина со мной».
Блудницу шейх корил: «Ты любишь пить и петь,
Тебя любой ловец заманивает в сеть!» –
«Ты прав. Я такова, какой меня ты видишь.
А то, что вижу я, – таков ли ты, ответь!»
И стыд: венцом заслуг хвалу толпы считать, –
И срам: на небеса кивая, причитать.
Душистым торговать вином предпочитаю,

Чтоб тяжкий дух ханжей поменьше замечать.
Тот не мужчина, в ком настолько нрав дурной,
Что не польсти ему, избрызжется слюной.
Вон тот наглец – «Ладонь, Дарующая Благо»?
Хитрец! И впрямь ладонь... но тыльной стороной.
Сторожевого пса в тебя вселился дух:
Где речи бы звучать, одно рычанье вслух,
Обличием – лиса, опасливостью – заяц,
Броском коварным – барс, к мольбам по-волчьи глух.
«Путем Аллаха» слыл ходжа – «Рохалло Ку»,
Ох и потешил спесь он на своем веку!
А нынче на его дворце сидит кукушка
И вспомнить прозвище не может: «Ку... Ку-ку...»
Вот и вернулся ты! Но – с согнутым хребтом;
Забыт по имени, ты вьючным стал скотом.
Холеных пять ногтей срослись в одно копыто,
Сместилась борода и сделалась хвостом.
Вокруг – толпа ослов. У каждого, увы,
Бездумный барабан на месте головы.
Ты хочешь, чтоб они тебе лизали пятки?
Прославься чем-нибудь. Они – рабы молвы.
Достоин славы тот, кто впрямь не пустослов,
Кто стать как кипарис, как лилия готов:
Он – сотней рук своих – и не взмахнет ни разу.
Она всегда молчит – десятком языков.
«Что значит „путь кутил“, что значит „зелье пить“?»
Спросил ты: как узор земли и звезд рожден?
Мир древен. Многолик. Как море, протяжен...
Такой узор порой покажется из моря,
А вскоре в глубину опять уходит он.
Стихии сочетав, Хозяин сплел узор.
За что же выбросил его в ненужный сор?
Коль вышло хорошо, уничтожать – зачем же?
Коль вышло кое-как, тогда – кому укор?
Довольно плакаться! Подумаешь, беда,
Что так стремительно проносятся года.
Подумай, кто-нибудь остановил бы Время –
Пришел бы твой черед родиться? Никогда!
На роскошь Бытия не зарься, ни к чему,
Добро и зло судьбы равно влекут во тьму.
Ты жив, и хорошо... Круженью неба тоже
Прерваться точно так, как веку твоему.
Где скверное вино, пируют без помех;
Где церемоний нет, царит веселый смех.
Кончай завидовать завидной чьей-то доле,
Возрадуйся, что ты живешь не хуже всех.
Подай вина! От мук один бальзам – оно.
Надежду на любовь дает сердцам оно.
Милей, чем небосвод – кошмарный череп мира, –
Единственным глотком дороже нам – оно!
Как миской нас накрыв, небесный кров лежит.
Под ним, растерянный, его улов дрожит.
У неба к нам любовь, как у кувшина к чаше:
Склоняется он к ней, меж ними кровь бежит.
Пьянчуги! Суть миров в вине воплощена.
Вон – солнце: пиала небесного вина.
Хоть цель творения от всех утаена,
В брожении хмельном отыщется она.
Винопоклонникам известен мир иной.
Мы будем за вино платить любой ценой.
Я во хмельном пылу непостижим? Не диво.
Хмельной понятен тем, кто знает пыл хмельной.
Вести себя умно – с какой же стати нам?
Ни в чем и никогда нет благодати нам.
Так наливай вина, покуда не случилось
В гончарной мастерской кувшином стать и нам.
В какой-то день вино закончится, тогда я
Отвергну и бальзам, в нем яд подозревая.
Мой отравитель – мир, вино – целитель мой:
Хлебну, и не страшна отрава мировая.
Давайте же, друзья, беспутство освятим:

Не Богу пять молитв, а дружбе посвятим.
Где пиала – мы там; несут кувшин – смотри-ка,
Как шеи все длинней, как тянутся за ним!
Скажи певцу, пусть он свистит, а не поет.
Что странного? Взгляни на трезвый этот сброд.
Возьми такую же безмозглую скотину:
Насвистываешь ей, тогда скотина пьет.
Зароки прочь, когда дарю тебе вино я,
Не то стократно измучишься виною.
И роз любовный зов, и грезы соловьев...
Ну кто же на себя зарок берет весною?
Ах, насладись вином! Пускай спасет тебя
От скорби двух миров, от всех забот тебя
Глоток живой воды, струящееся пламя!..
Вот ветер вздует прах – и унесет тебя.
Хлебни! – и жалких благ, лишений – больше нет.
Семидесяти двух учений – больше нет.
Не презирай хмельной алхимии: единый
Глоток, и тысячи мучений – больше нет!
Рассудок выпряги, а кубок – запрягай!
Кавсаром, как ремнем, свяжи и ад и рай.
И шелкними с чалмы, пропей. А что такого?
Без шелка голову подкладкой обмотай.
Сегодня пятница. Сегодня день святой.
Вино из чаши прочь! Где емкий кубок твой?
Ты каждый будний день по чаше принимаешь,
Коль праздник отмечать, то мерю двойной.
Где музыка – воспеть рассветное питье?
Восторгом, сердце, встретить рассветное питье.
Три счастья на земле: любовь, нетрезвый разум,
Но главное, заметь, рассветное питье.
Невинный чистый дух спустился в грязь и прах,
Покинув горний мир, он у тебя в гостях.
Все утро подноси вино, за кубком кубок,
И скажет он: «Весь день – храни тебя Аллах!»
Пусть нищ я, нечестив, пусть я в грехах тону,
Отчаянье нельзя поставить мне в вину.
С похмелья чуть живой, не прочь из ада рвусь я,
Не в рай хочу – да нет, к любовнице, к вину!
Дороже сотен душ – вина один глоток,
Короны мировой – кувшинный черепок.
О, Боже! Как чисты лохмотья в пятнах винных!
За сотни платьев их не отдал бы знаток.
Со всех сторон кричат, когда я пью вино:
«Остановись, не пей, исламу враг оно!»
Вино – исламу враг, и это мне известно;
Ей-богу, вражью кровь пить не запрещено.
Вино дурную спесь сбивает в пять минут;
Хлебнешь вина еще – избавишься от пут.
Испей же, Сатана! Не будешь сердцем лют,
Поклонов тысячи ты нам отвесишь тут.
Что значит «путь кутил», что значит «зелье пить»?
Наперекор судьбе всегда веселым быть:
Не веселить народ, когда и так веселье,
А в невеселый день веселье всем добыть.
Рассветный ветерок погладил луг рукой.
Заметил кипарис: «Ишь, немощный какой!
Меня-то он качнуть не смог бы». Я ответил:
«Да, ты весьма большой... чурбан, мой дорогой».
Запойный соловей в мой сад весну вернул,
Багрянец ликам роз и блеск вину вернул,
И снова тишину тревожит чудной песней:
«Как жизни коротки! Кто хоть одну вернул?»
«Не я ль – сама краса? За что ж меня – под гнет,
Где кровь мою палач выдавливать начнет?»
И соловей стонал над розой обреченной:
«Кто, день повеселясь, потом не плакал год?»
Прохладный ветерок – гонец весны сегодня:
Свершают тяжкий грех, кто не пьяны сегодня.
Так пей вино! Сюда собрались мудрецы,
Кровь лоз, богатства роз разрешены сегодня.

Потом мы в этот мир не попадем, боюсь,
А там – друг друга вновь мы не найдем, боюсь.
Наш миг не плох, клянусь, я им сполна упьюсь,
Не то последний вздох – и мы уйдем, боюсь.
Доколе жалобы, что участь нелегка,
Да слезы на глазах, да на сердце тоска?
Пьяни себя вином, усердствуй в наслажденьях,
Из круга этого не выгнали пока.
Ты алый, как тюльпан, весенний кубок взял;
Как этот же тюльпан, румянец милой ал.
Пей, радуйся, пока скрипучий обод неба
Тебя, как глину, вдруг с презреньем не подмял.
Лепешка хлебная, вина кувшин-другой,
Бараний окорок, развалины, покой...
Как дивно просидеть с любимой день-деньской!
Не смог бы и султан устроить пир такой.
Ну как же хорошо, когда прохладно днем,
И на лугу цветы, омытые дождем,
И роза желтая с веселым соловьем,
И кличет он: «Лечись рубиновым вином!»
Мудрец на берегу остался: он извлек
Из бедствий прадедов спасительный урок.
Смакует он вино, красавиц он ласкает...
В безумном мире он спокойствие сберег.
Гулять пошел вчера, спустился на лужок
И вижу: лепестки рассыпаны у ног.
«Кто подвенечные сорвал наряды, роза?» –
«Увы! К невинности подкрался ветерок...»
Тюльпан приотгибал багровый лепесток –
Жасмину открывал сердечный свой ожог:
«Не мне снимать чадру с лица прекрасной розы.
Увы! К невинности подкрался ветерок...»
Там роза, вижу я, поникла на лужок;
Поодаль – вырванный помятый лепесток.
«Кого теперь винить? Чадру с меня сорвали...
Увы! К невинности подкрался ветерок...»
Гуляя по лугам, заметил я у ног
Алеющий в траве печальный лепесток.
«Я разве не тебя вложил в письмо к любимой?» –
«Увы! В твое письмо прокрался ветерок...»
Вот мы, вино, певец и этот ветхий дом.
И сердце и душа наполнены вином,
Свободны от надежд, от страха пред Судом,
От праха с воздухом и от воды с огнем!
Прозрачной радостью дарящее вино
В руках моих уют нашло себе давно.
Не всматривайся, что держу в руке всегда я,
Вгляделся б, держит как меня в руках оно!
За кубок хмеля я сто вер отдал бы, право,
И за глоток вина – китайскую державу.
А кроме хмеля, что мы видим на земле?
Для тысяч милых душ горчайшую отраву.
Печали мира – яд, вино – целитель твой.
Испей и не страшись отравы мировой.
С зеленым юношей пей на лугу зеленом,
Пока твой прах не стал зеленою травой.
Не медли, ибо долг не выплатишь потом:
Не прячь свои куски от нищих пред столом.
Коль в этом мире ты приветишь их вином,
Я выступлю твоим заступником – в ином!
Не думай про мечеть, намазы и посты.
Кабакский пьяница и жертва нищеты,
Испей вина, хайям! Что будет с этой плотью?...
Горшком... а повезет – кувшином станешь ты.
Сказал я Сердцу: «Рай на всех устах подряд...» –
«На всех ли? Мудрецы о нем не говорят». –
«Но он, наверно, есть, коль все туда стремятся?» –
«Потешиться мечтой любой на свете рад».
А где-то не под гнет покойников кладут,
Так те не ждут Суда, они назад бегут.
И ты все говоришь, известий нет оттуда?

Но мы о тамошнем – откуда знаем тут?
В мечеть мы для себя добра искать пришли,
Но, Боже, не намаз мы совершать пришли.
Здесь как-то повезло украсть молельный коврик –
Он обветшал уже, так мы опять пришли.
Повсюду говорят, что близок пост опять
И к чаше будет вновь запретно подступать.
Закончу я Шабан блистательной попойкой,
Чтоб спьяну Рамазан до праздников проспять!
Пришел великий пост, и стал трезвее люд,
Нигде кабатчики вина не подают,
Запасы прежние недопиты остались,
Шалуны милые нетронуты уйдут.
Мерило дней моих, вино, твоя струя
Журчала мне про суть земного бытия.
Но месяц Рамазан силком нас разлучает,
Среди священных книг обязан сохнуть я.
Не пей вина в шабан! – гласит святой закон.
Раджаб – избраннику Аллаха посвящен...
Пропустим месяцы Аллаха и пророка,
Напьемся в Рамазан: святой наш месяц – он.
Благочестивые зарок не для тех,
Кому вино милей дозволенных утех.
Да, в месяц Рамазан, бывает, заречешься...
Но сделаешь намаз – и смоешь этот грех.
Ни мига трезвого! Пока живу, я пьян.
И в эту ночь, когда ниспослан был Коран, –
Уста – к устам пиал, грудь на груди кувшина,
Бутыль-наложницу ласкаю, как султан.
Нарушил Рамазан и днем я вдруг поел!
Но ведь не сдуру я, мой милый друг, поел:
Я света белого от мук поста не взвидел,
Подумал, это ночь, темно вокруг, – поел...
Смиренно, от души я в пост поклоны бил –
К спасенью своему полз из последних сил...
Молитву как-то раз я ветром опоганил,
Теперь глотком вина весь долгий пост сгубил.
Ликуйте! День-другой, и месяц настает,
Когда попразднует постящийся народ.
Вон – месяц: отоцал, согнулся, еле виден,
Измученный постом, скончается вот-вот!
Наш праздник подошел и воссиять готов.
У виночерпия кувшин опять готов.
Узду намаза и намордник воздержанья
С ослиных этих морд наш праздник снять готов.
Измученным, вино вновь крылья нам дарит,
На лике Мудрости вновь родинкой горит.
Прочь, трезвый Рамазан! Уж серп новорожденный
Шаввала над столом пирующих царит.
Шаввала дождалась! Ликует праздный люд;
Сказители, певцы, плясуньи там и тут;
И бурдюки кричат, на плечи взгромоздившись:
«Спина, посторонись! Носильщики идут!»
О, нежная, станцуй, взяв чашу для вина,
Пусть у ручья с тобой покружится она.
Была она, как ты, прекрасна и стройна –
Вращением небес во что превращена!
Бухарским богачом был этот прах когда-то,
Бразды могущества держал в руках когда-то.
Еще шагни... Теперь – истлевшая ладонь:
Был славен Шахсавар – в былых веках, когда-то.
И жемчуг алым стал: мерещится вино.
Ах, кубок тяжек мне, расплещется вино...
Уж так мы жадно пьем! Вино повсюду хлещет,
Мы плещемся в вине, в нас плещется вино!
Ну, вот и праздники. Какое чудо: пьем!
Под стоны чанга мы, под звоны уда – пьем!
Сейчас как усидим с подругою вдвоем
Кувшин-другой вина!.. Совсем не худо пьем!
Зачем мы свой позор из их посуды пьем,
Постыдное нытье судьбы-паскуды пьем?

Сейчас как усидим с подругою вдвоем
Кувшин-другой вина!.. Совсем не худо пьем!
Зачем мы свой позор из их посуды пьем,
Кривляния и ложь судьбы-паскуды пьем?
Ликуй: закончен пост и всенощные бденья.
Спеши на пир, сюда: такое чудо пьем!
А ну, вставай! Сюда! Какое чудо пьем!
Под стоны чанга мы, под звоны уда – пьем!
Смотри: закончен пост и всенощные бденья.
Скорей давай сюда: такое чудо пьем!
На праздник! В толчею веселья и затей!
В азарте игроки, в восторге ротозей...
Тебе заранее Предвечный Суд пометил
Печатью Вечности страницы праздных дней.
Нас на развалинах сыскали в этот раз,
Перенесли в кабаки и напоили нас.
Освоясь, говорим: «К вину жаркое б надо!»
И... вынули сердца – и жарят их сейчас!
В наш мир забредший дух, о, как тебя спасти
От буйства Четырех, Семи, Пяти, Шести?
Испей вина! Забыл, откуда ты явился?...
У нас пируй! Забыл, куда теперь идти?...
Смотри же! В суть входить ты не устал пока,
Среди добра и зла ты не застрял пока,
Ты – путник, ты – и путь, ты – и привал; иди же,
Путь от себя к себе не потерял пока.
О чем кричит петух, как только звезды прочь,
О чем он плачет так, что слушать нам невмочь?
Он видит в зеркале светящего неба:
Из книги Бытия вычеркивают ночь.
Светило в сеть огня поймало каждый кров,
И в чаше бусинкой отметил день Хосров.
Пора открыть вино. «Вставай! Упейся утром!» –
Со светлой башни к нам летит рассветный зов.
О юноша, вставай! Для встречи с новым днем
Хрусталь наполни вновь рубиновым огнем.
Какой блаженный миг нам дали на мгновенье!
Такого же, хоть плачь, не выпросишь потом.
Все радостней рассвет, вино все розовей!..
Бутыль молвы о нас – на свалку и разбей.
Из паутины грез выпутываем руки,
Нам пути локонов и музыка – милей.
О милый юноша, напомнил нам рассвет:
Недопит кубок наш, напев наш недопет.
Царей минувших лет – Джамшидов! – сотни тысяч
Небрежно смыло прочь течение зим и лет.
Сердца счастливые нельзя тоской губить,
Минуты радости камнями тягот бить.
Не ведает никто, чему в грядущем быть,
И надо – пировать, блаженствовать, любить.
Опасно стать рабом высокоумных дум,
«Прозреньями» терзать неискушенный ум.
Лишь в вызревшем винограде мы сами созреваем.
Незрелый виноград – какой из вас изюм?
Рубином звать вино, так флягу – рудником.
Вино – душа, кувшин – ее телесный дом.
Хрустальный кубок мой, играющий вином,
Так на слезу похож!.. И – капля крови в нем.
Там туча омыться тюльпаны принялась,
Тут чаша (наливай!) хмельного заждалась.
Весеннюю траву беспечно мни сейчас,
Пока из нас с тобой она не поднялась.
На улочке богинь как мы хмельны сегодня,
Поклонники вина, как влюблены сегодня!
Избавясь от оков земного бытия,
В божественный чертог вознесены сегодня!
Подругу обними уверенной рукой.
Презрев добро и зло, создай себе покой.
Оглох от страсти ты, с трудом доходит мудрость?
Так в ухо мой совет вколи себе серьгой.
Дороже старое вино, чем новый трон,

Оно желаннее, чем дань со всех сторон,
И этот глиняный венец – обломок хума –
Стократ прекраснее властительных корон.
Короне-черепку завидовал бы джам!
Глоток вина вкусней, чем яства Мариам!
С похмелья смутный вздох прекрасней ваших гимнов,
Святой Абу-Саид и праведный Адхам!
Живи с улыбкою, о горестях забудь
И с доброю душой пройди недобрый путь.
Вселенная всему небытие готовит...
Не жди небытия, до жизни жадным будь.
Встречаемся с весной, прощаемся с зимой...
Год выпал, будто лист из книги мировой.
Пей хмель, а не печаль, мудрец недаром молвил:
«Мой отравитель – мир, вино – целитель мой».
Будь рад, что не спешит стрелу нацелить Рок,
И даже шестьдесят – почти возможный срок,
И что добро и зло тебе, как прежде, странны,
И замыслы Судьбы все так же невдомек.
Судьба еще беды заставит нас хлебнуть...
Не лучше ли, мой друг, вина сейчас хлебнуть?
Не жди, что небосвод вращенье остановит,
Чтоб ты успел воды в последний час хлебнуть.
О роза! Ты лицу прелестному сродни.
О хмель! Ты яхонту чудесному сродни.
А ты, Судьба, со мной воюющая вечно,
Ты просто чужаку бесчестному сродни.
Благоуханных роз настала вновь пора.
Теперь и нам с тобой достать вино пора.
Чертоги, и чертей, и гурий, и геенну,
И болтовню про них забыть давно пора.
И вновь пыланье роз, ручей и поля край...
С одной-двумя-тремя игривыми играй!
Кто пьет вино с утра – потерян для мечети,
Зато не забредет в кумирню невзначай.
Приснился мне мудрец и так сказал: «Ты что ж,
Каких-то радостей от сновидений ждешь?
Считай, что ночь не сну, а смерти отдаешь.
Успей вина испить! Успеется, заснешь».
Святой одеждой мы кувшин вина прикрыли;
Для омовенья нам – щепоть трущобной пыли.
Ах, если б в кабаках мы заново нашли
Года, что в медресе когда-то распылили!
Пока со мной ручьи и розы заодно,
Мне с дивноликою блаженство суждено.
И сколько жил, живу и сколько проживу я,
Всегда я пил, и пью, и буду пить вино.
Над кубком радости блистанье глаз прекрасно.
Стенанье томных флейт в рассветный час – прекрасно.
Аскет, не смыслящий, что значит в кубке хмель,
За тысячу холмов сбежал от нас. Прекрасно!
Вот несколько корон. Им грош цена, продам!
Вот шелковый тюрбан. За песню – на, продам!
Оружие лжецов – смотри, какие четки! –
Всего-то за один глоток вина продам!
Как много выпало тебе сегодня счастья!
Так что ж на кубок свой смотришь без участия?
Судьба промешкала обрушиться с напастью,
Так пей, так пользуйся промашкой самовластья!
Всегда я радостью и хмелем окружен.
Мне ни безбожие, ни вера не закон.
Скажи, невеста Жизнь, какой ты хочешь выкуп? –
«Будь так же сердцем юн и вечно в жизнь влюблен».
Эмиром обряжал меня, бывало, Рок
И тут же обдирал, как будто я – чеснок.
Но больше не хочу вникать в капризы неба,
И без ненужных дум состарюсь, дайте срок.
Как мяч катящийся, миры в глазах кружат.
Вселенной грош цена!.. Блуждает пьяный взгляд.
Ах да!.. Вчерашний день я пропил этой ночью.
Кабатчик ликовавал: «Ого, какой заклад!»

На пиршестве ума сверкнула мысль одна,
Сегодня на земле на всех устах она:
«Когда заявят, мол, вина лежит на пьющем,
Не слушайте! Творец, и Тот сказал: „Вина!“»
Довольно суеты! Ведь я иное чту:
Из рук прелестницы в шатре хмельное чту,
Блаженство нищеты в гульбе, в запое чту,
Меж Рыбой и Луной – вино земное чту!
Над глиною гончар опять занес кулак...
Глазами видит он, а разумом – никак:
Не зная удержу, он топчет и колотит
Несчастный прах отцов. Ну разве можно так?!
Все тысячи веков до нас тут ели-пили
То нищий, то богач, валились спать средь пыли.
Сушило солнце прах, дожди его мочили...
Куда ни наступи, все это люди были.
Зачат я и вспоен водой Небытия.
Огнем страдания горит душа моя.
Как ветер, я теперь по всей земле скитаюсь,
Ищу: где взяли прах, чтоб вылепить меня?
Возможно, Ты к земле вернешься, Небожитель;
Проникнет стон людской в небесную обитель;
Тогда, будь милостив, не признавайся нам,
Что ничего не знал, что ничего не видел!
Сравнить Тебя и нас – послужат образцом
Две стрелки циркуля на центре на одном.
Движенье времени разносит нас по кругу;
И все жмы встретимся с тобой, к лицу лицом.
Качнутся небеса и рухнут в никуда;
Вдогонку пролетит отставшая звезда;
Тебя я в этот миг на площади Суда
Поймаю за полу: «Так Ты убийца! Да?!»
«В шкатулку с лалами подсыплю изумруда...»
Вселенная сулит не вечность нам, а крах.
Грех упустить любовь и чашу на пирах!
Меня – поглотит прах? Тебя – возьмет Аллах?...
Мы попросту уйдем. При чем здесь Бог и прах!
Взгляни-ка на траву что над рекой растет:
Из ангельских ланит она такой растет.
Над головой травы зачем заносишь ногу?!
Тюльпаноликая – былинкой той растет!
Под колесо небес попал – в который раз! –
Еще один Махмуд, еще один Айаз.
Не долго ждать и нам. Коль пировать – сейчас:
Изгнав из Бытия, назад не пустят нас.
Однажды души вдруг оставят нас с тобой,
Лежать на кирпичах оставят нас с тобой.
А там когда-нибудь помрут потомки наши,
И кирпичами стать заставят нас с тобой.
Земля в конце времен рассыпаться должна.
Гляжу в грядущее и вижу, что она,
Недолговечная, не даст плодов нам... Кроме
Прекрасных юных лиц и алого вина.
Кому бродяг-планет волшба не по нутру,
Кому распутница Судьба не по нутру,
Едва ль упустит он увидеть поутру,
Как роза надорвет жемчужную чадру.
О кравчий! Тем вином, что сердцу стало верой,
Как чашу, душу мне наполни щедрой мерой.
Иной глупец и губ не смеет омочить,
А надо – кубком пить! Так вот ему пример мой!
Коль вечером вина хорошего приму,
Дневное пьянство мне уж как-то ни к чему.
Ты говоришь: «А вдруг дневное пьянство слаще?»
Коль есть надежный друг, что ж изменять ему!
Встань! Руки отряхни от суетных затей:
Пропить былую честь – заведомо честней.
За пиалу вина продай молельный коврик,
Бутыль молвы о нас – на свалку, и разбей!
Пока пленяет уст вишневый самоцвет,
Пока на зов зурны душа звенит в ответ,

Лишь этим и живи, и хватит пустословья!
Пока смертельно пьян, живому смерти нет.
Вновь туча на луга слезами пролилась...
Чтоб так же не рыдать, свой век вином укрась.
Весеннюю траву беспечно мни сейчас,
Пока не мнут траву, взошедшую из нас.
Оставь тревоги, друг, и безмятежно пей.
В честь каждой женщины, красивой, нежной, пей.
Хмельное – кровь лозы. Спроси, лоза ответит:
«Коль я согласие дала, конечно пей!»
Кувшин с холодной водой для батрака –
Из сердца ханского и шахского зрачка.
Зато фиал, вином согретый старика, –
Из уст прелестницы и щек весельчака.
Вчера я ночью был в гончарной слободе.
Две тысячи горшков шептались в темноте.
Вдруг загудел кувшин, висевший на шесте:
«Кувшин лепивший – где? Кувшин купивший – где?»
Под мартовским дождем торжественно расцвел,
Неузнаваем стал вчерашний суходол.
С зеленым юношей пей на лугу зеленом
И друга поминай, что зеленью взошел.
Пора! – и влагою луга обновлены,
Сияньем рук Мусы сады озарены,
Дыханием Исы поля увлажнены,
Ключами облаков ключи отворены.
Пришла весна. Про все забыть скорей хочу,
От мудрой болтовни сбежать я к ней хочу.
О хмель, заступник мой, к тебе хочу прибегнуть.
О ива, под шатер твоих ветвей хочу.
Сказала роза: «Я свободы заждаюсь,
Чуть не сошла с ума, и вот мечта сбылась.
Неудивительно, что в кровь ободралась:
Был тесен мой бутон, наружу я рвалась».
Сегодня наша степь, как райская страна.
С друзьями и вином гуляем допоздна!
Назавтра свой ковер опять свернет весна,
Упущенного дня нам не вернет она.
Травой нетронутой наш луг порос, саки,
Зарозовели вновь бутоны роз, саки,
И – воля сломлена, как веточка жасмина.
Как соблюсти зарок? Вот ведь вопрос, саки!
Мечты у пьяницы – о розовом вине.
Налей и рядом сядь, приятно будет мне.
Принес мне ветер пыль от твоего порога,
Навел меня на след, и вот я в майхане!
Ну, а теперь вина «Иная Жизнь» налей!..
Что, много беготни из-за моих затей?
Таков ученый люд. Спешим, не спим ночей.
А ты как при смерти. Живей, сынок, живей!
Когда все признаки возьмет в расчет саки
И мой отряд, мой род, мой вид сочтет саки, –
Из категории измученных угрюмцев
Меня, подав вина, пусть извлечет саки.
Я чаша, падкая до сладкого вина,
Я жажду исчерпать все радости до дна.
Сойдутся ли опять вино, друзья и розы?
В такой прекрасный день зарокам грош цена.
Что делает весна с садами, о саки!
Зарок наш побежден цветами, о саки.
Пока в засаде Смерть, присядь-ка лучше с нами,
Попьем, поговорим с друзьями, о саки.
Вновь про мечетей свет и про молелен чад,
Вновь как пирует рай и как похмелен ад?...
Одни слова, слова! Вот на Скрижали – Слово:
Там все расписано несчетно лет назад.
Мы – покупатели: все вина подавай!
Мы – продавцы: за грош бери цветущий рай!
Что за вопрос: куда пойду, мол, после смерти?...
Поставь сюда вино – и хоть куда ступай.
Истлел и шатким стал небесный наш шатер...

Но если рядом друг, любые страхи – вздор.
Ты Время ни за хвост не словишь, ни за гриву...
Неспешно пей вино под долгий разговор.
А ну-ка за руки, веселый круг сомкнуть!
Уж пляской-то печаль растопчем как-нибудь.
Натешься, надышишься предутренней прохладой:
Восходам впредь пылать, когда нам не вздохнуть...
Как славно припустить над винным кубком в пляс –
И прочь из памяти ушедшее от нас!
Мы с душ своих – рабынь, вернее, арестанток –
Оковы разума снимаем хоть на час.
О шах, от первых роз, от песен в стороне
Неужто усидит любой, подобный мне?
Что – рай, и гурии, и сонный плеск Кавсара,
Коль сад, вино и чанг – прекрасней по весне!
Так свято чтим вино, так влюблены мы все,
Что жить близ кабака осуждены мы все.
Уродство, красота – забытые заботы.
И хватит к разуму взывать, пьяны мы все.
С тех пор как лунный серп украсил небосклон,
Рубиновым вином наш гордый дух пленен.
Спасибо продавцу!.. Но все же странно: что же
Прекраснее вина купить задумал он?
Хоть гибельно для нас блуждание планет,
Печальные сердца ласкает лунный свет.
Луна, мы пьем, луна!.. Тебе, луна, веками
Искать нас по ночам... А нас давно уж нет.
Коль хочешь, пред тобой склонится небосвод,
Делам твоей души способствовать начнет.
Возьми пример с меня: сильнее рока тот,
Кто пьет вино, а скорбь вселенскую – не пьет.
Ветшает жизнь твоя, крошатся дни и ночи,
Щебенкой под ноги ложатся дни и ночи.
И ночь и день ликуй: они – твои пока!
Потом уж без тебя – кружатся дни и ночи...
За чашу в горький час едва возьмешься ты,
И сердце отошло, и вновь смеешься ты..
Какой тайфун беды, смотри, летит навстречу!
Спускай ковчег в вино! Как Ной, спасешься ты!
Я вспомнил про вино и рад пораньше встать,
Чтоб зарумянилось лицо мое опять.
А королю зануд, ворчливому Рассудку,
Плесну в лицо вином – пусть продолжает спать.
Торопятся, летят за часом час, саки.
Ты кубок для меня уже припас, саки?
Заря уж занялась! Мы в дверь замком колотим.
Уж солнце хлынуло!.. Впусти же нас, саки!
Саки! Вот мы в дверях и не уйдем вовек,
С порога, хоть убей, не отползем вовек.
Коль головы поднять из праха не сможешь –
Ходи по головам! Не уберем вовек!
Давно уж рассвело. Ты что же? Эй, саки!
Ты, видно, страждущих забыл мужей, саки!
Что?... О спасенье речь? Для чьих ушей, саки?!
Спасайся! Шептуна гони взашей, саки!
Саки! Забыты мы, как вдовы, бога ради!
Молиться на тебя готовы, бога ради!..
Мы рыба снулая, а здесь вода живая –
Ожить хотелось бы нам снова, Бога ради!
Саки! Мы как земля, любовь к тебе – зерно,
И только вечности снять урожай дано.
Но коль махнешь рукой на страждущих от жажды,
Так мы махнем туда, где повкусней вино!
Ты прибедряешься, саки. Поменьше ной
Да поскорей кувшин поставь передо мной.
Закладом за вино прими молельный коврик,
За дивный аромат – добавлю болтовней.
Того текучего огня налей, саки,
Плесни рубиновых живых огней, саки,
И кубок выбери потяжелей, саки,
Наполни радостью мой кубок дней, саки.

Саки, как дивна ночь, как светит нам луна!..
Пока не грянул гром, подай-ка нам вина.
Смерть – молнии удар в копну сухой соломы:
Пока ты вскинешь взгляд, копна уж сожжена.
Саки! Любуюсь я рассветом скоротечным,
Я радуюсь любым мгновениям беспечным.
Коль за ночь выпили не все вино, налей.
«Сегодня» – славный миг! А «завтра» будет... вечным.
Саки! Спаси, горю! Прости мою смятенность:
От лекаря-саки куда с похмелья денусь?
«Вручать надежде жизнь» – я понимаю так:
Внимать твоим шагам. Пока живу, надеюсь!
Багряный кубок мне преподнеси, саки, –
Как в воду из огня перенеси, саки.
Боюсь, Рассудок вдруг меня за ворот схватит,
Рванет вино из рук... Скорей спаси, саки!
Багровая струя!.. Вина не стану пить.
Лоза, здесь кровь твоя! Вина не стану пить!
Мой Разум начеку: «Серьезно?!» – «Ах ты, глупый,
Поверил, будто я вина не стану пить».
Рубиноцветного лишив вина однажды,
Мгновенной гибели, саки, меня предашь ты.
Так жажду!.. Не с вина ль при встречах дерзок я?
Все дерзости мои – от непомерной жажды.
Отрекся б от всего, но от хмельного – нет.
Забвение вина? О том и слова нет.
Где сказано, что я подамся в мусульманство,
Зороастрийский хмель забуду? Что вы, нет!
Нас выбрало вино, навек приворожа.
Нет в мире ничего превыше кутежа.
Тебе ль меня учить, неопытный ханжа!
Наш Бог – уста подруг, нам чаша – госпожа.
«Чтоб усмирить тоску, гашиш курить – милей,
Чем слушать музыку, чем зелье пить, – милей!» –
Вот слово прежних сект. А нам глоток веселья,
Чем коноплею кровь живьем гноить, – милей!
Четыре обсуждать и снова Семь, саки?
А тысячу забот – забыл совсем, саки?
Мы все – земная пыль. Певец, настрой-ка лютню.
Мы все – лишь ветерок. Налей-ка всем, саки.
Опять: «четыре!.. Семь!..» Да отвяжись, саки.
Коль до «Восьми» дойдешь, тогда держись, саки!
О! Дивные слова, певец: «Уходит время».
А ну, скорей вина: уходит жизнь, саки!
Саки! Той чашею – на что она Творцу? –
За снисходительность воздай сполна Творцу:
Упейся в честь весны! Брось торговать смиреньем,
Сия безделица едва ль нужна Творцу.
Вон сколько небо кровь людскую проливало!
Вон сколько чистых роз обычной грязью стало!
Оставь на молодость надеяться, сынок:
Вон сколько бурю бутонув оборвало!
Плесни-ка мне вина и спой свое «гуль-гуль»,
Откликнется тебе наш соловей-гюльгюль.
Ведь как без песни пить? Из горлышка бутылки,
Представь, течет вино, не делая «буль-буль».
Не хватит ли читать за упокой, саки?
Ты лучше нам сейчас кредит открой, саки,
И мы от всей души помянем, как покойный
Нас угощал в кредит... Был день святой, саки!
На смену жизни жизнь другая создана;
А прежняя, как знать, куда унесена?
Все тайны спрятаны, открыта лишь одна:
Все судьбы созданы, как меры для вина.
О кравчий! Раю здесь такая честь – за что?
Там тоже кравчий есть, вина не счесть, и что?
Там кравчий и вино, и здесь вино и кравчий –
Вина и кравчего превыше есть ли что?
В объятья гурии в раю, мол, попадешь,
Потоки меда там, ручьи вина... Но все ж
Не слишком доверяй посулам, виночерпий,

В кредит вина не лей, бери наличный грош.
Эй, виночерпий, глянь! Луга в цветах уже.
Неделю проморгай, и чудо – прах уже.
Пируй. Нарви цветов. Однажды обернешься,
Тюльпаны – прах уже, и луг зачах уже.
Скорее – к зелени, к ликующим лугам,
Чтоб вновь зазеленеть на зависть небесам,
С зеленой юностью играть в траве зеленой,
Пока зеленый луг не стал покровом нам!
Вино запретно, но... Коль пить не до конца,
И время выбирать, и не терять лица,
Получится, коль вы учли все три совета,
Не бражка пьяницы, а отдых мудреца.
Уж если ты мне друг, довольно болтовни!
Терпенье кончилось, вина скорей плесни.
Когда покину вас, кирпич слепи из праха
И мною в кабаке вон ту дыру заткни.
Когда я протрезвел, нет радости, хоть вой.
А хмеля перебрав, слабею головой.
Но вот сегодня хмель и трезвость уравнились,
И – ты прекрасна, жизнь, я обожатель твой.
Вон – духовидцы те, о коих ходит слух,
Что мигом различат, где только плоть, где – дух.
Что ж... Я кувшин вина себе на темя ставлю:
«Ну, что здесь?» – «Гребень есть... Ну, значит, ты петух».
Чтоб людям не скучать, Создатель сотворил
Контрдовод на любой логический посыл:
«Бутыль из тыквы – бес придумал!..» Ну, а тыкву
Бутылочную – кто задумал и взрастил?
Когда неделю пить и просыха не знать,
Уж верно в пятницу нальешь себе опять.
Суббота с пятницей – дни Господа?... И что же?
Нам Бога почитать иль Божьи дни считать?!
Святошам святости не занимать, саки,
Но снисхождения и им не знать, саки.
Скорее кубок мой налей опять, саки:
Того, что суждено, не миновать, саки.
Об камень я зашиб кувшин мой обливной –
Как друга оскорбил, настолько был хмельной!
И вздрогнула душа на тихий стон кувшина:
«А я таким же был... Ты тоже станешь мной».
Мне вина старые – старинные друзья.
Без дочери Лозы мне все услады – зря.
Саки! Вот говорят, у пьющих нету веры.
Но я-то пью вино, вину-то верю я!
Прелестный юноша! Присядь, не уходи,
Напомни молодость, сердца разбереди!..
Ты запрещаешь нам тобою любоваться?
Запрет совсем как тот: «Склонись! Не упади!»
Вослед любому дню даю ночной зарок:
Не трогать пиалу – мой записной зарок.
Но розы расцвели – не в силах удержаться,
Зароков не давать даю весной зарок.
Над розами туман не тает до сих пор,
И сердце во хмелю витает до сих пор,
И сон дороги к нам не знает до сих пор,
И – пейте! – солнце нам сияет до сих пор!
От лишних горестей ударимся в бега!..
Как радость редкая, нам чаша дорога.
Вино – кровь мира. Мир – наш враг. С какой же стати
Откажемся мы пить кровь кровного врага?
Оставь себя терзать надеждой на успех
И вспомни про вино и беззаботный смех.
Ласкать нам дочь Лозы запретную – милее,
Чем мать-Лозу, всегда доступную для всех.
Клеймите вы мое паденье всякий раз,
Когда иду хмелен, чуть на ногах держась.
О, ваши бы грехи да вас бы подкосили,
Чтоб ложно-трезвыми никто не видел вас!
Любовь моя, вино, я упоен тобой,
Не прячусь от молвы, презрев позор любой.

Так полон хмелем я, что слышу от прохожих:
«Бочонок зелья, эй, откуда ты такой?»
Сквозь тот и этот мир я зримый путь нашел,
На каждой из вершин и в бездне суть нашел,
Но все, что я узнал, я проклял бы, коль выше,
Чем опьянение, хоть что-нибудь нашел.
Пораньше пробудись, премудрый книгочей,
Мальчишке-дворнику скажи про суть вещей:
«Мети с почтением! Здесь прах ты знаешь чей?
Взгляни, вот эта пыль – Парвизовых очей...»
В сей жизни лишь рассвет нам скрашивает путь,
Чтоб дух перевести, над кубком отдохнуть.
Упейся воздухом восхода!.. Ибо скоро
Восходам – восходить, а нам и не вздохнуть.
Спокойно принимай судьбой даримый путь,
Чтоб лишних горестей случайно не хлебнуть.
Слетит одежда-жизнь, умолкнут и вопросы:
Замечен где-нибудь? Замешан в чем-нибудь?
Еще один мой день промчался без следа,
Как суховой в степи и как в реке вода.
Два выдуманных дня его мне не заменят,
Я в «завтра» и «вчера» не верил никогда.
Коль хочешь мудро пить, так мудрецу налей.
С подругой можно пить прелестною своей.
Но не излишествуй, не хвастайся повсюду,
Пореже, по чуть-чуть и потаенно пей.
О, сердце, воздержись от пьянства и похмелья,
Не слишком дружбе верь привязчивого зелья.
Вино – веселый врач, но пьянство-то – болезнь.
Не накликай болезнь и не страшись веселья.
Совсем не пью вина? – Юнцом меня считай.
И можешь презирать, коль пью, да через край.
Вино – для мудреца, для шаха, для гуляки.
Ты не из этих трех? И рта не разевай!
Надежды сеем мы – сожнут потом без нас.
Останутся и сад, и старый дом – без нас.
Богатства до гроша друзьям раздай, иначе
Полакомится враг твоим трудом без нас.
Ты увеличишь век – душою умалясь;
Сокровище найдешь – смертельно изнурясь.
И станешь ты над ним похож на снег в пустыне,
День поискрясь, и два, и три, и... испарясь.
«Коль дух незамутнен, а также зорок глаз,
Сумеешь ты любой отшлифовать алмаз».
Так было. Но теперь без помощи богатства
Едва ли что-нибудь получится у нас.
О городской судья, к порокам беспощадный!
Из наших пьяных уст звучит вопрос нескладный:
«Мы пили кровь лозы. А ты людскую кровь.
Бесстрастно рассуди: кто самый кровожадный?»
Богатство – тот же мед. Лепешка с ним сладка,
Но ой как жалом бьет пчела исподтишка!
Правитель ест кебаб из сердца бедняка...
Вгляделся б: сам себе он обглодал бока!
Хоть все сокровища – давай, сгреб! А там?
Все наслаждения – давай, скуп! А там?
Ведь ай как хочется сто лет прожить! Ну ладно,
Вторую сотню лет – давай, скрипи! А там?
Смертельным ужасом пьяна душа твоя,
Боится вечности среди Небытия.
А я на вздох Исы откликнулся душою,
И – отступила смерть. Теперь бессмертен я!
Всего-то раз помрешь, ну и помри разок,
Чем так себя терзать, оплакивая впрок
Свой драгоценнейший – и с жилами, и с кровью,
И с нечистотами! – свой кожаный мешок.
Чем желчью истекать над сундуком своим,
Чем, разорясь, людей терзать нытьем своим,
До капли насладись житьем-бытьем своим,
Пока не вздумал рок сверкнуть серпом своим!
Пока котел судьбы не вскипятила Смерть,

Из кубка радости допить бы нам успеть!..
Кувшинчик! Из меня слепи кувшин, который
Лишь продавцу вина захочется иметь!
Под круговертью звезд известны, милый друг,
два способа прожить без страхов и без мук:
До тонкости ль познать добра и зла секреты
Иль намертво забыть про все дела вокруг.
Весельем обогрей оставшиеся дни,
Сегодня пир устрой, до завтра не тяни,
Не то друзья твои, быть может, не дождутся,
Делами здешними измучены они.
Пируй! Тебе пылать не дольше, чем поленьям,
Веселье сменится потусторонним тленьем.
Безбедно пей вино, а горечь Бытия
Оставь расхлебывать грядущим поколениям.
Сей караван-сарай вселенной мы зовем;
Вповалку – ночи, дни... Пестрит ночлежный дом.
Пиры здесь вел Джамшид – объедки лишь кругом;
Сюда забрел Бахрам – спит беспробудным сном.
Идет куда-то жизнь – бездомный караван...
Блаженством отдыха живет полночный стан.
А завтра, мой саки... Что говорить про завтра!
Успей вина подать: уже восток багрян.
Круженье Бытия, коль нет вина – ничто,
Пока иракская молчит струна – ничто.
Вселенная, уж как ее ни изучаю,
Нужна для радости, а так она – ничто.
О сердце! Прояви над этим миром власть,
мечтой про доброе застолье окрылась.
В юдоли горестной рожденья и распада
День-два, а то и три желаньями укрась.
На нас управы нет, один указ – вино,
Мы все поклонники твоих проказ, вино.
И вот рука саки на горлышке бутылки,
вот-вот волшебное вольтется в нас вино!
А ну, пока здоров, а ну, пока живой,
Чем попусту звенеть скопившейся казной,
Быстрее, чем на лету остыл бы выдох твой,
Пока не хапнул враг, для друга пир устрой!
Ты каплей жидкости в отцовских чреслах был,
вчера тебя исторг огонь – любовный пыл,
А завтра высохнешь, и прах развеет ветер.
Дано мгновение, чтоб ты вина попил!
Вчера, позавчера, тот, этот год – прошли,
Среди пиров, трудов, забот, невзгод – прошли.
Сегодня радостей не упустит доступных:
ведь и они уйдут, уже вот-вот прошли.
Лишь от невежества вину такой запрет,
Он может частным быть, но абсолютным – нет:
«До двадцати – нельзя. До сорока – с оглядкой.
Доступно полностью – мужчине зрелых лет».
Горсть пыли – в небеса, в тот неотвязный глаз,
и лишь красавицы пускай глядят на нас!
кому поможет пост, кого спасет намаз?
Ушедший, хоть один, вернулся ли хоть раз?
Строитель глину мял. Вынослив и здоров,
Он не щадил своих ни ног, ни кулаков.
А глина, слышал я, обиженно пыхтела:
«Дождешься, и тебе достанется пинков!»
Будь камнем твердым я, полировать начнут;
Будь воском мягким я, бездумно изомнут;
Будь луком согнутым, прихватят тетивую;
Будь я прямой стрелы, подальше запульнут.
Безмозглый небосвод, бездарный страж планет,
Гонитель тех людей, в которых гнили нет,
Ценитель подлецов, каких не видел свет,
Растлитель мальчиков, – привет тебе, привет!
Не наша в том вина, что хают нас с тобой,
Злорадно высмотрев у нас порок любой.
Мы – зеркала для них, в нас не глядят – глядятся:
«Ну хороши! Ой-ой!» – смеются... над собой.

Хотя на серебре и не взрастить ума,
Богатство плюс к уму сгодилось бы весьма.
В ладони нищенской фиалка сразу вянет,
А розы – рдеют там, где полны закрома.
О небо! Чем тебя озлить мне довелось?
В безумной беготне в жару я и в мороз:
Еды не дашь, пока не пропылюсь насквозь,
Воды не дашь, пока не притомлюсь до слез.
О колесо небес! Пытать меня – доколе?
Клянусь Создателем, с меня довольно боли!
И так-то каждый миг – ожог. А ты еще
На каждый мой ожог спешишь насыпать соли.
О колесо небес! Плодишь ты грязь и мразь,
Извечно с чистотой душевной не мирясь.
Недаром – колесо: стараешься, крутясь.
Кто мразь, тот будет князь, а если князь, то в грязь!
Судьба! Сражение вновь ты повела со мной.
К другим приветлива, уж так ты зла со мной!
Иль не на всякий лад мирился я с тобою?
Иль не на все лады война была со мной?
Вращаясь, небосвод запутал мне пути,
И тело мне назло клянется не дойти.
Кто знает: воспарить смогу, лишь испарившись?
Кто скажет, как еще свободу обрести?
За то, что к счастью я бежал не чуя ног,
Мне руки повязал жестокосердый рок.
Увы! В число потерь бесплодный век отпишут,
Который без вина и без любви протек.
Как сердцу тягостно, что в клетке жить должно,
Как стыдно, что навек всего лишь плоть оно!
Шепчу: «Снести тюрьму, а стремя шарията
Стряхнуть, на камни встать – неужто суждено?»
Ты, небо, – прялка лет. Не хлебом кормишь, нет,
Так хоть прядешь-то – что? Как рыба я раздет.
Вот прялка женская хоть двух людей одела б,
Та – с делом кружится, о небо – прялка лет!
Блеск каабы, кумирни мгла – вот рабство, вот!
Поющие колокола – вот рабство, вот!
И церковь, и михраб, и крест, и четки... Боже!
Все показное – корень зла: вот рабство, вот!
Решили пьянству мы установить запрет,
И даже в руки чанг, считаю, брать не след.
Легко забыл вино любой гуляка, только
На пьяницу-судью никак управы нет.
Ленивцев, дум ночных не знавших, сколько их!
Спесивцев, напролом шагавших, сколько их!
Слуг, из себя господ игравших, сколько их!
Скотов, чужую честь поправших, сколько их!
Увы! Душистый хлеб – бездушным сухарям;
Срамящим род людской – хоромы словно храм.
А диво тюркских глаз, как сердце убедилось, –
Безродной челяди, гулямам и юнцам.
Коль по сердцу нигде мы друга не найдем,
В предательский наш век себя не подведем.
В любого из друзей, пока не грянул гром,
Внимательней взглядишь – окажется врагом.
Друзей в рассаднике стяжанья не ищи.
Пошады за свои страданья не ищи.
С мученьями смиришь, лечения не требуй.
Глуши весельем боль. Вниманья не ищи.
Прославься в городе – ославите тотчас;
Запрись, уединись – что прячет, мол, от нас?
Уж лучше, будь я хизр, будь даже сам эльяс! –
И вам не знать меня, и я не знал бы вас...
Где голь кабацкая, непризнанная знать,
В тех кабаках меня и вам бы воспевать,
Торговцы святостью в чалмах законоведов,
Мои ученички в искусстве плутовать!
Гончарным рядом шел, кувшин себе искал;
Вдруг самого себя в кувшине я узнал!..
Пока действительно кувшином я не стал,

Такой кувшин вина сейчас бы опростал!..
Не розы жизнь у нас, а куст колючий? – пусть.
Геенной подменен небесный луч – и пусть.
Коль даже рубища и шейха мы лишимся,
Зуннар и колокол взамен получим – пусть.
Нищает винохлеб, обогащая вас,
И жалобами всех смущает каждый раз...
В шкатулку с лалами подсыплю изумруда,
Чтоб горя моего ослеп змеиный глаз.
Земля в унынии, она больным-больна...
И к ней нагрнула весна, хмельным-хмельна, –
В зеленой шали вновь лицо земли прекрасно,
И снова в кубках жизнь (испей!) полным-полна!
Вчера я шел одной из розовых аллей.
Две тысячи лобат, проливших кровь на ней,
На тайном языке все как одна шептали:
«Ты чашу наклони! Но капли не пролей!»
Саки! Ночная мгла зарей разорена:
Проснись и посмотри! Доспишь потом сполна.
Нарциссы сонные раскрой, как два окна,
Зороастрийского подай скорей вина!
Встань! Сердце снадобьем известным успокой,
Душистым, пламенным, прелестным – успокой:
Вином рубиновым, желая нас утешить,
Да чангом яшмовым чудесным успокой.
Стряхни скорей, стряхни остатки сна, саки,
Плесни скорей, плесни вина-пьяна, саки!
Пока из чаш-голов не сделали кувшина,
По чашам расцеди кувшин вина, саки!
Саки! Как телу хлеб, душе – рубин хмельной.
Рассветным солнцем ты встаешь передо мной.
Припасть к твоим стопам и умереть со вздохом
Милей тысячекрат, чем вечно жить, как Ной.
Саки! Пока скорблю, у счастья не в чести я.
Блаженства вне вина не смог нигде найти я.
Налей! Глоток с утра – тот миг, тот взлет души,
Какой из всех людей познал один Мессия.
Саки! Хороших вин и поутру не прячь,
Лежащим во хмелю целебный хмель назначь.
Я, развалившись, пью среди развалин Смерти.
О развалившейся вселенной посудачь!
Саки! Я как свеча, уставшая пылать,
Живым огнем вина зажги ее опять.
Ах! Чистое вино, рубиновое чудо:
Устами припадешь – и уст не оторвать.
Вставай, притопни-ка! Мы будем хлопать в лад.
Нарциссы свалит хмель, пока на нас глядят!
Что двадцать?! Хорошо, когда плясун в ударе.
А как ударим мы, коль будет шестьдесят!
Луна своим лучом пронзила мрак ночной.
Прелестней (пей вино!) найдешь ли миг иной?
Повеселясь, другим уступим любоваться
Над прахом без конца кружащейся луной.
Влюбленный и про пост забудет. Будь что будет!
Толпа хмельную страсть осудит... Будь что будет!
Вам, жертвы трезвости, не мило ничего,
А пьяным любо все, что будет: будь что будет!
Хайям! Ты вновь хмелен, ты пьешь – как хорошо!
А к луноликой вдруг прильнешь – как хорошо!
Вселенная всему небытие готовит.
Представь: Небытие... живешь?! Как хорошо!
«Коль не сама Любовь, то, право, кто же ты?...»
Прошлась ты по душе, как благодать. Ты кто?
И, сам не свой, прошу: пройди опять! Ты кто?
Ах, ради бога... Нет, скорее, ради сердца,
Присяжь со мной, а я начну гадать: ты кто?
О, Божьего письма начало! Это – ты.
О, высшей красоты зеркало! Это – ты.
Нет в мире ничего, что не было б тобою.
Ищи в себе, коль что пропало: это – ты.
Здесь некий муж твоей красою окрылен:

В переселенье душ и прежде верил он,
Теперь – уверился: «Вновь посрамлен Юпитер!
Юсуф Египетский на землю возвращен!»
Учуяв в ветерке твоих духов струю,
Рванулось сердце вслед... Растерянно стою,
Совсем забытый им: в себя впитало сердце
Не только ветерок – и ветреность твою.
Услада сердца! Чьи волшебные персты
Ваяли дивный лик небесной красоты?
Красавицы к пирам подкрашивают лица,
Своим лицом и так пиры украсишь ты!
Найду твои уста – и рядом обнаружу
Ту чудо-родинку, что так смутила душу.
Неужто до того окружность уст мала,
Что центр окружности был вытеснен наружу?!
Пушок над розой уст – чем не письмо! Оно
Печатью родинки-фиалки скреплено.
А на луне узор – кому и чье посланье?
В кого-то, видимо, и солнце влюблено!
Коль не сама Любовь, то, право, кто же ты?
Смотрю, дышу, живу, и в этом тоже – ты.
Твоей души, кумир, нет ничего дороже;
А вспомню: краток век! – стократ дороже ты!
О королева, ты искусней всех ферзей,
Куда мне, пешему, от конницы твоей!
Слоном и королем я, бедный, загнан в угол
И получаю мат от сдвоенных ладей.
Пускай моей тоской твои продлятся дни:
Хоть раз в мои глаза, желанная, взгляни!
И в самом деле взгляд роняет... И уходит.
Вот так! Зажги огонь – и в воду урони.
И старцу в сеть любви попасться привелось!..
А то с чего б вино рекою полилось?
Я так зарок хранил!.. Любимая разбила.
Так долго платье шил!.. В неделю порвалось.
Ни повода мечтать о встрече благодатной,
Ни капли стойкости в разлуке необъятной,
Ни собеседника для жалобы невнятной...
О, горестная страсть, восторг невероятный!
На что мне их уста? Твою бы ножку мне
Разок поцеловать, и счастлив я вполне.
Ах, ручка!.. И мечтой ошеломлен весь день я.
Ах, ножка!.. И всю ночь ловлю тебя во сне.
Как ветер, к локонам ее прильну? Едва ль.
Скачу я к пропасти, но поверну едва ль.
На то и зрячи мы, чтоб лица милых видеть...
Я вроде зряч, но ей в лицо взгляну едва ль.
О первозданный свет для сердца моего,
Прислала б хоть привет для сердца моего!
Разлукой болен я, так исцели свиданьем –
Других бальзамов нет для сердца моего.
О дивная Луна!.. И солнце прячет лик.
О лалы алых уст!.. И яхонт меркнет вмиг.
Твое лицо – как сад, где родинка-фиалка
Украсила уста – живой воды родник.
В ловушку памяти ты заманила сердце,
Тоску-нахлебницу в мое вселила сердце...
Я в рабстве у тебя, и некуда сбегать:
Нетленным словом «Жизнь» ты заклеила сердце.
Какой соблазн, какой искус, храни Аллах!..
Твое лицо и день и ночь царит в мечтах.
Вот потому и боль в груди, и трепет в сердце,
И сухость губ, и влажность глаз, и дрожь в руках.
Горькой моей слезой взор опалится пусть,
Скорбной моей мечтой боль утолится пусть.
Либо, чтоб боль вобрать, век мой продлится пусть,
Либо, вмещаясь в век, боль умалится пусть.
Сколь страстно говорит душа в минуты встреч,
И в сердце как звенит восторженная речь!
Алмазы б тайных чувств оправой слов облечь!..
Никак из языка гвоздь не могу извлечь.

Услада милых уст, рубинами гори,
Сокровищнице пусть завидуют цари!
Себе я заведу залог благоуханный:
Во славу нежных чувств хоть локон подари!
Сплетенье локонов. Желанней сети – нет.
Как свод мечети, бровь. Другой мечети – нет.
В лицо твое душа никак не наглядится:
Других зеркал душе нигде на свете нет!
Что истину вдали искать, любовь моя?
Могу я в двух словах сказать, любовь моя:
Стремящийся к тебе, но вдруг я слягу в землю,
Поможет из земли восстать любовь моя.
Иль сердцу моему так сладостны печали?
Иль мало от любви его остерегали?
Как в локонах твоих запуталось оно!..
Не за безумство ли беднягу повязали?
Влюбленным ночь дана, чтоб тешиться тайком.
Я у дверей твоих порхаю мотыльком.
Проснись! Любую дверь всегда закроют на ночь,
Но у влюбленных дверь – с отомкнутым замком!
Нет, чувственная страсть с любовью не дружна,
Их видимая связь – лишь видимость одна.
Коль птицу радости начнешь кормить распутством,
Не сможет и забор перелететь она.
Удача увенчать не думает меня,
Подруга привечать не думает меня.
Пусть от соблазна Бог остерегать не хочет,
Но дьявол-то прельщать не думает меня.
Я дерзкою рукой твою погладил прядь.
Но не спеши меня за дерзость укорять:
Я в локонах твоих свое увидел сердце,
А с сердцем собственным могу ж я поиграть.
Ты – дичь; охотник – ты; в ловушке зерна – ты.
Напарник, хмель, саки, черпак узорный – ты.
Однажды идолу взмолюсь в кумирне черной,
Увижу вдруг: и жрец в кумирне черной – ты.
Твой нос – «алеф» и «лям». Потом, моя любовь,
Над ними я твои рисую бровь и бровь.
Кружок – твое ушко. Божественное сходство!
Теперь бери читай – Аллаха славословь.
В укрытии кудрей лукавый житель – страсть.
Твой чудный лик – соблазн, а мой мучитель – страсть.
Твой глаз под бровью – жрец под аркой в нише храма:
Пленил безбожника вероучитель – Страсть.
Твое лицо – луна, которой не скудеть.
Прекрасна без прикрас – и прежде ты, и впредь.
Согласный умереть, охотно жизнь оставляю,
Чтоб у дверей твоих навеки замереть.
Очами турецкими меня, видать, поймала,
А может, как силок раскинув прядь, поймала.
Ей мало этого: то выпустит из рук,
То вновь охотится. Смотри, опять поймала!
Сегодня облако пришло мой сад омыть,
Жасминов царственных престольный град омыть...
Глаза, твое лицо высматривая тщетно,
Спешат лицо мое на дню стократ омыть.
Песчинка, что, сверкнув, на лик Земли легла,
Когда-то солнечным челом Зухры была.
И к твоему лицу прелестному прильнула
Не просто пыль, а прах прелестного чела.
Уж так язвителен, уж так насмешлив взгляд!
Но брови все равно ко мне благоволят.
Конечно же сошлюсь на то, что брови – выше:
«Глазами гонишь прочь? Но брови не велят!»
«Коль мною покорен, то докажи сперва:
Покорно отступись!» – услышал я слова.
Воистину, тебе молюсь я упоенно,
И как же отвернусь от лика божества?
С тобою позабыл о смертной боли я.
К чему других искать, лицо твое любя?
В тебя взглянув, себя я познаю, себя;

В себя взглянув, тебя я узнаю, тебя!
Прелестные уста ласкай, вино, ласкай,
Перетекая в них из кубка через край.
Счастливый кубок прав: «чтоб усладиться лаской,
Коснуться милых уст, до капли кровь отдай».
Любовь моя светла, как чистая вода.
Счастливому в любви лишенья не беда.
Любовь других блеснет – и гаснет без следа.
Но ты, моя любовь, не сгинешь никогда.
Я за любовь к тебе любой позор приму,
А если пошатнусь, и твой укор приму.
До Страшного суда терзай меня, согласен,
Наградой за любовь свой приговор приму.
Я веру в идола (ты идол мой!) избрал,
Для твоего вина я путь хмельной избрал.
Мне Бытие любовь, но без тебя, дарует,
И я Небытие (чтоб быть с тобой!) избрал.
Сады в цвету, вино, благоуханный луг...
Все радости весны, лишь нет тебя, мой друг.
До радости ли мне, когда тебя не вижу?
А встретив, с радости не вижу, что вокруг.
Хвала тебе, живой родник, – устам твоим!
Не к чаше, лучше б я приник к устам твоим!..
Но если не в вине, то где ж найду отвагу,
Чтоб, осмелев, припасть на миг к устам твоим?
Свои зарюки кто не забывал из нас,
Кто славу добрую не убивал из нас?
И мой запойный бред, прошу, не осуждайте:
Пьян от вина любви кто не бывал из нас?
Разлукой сил лишишь, больным и стану я.
Надеждой опьянишь, хмельным и стану я.
Тебе ли спрашивать, каким предстану я?
О ком ты грезила, таким и стану я.
Меня взяла в полон разлука-западня,
Все валится из рук, все плохо у меня.
За ночь с тобою жизнь отдам я! – и избавлюсь
От будущих разлук, от завтрашнего дня.
Живу затем, чтоб ты дарила встречи мне,
Кудрями бы в ночи пленяла плечи мне.
В засаде, что ни ночь, высматриваю птицу,
Но снова поутру похвастать нечем мне.
Неужто мы сердца познать любовь не пустим,
Изведать хмель вина и соловьев – не пустим?
Как роза лепестки, одежды мы распустим,
Покуда по ветру наш цвет садов не пустим.
Моя жемчужина! успей, пока в цене,
Себя порадовать и стать отрадой мне.
Так быстро дни пройдут, придут такие ночи,
Когда не свидеться нам даже и во сне.
Я лунной ночью ждал свидания с Луной,
Гляжу, идет она. О, сердце, что со мной?
Глаза к земной Луне, потом к луне небесной...
Небесная луна померкла пред земной.
О! Хмель при виде уст алеет будто лал.
Ты встала – кипарис прямей и выше стал.
Захочешь – и меня сразишь ты наповал:
Сними чадру, Луна, чтоб ночью день настал.
Огонь моей души! Судьбой гонимый прочь,
Неужто я сумел преграды превозмочь?
Теперь – умри, свеча! Теперь – луна, исчезни!
Озарена тобой сегодняшняя ночь.
Вчера, желанный друг, кто мне принес тебя?
В мой одинокий круг – кто мне принес тебя?
Несчастный без тебя пылал в огне, но свежим
Пахнуло ветром вдруг!.. Кто мне принес тебя?
Не думай, будто я от нищеты не пью
Иль, убоясь хулы и клеветы, не пью.
Я сердце отогреть хотел хотя бы хмелем;
Теперь, когда свила гнездо в нем ты, – не пью!
Лицо твое – заря, а кудри – мрак ночей.
Фисташка сладких уст, миндаль живых очей.

Для сердца моего сам Бог избрал хозяйку:
Когда я без тебя – потерянный, ничей.
К сиянию луны, красавицы ночной,
Добавлю я тепло, даримое свечой,
Сверканье сахара, осанку кипариса,
Журчание ручья... И выйдет облик твой.
Подробно оглядеть спешу привал земной,
Ищу сравнения, упущенного мной:
Довольно называть луной твой облик светлый
И с кипарисами равнять твой стан прямой.
Моей подруге кровь цирюльник отворял.
Легка его рука: едва коснуться дал
Прелестнейшей из рук легчайшему из жал,
Ростком из мрамора пробился вдруг коралл.
Прелестный пекарь мой, вон ту краюшку дай,
Где бок не обгорел, где пышен каравай!..
Я в пальцах пекаря беспомощен, как тесто, –
Боюсь, меня в огонь отправит невзначай.
Стать ласковой со мной старается – никак,
Смирить свой нрав крутой старается – никак.
Представьте: кипарис, прямой как восклицанье,
Согнуться запятой старается – никак!
Ах, каждый локон твой – ночной коварный тать.
Кто ж волю дал ворам так сердце мне терзать!..
Ты говоришь, они освободились сами?
Ну, так попробуй их покрепче повязать.
К другой я и на миг не упорхну никак,
Хотел бы, да любовь не обману никак.
В сиянии твоём слезами ослепленный,
Я на лицо другой и не взгляну никак.
Твой локон – как вьюнок. Вьюнками – страсть во мне.
Глаза твои – нарцисс. Нарциссы в каждом сне.
Твои рубины – хмель. Хмелит питье любое.
Лицо твоё – огонь. Огонь – в моем вине.
В мой предрассветный сад, где винная струя,
И музыкант, хмельной до полузабытья,
И птичий перезвон, и розы, и друзья –
О нежная, сойди! Все приготовил я.
Нам с милой нужен миг покоя, мой саки.
Зароки?... Это что такое, мой саки?
Довольно лепетать про Ноя, мой саки,
Ковчег моей души – хмельное, мой саки!
Пусть мой веселый взор с твоим лицом сольется,
Иссохший кубок мой с твоим вином сольется.
Я так хочу собрать, вобрать в себя все то,
Что здесь разобщено, лишь в мире том сольется!..
На стрельбище невзгод я сделал щит, и им
Надежнее всего мы души охраним.
Ах, оглядись, мой друг, насколько прочно верность
Повязана зрачком заботливым моим!
Мне пальцы не извлечь из мускусных волос,
Рубины дивных уст слепят меня до слез.
С минуты, как тебя сравнил я с кипарисом,
Тот стройный кипарис от гордости попрос.
В весеннем ветерке цветам качаться – рай!
Ловить твоё лицо глазами счастья – рай!
«Вчера» упомяни – уйдет очарованье;
Забудем о «вчера», когда сейчас-то – рай.
Как будто флейта нам звенит с ветвей, как славно!
И булькает вино, как соловей, как славно!
Прелестный мой кумир и чистое вино!
Все горести судьбы – долой! Эгей, как славно!
Мне говорят: «Хмельным являешься везде,
Так повод, может быть, в какой-нибудь беде?»
Мой повод: милый лик и утренняя чаша.
Коль повод лучше есть, так подскажите: где?
Коль вновь, моя любовь, тебя я обниму,
Коль чашу не вина – живой воды возьму,
Зухра звенит струной, Иса ведет беседу,
Но сердце все грустит, – чем угодить ему?
«Из сада старосты благоуханных роз

Так жадно хочется!.. Нарвал бы да принес». –
«Ах, не рвалась бы ты за розами. Там глина
Давно пропитана тщетою жадных слез».
Неужто же всерьез так страстно ты клялась?
Всей жизни вопреки – прекрасно ты клялась!
Когда бы я не знал, как все непрочно в мире...
О свет моих очей, напрасно ты клялась.
Все! Я с разлучницей-наукой не знаком,
Звезду счастливую с утра почту вином!
С подругой полный лад, расклад планет удачен –
Нельзя откладывать пирушку на потом!
Возьму-ка хлеба я, возьму стихов диван,
Для подкрепленья сил вина веселый жбан.
Когда в развалинах сижу, любовью пьян,
Пускай-ка нам с тобой завидует султан!
Когда приветил нас весенней нивы край,
О гурия, полней мой кубок наливай,
И – простаку дурным покажется пускай –
Я просто жалкий пес, коль оглянусь на рай!
С тобой, забавница, да с лютнею твоею,
Когда от соловьев слегка осоловею,
Когда вином и кровь и нервы отогрею,
Не нужно и гроша мне от Хотамы Тея!
Опять блестят росой тюльпаны близ реки,
Фиалок на лугу склоняются глазки...
Но есть один бутон: гляжу и наслаждаюсь,
Как он лукавых уст смыкает лепестки.
Едва ты вышла в сад, смутился алый мак,
Не успокоится от зависти никак.
А что же кипарис тебе не поклонился?
Увидел дивный стан, его хватил столбняк!
Я с ветреницей раз повел такую речь:
«Своей же клятвою как можно пренебречь?»
Отменный был ответ: «Мои уста надежны,
Не говорят того, что следует беречь».
Сказал я: «Мне с тобой светло, как при луне».
Был жаркий поцелуй ответом в тишине.
«Признайся...» – говорю. «Но в чем?» – «Ты не изменишь?» –
«Сегодня ж изменю!» И тут – смолчать бы мне!..
«Твой локон так душист, что хочется вкусить...» –
«Вкусить?! Кусай себя, не нужно и просить». –
«Тогда уж покушуй на два плода желанных». –
«Опомнись! Кипарис вдруг стал плодоносить?!»
Два локона твоих назвал бы я друзьями,
Свиданья розами, а дни разлук шипами.
Из-под щита волос твой взгляд – удар копья.
В любви – глоток воды, ты в миг размолвки – пламя.
Ах, сердце, наша страсть и так-то не бальзам.
За что в кострах разлук обугливаться нам?
В томленьи по ее божественному лику
Блуждаю взглядом я весь день по небесам.
Вздыхая по тебе, брожу меж стен пустых.
Лишась тебя, мой дом стал черным и затих.
Как слуг, тебе вослед я шлю глаза и сердце:
Всем сердцем я с тобой, твой путь – в глазах моих.
Да только ли глаза, казнясь потерей, плачут?
Все члены тела – да, теперь я верю! – плачут...
Разлукой рождено печальное письмо;
Не только сам в слезах – пишу, и перья плачут.
Как вкрадчиво любовь опутала меня:
«Впустил, так поздно гнать!» – внушая и дразня!..
Теперь такая скорбь испепеляет сердце,
Как будто стал огонь – горючим для огня.
Мне что ни миг с тобой, то новая беда,
И что ни день, то злей несчастий череда.
Меня уже пора оплакивать, поскольку
Судьба меня с тобой связала навсегда.
За счастье прежнее тебя благодарю,
С тревогой на сердце вослед тебе смотрю.
С тобою – мрачный мир каким веселым делал!
Разлукой омрачен, что с миром натворю?!

О, знала б ты, тоска какая без тебя:
Как будто должен жить века я без тебя.
Прислала бы кого, сама бы навестила!
Что ни взбредет на ум, пока я без тебя!
Резвее ветра я возник бы пред тобой!..
Но нынче, немощный, бездвижный и больной,
Я стал бессильнее горячечного вздоха:
Проник к тебе, приник – и сник бы, чуть живой.
Все скорби, сколь нашлось, наружу проступают:
Следы кровавых слез наружу проступают.
Не диво, если кровь закапает с ресниц:
Вот так шипы из роз наружу проступают.
Встречал ее не раз, но я-то и не знал,
Она была средь нас, но я-то и не знал!..
Шептал: «Неужто век возлюбленной не встречу?»
Пришел прощальный час... Но я-то и не знал!
Плачь, сердце! Уж не та она со мною стала,
Печалью занята совсем иною стала.
Об исцелении пришли мы хлопотать,
Но милый лекарь наш сама больною стала.
Кого любовь теперь добычей изберет?
Кому она теперь с три короба наврет?
Я отбезумствовал, с меня уже довольно.
Любовь охотится... Сегодня – чей черед?
Уж так пылал тобой!.. Лишь начал вокруг.
Ожогом на сердце начальный стал недуг.
Уж так старался я с тобой соединиться!..
Но если не судьба, то не судьба, мой друг.
А вот кувшин: как я, любовь он знал когда-то,
В оковах локонов, как раб, стонал когда-то.
Вот ручка у него на горле замерла:
Свою любимую он обнимал когда-то!..
Так ласково меня вдруг привечать – за что?
А после от себя вдруг отлучать – за что?
Мы с первого же дня так были неразлучны!..
На всю вселенную готов кричать: «За что?»
Меня чураться – за что казня, кумир?
Ту клятву верности – вот так храня, кумир?!
Смотри, не выдержу, поймаю за шальвары:
Терпенье лопнуло, прости меня, кумир!
Неверную забыть? Расстаться? Ну и ну.
Уж будто брошу жить и умирать начну?
Напомню ей, как бьют изменников ислама,
И в веру прежнюю пощечиной верну.
Как сердце, изведясь, сожгло здоровье мне!
О, как неможоту с его любовью – мне!
В заветный час вином влюбленных одаряют,
Но чашу наполнять привыкли кровью мне.
Пришла любовь – ушла, как будто кровь из жил.
Вконец опустошен – я полон той, кем жил.
Любимой раздарил всего себя до крохи,
Весь, кроме имени, стал той, кого любил.
Все хуже без тебя, и все полней печаль.
С утра, не как вчера, еще больней печаль.
Кто плакал на земле, не обо мне ль рыдали?
Все дальше от тебя, и все сильней печаль.
Размахивает рок огнем и кремнем,
Не в силах прихватить промокший трут огнем:
То врозь нас разнесет, то сдвинет и ударит...
Мы врозь – проклятие! Но и когда вдвоем...
Ни с кем моей душе сдружиться не пришлось;
И сердцу снадобий целебных не нашлось...
Дойдя до пропасти, остался я невеждой;
Сказанье о любви на взлете прервалось.
Цветник твой разорен, как после кутежа;
Тюльпан твой – ворон взял и ввысь летит, кружа...
Румянец уст твоих давно уж не касался,
Багрянец уст твоих давно покрыла ржа.
Как, испытав любовь, ты расцвела со мной!
Как яростно и зло потом рвала со мной!
Надеюсь на судьбу: удачно повернется,

Ты станешь вновь такой, какой была со мной.
В лихой притон Судьбы забрел я на беду:
Она всучила мне болезни да нужду.
Как на ветвях бутон, увяну не раскрывшись,
Как на лугу тюльпан, я кровью изойду.
Бездомный, телом я пообветшал в пути;
Добро я находил, да некуда нести.
Вот так и прожил век, у счастья не в чести...
Со Смертью встретиться б, но где ее найти?
Ни камня, кажется, в степях Востока нет,
который злой Судьбой не брошен мне вослед...
Я знаю, нет страны, где б отдохнул от бед,
Где б горький образ твой не застил белый свет.
Глаза так бережно вели слепое сердце,
чтоб где-то встретиться смогло с любовью сердце...
Не любопытствуйте, что на сердце теперь:
Глаза заставите омыться кровью сердца.
Вот – горе! Кровью слез ты захлебнуться должен,
иль мир ликующий перевернуться должен!..
Пока твои глаза не высосала тьма,
Представь, что это сон, что ты проснуться должен!
Вчера прощались мы. Я, стоя над могилой,
Сквозь саван узнавал прелестный облик милый
И тщетно звал: «Ответь!» О, если б навсегда
Не голос твой умолк, а мой язык постылый!..
Чуть ночь, и снова ум в отчаянье ночном,
И жемчугами слез осыпан я кругом,
И в чашу головы не влить вина ни капли:
Старайся, наполняй, но чаша кверху дном.
Пустить из сердца кровь – и смоем сотню зданий.
Стократ губительней – река людских рыданий.
Я на ресницах нес такое море слез!..
Обрушится потоп, коль не сдержу стенаний.
Палатки мудрости Хайям когда-то шил,
Но в печь беды попал, да в самый жар и пыл,
Остаток лишних лет отстриг посыльный Смерти
И за бесценок их кому-то уступил.
Ты в горе мудрым стал и дураком едино.
И что тебе мечеть, молельный дом? – едино.
Душой ты с чужаком, а может, со своим..
Раздвоен: стал свечой и мотыльком едино.
Ночами небеса гноят мне жизнь-белье;
И нитки расползлись, и воротник рванье.
Возьмут мою судьбу и уж начнут мытье,
Вдруг вынут из воды – и снова в грязь ее!
Нет, храм о двух Дверях нам не дал ничего;
Растрочена душа, и в сердце все мертво.
Блажен, кто в этот мир не разыскал дороги
Иль вовсе избежал зачатья своего.
Ну и сокровище нашлось для нас: ничто.
От козней мира я, взгляни, что спас: ничто.
Я, светоч радости, когда погас, – ничто.
Джамшидов кубок – я... Разбей! Тотчас – ничто.
Поля печальных глин – родимый край для нас.
На пару дней весь ад, весь этот рай для нас.
Сегодняшний кувшин с водою ключевою
И завтрашний кирпич – вот урожай для нас.
Созвездье Близнецов колышет вздох печали,
И ливнем слез моих кипят морские дали.
На послезавтра пить вино к себе зовешь?
Я и до завтра-то смогу дожить едва ли.
Я радость за подол – но вырвалась она.
Я к чаше – но в уста не капнуло вина.
Мой век, мой долгий день уже склонился к ночи;
Все прожитые дни для сердца – ночь одна.
Чье сердце на лугу скосили, как траву?
Ах, локон снившийся, былинки – наяву.
Как прядка вырвана неосторожным гребнем..
Ты – локоны травы, я – без тебя живу.
Боюсь, мое лицо – во цвет морской волны,
Поскольку морем слез глаза мои полны.

Не следует нырять в моем соленом море,
Не зная, что за зверь всплывет из глубины.
Сбегая от тоски, спускаюсь утром в сад.
Над розой соловей зашелся от рулад:
«Раскрой же свой бутон! Рассмейся вместе с нами!
Красно в саду от роз! Прекрасны все подряд!»
Над розами звенит весна-ворожея.
Пиры во всех садах, близ каждого жилья.
На волю все, в поля, в пыланье Гулистана!..
Безлюдье. Скорбь о ней. И кладбище. И я.
«До мерки „семьдесят“ наполнился мой кубок...»
Служило верою и правдой сердце мне.
Усталое взбудрить бы надо сердце мне.
И подал друг вчера живительную чашу.
«Не пью». Но он сказал: «Порадуй сердце мне!»
В усладу никогда хмельного не вкушу,
Пока и скорбного, и злого не вкушу
В солонку друга хлеб я не макну, коль прежде
Из печени своей жаркого не вкушу.
С восходом солнца день в наш спящий дом заходит
И снизу доверху его с огнем обходит.
С восходом солнца день ворует жизнь у нас:
По всем ухваткам вор, коль с фонарем приходит.
Рукою – пиалу, другою – на Коран.
То благодетен и трезв, то нечестив и пьян..
Сияет бирюзой роскошный балаган
Полубезбожников и полумусульман.
Трудам ученого цена невелика.
Увы! Доишь козла и хочешь молока?
Халат невежества взирает свысока,
За весь твой ум не даст и дольки чеснока.
Старинной дружбы храм раздором осквернен.
Я другу доверял. Сегодня предал он.
Осталось только встать, покинуть это место,
Потом, уж издали, отвесить всем поклон.
Я сам – порочное, должно быть, существо:
Не в силах видеть я порочных – никого.
Настолько мерзкою мне кажется эпоха,
Что хочется сбежать из века своего.
Понятно, ты чужой среди ослиных стад,
Про знание твое прознают – не простят.
Хотя б однажды в год водою напоили!..
Зато сто раз на дню слезами опоят.
Я с нынешнего дня с наукой не знаком!
Седобородые, туда, где пьют, пойдём!
До мерки «семьдесят» наполнился мой кубок;
Боюсь откладывать пирушку на потом.
От глубины Земли до высшей из планет
Загадкам Бытия сумел найти ответ,
Сплетенья всех причин извлек на белый свет,
Расплел я все узлы, но узел Смерти – нет.
Покрова с вечных тайн ни ты не снял, ни я:
Неясным письменам ни ты не внял, ни я.
Гадаем мы с тобой о скрытом за покровом..
Но упади покров – ни ты б не встал, ни я.
В науке странствуя, порой менял я взгляд,
В утрате цельного пути я виноват.
Такой диковинке любой зевака рад:
У однорукого в сто рукавов халат.
Вращения небес не разгадал я, нет.
Ни крохи из того, о чем мечтал я, нет.
И вот свои труды проглядываю с болью:
Постигшим этот мир за век не стал я, нет.
Наукой с Мудростью я очарован был,
В их тайны проникал, их образы лепил..
Но Мудрость – муторна, Наука – недотрога.
Как только их познал, обеих невзлюбил.
Кто жемчуга идей сверлили так и сяк
И про любой пустяк шумели: «Божий знак!» –
Начала нити тайн они не отыскали.
Потешили зевак. А там и дух иссяк.

Глазели в небеса, болтали так и сяк;
Жемчужины наук сверлил любой простак –
И попадал впросак, толкуя тайны неба.
Потешили зевак. А там и дух иссяк.
Ушли!.. И век вослед клянёт нас, возмущен:
Мол, хоть бы перл из ста был нами досверлен!
Увы! Не только сто – сто тысяч откровений
Вдолбили бы глупцу, когда бы слышал он.
Каких мыслителей века смели, саки!
Все спят во прахе грез, вон в той пыли, саки.
А все их мудрости, – испей вина и слушай, –
Вчерашним ветерком шумят вдали, саки.
Поройся в памяти: еще хранит меня?...
Никто от слез, как ты, не оградит меня.
Саки! Уж коль и ты не снимешь боль, то кто же
В стране, куда уйду, развеселит меня?
Был кислым виноград, стал сладким. Но поди ж,
Чем горечь винную разумно объяснишь?
Коль дерево в лесу срубили сделать лютню,
К чему про флейту речь – про плачущий камыш?
О сердце! Истина, и та – словечко, звук;
Тем более нужда не стоит наших мук.
Коль тело мучит рок, вином залей недуг:
Разбитое судьбой не воскресишь, мой друг.
Я к розам и к вину без устали спешил,
Запущенностью дел я всех вокруг смешил.
Мне надо было бы искать иные цели..
До них я не дошел. Верней, не заслужил.
Безволье пред Творцом пресечь бы – ну никак;
Из ханжества народ извлечь бы – ну никак.
Уж и хитрили мы, и к разуму взывали:
Осиливая рок, налечь бы!.. Ну никак!
Ученьем этим мир поправил бы дела,
Вседневным праздником тогда бы жизнь была,
И каждый человек своей достиг бы цели
И заявил бы: «Нет!» – безумной власти зла.
Я сердцем изнемог. Скорей вина сюда:
Проворно, будто ртуть, из рук бегут года.
Встань! «Счастье наяву» нам снится, как всегда,
А «пламя юности», пойми, мой друг, – вода.
Уж раз меня сюда буквально за грудки
Да и погонят прочь желанью вопреки,
Встань, опояшься и проворным будь, саки:
Начну смывать вином пласты земной тоски.
Доколе маяться в притоне воровском,
Где так бессмысленно плетутся день за днем?
Неси вина! Скорей! – Пока остаток жизни
Никто не умыкнул, прельстившись кошельком.
Саки! Вокруг меня, в груди ли – пустота?
В лесу, где прежде львы бродили, – пустота.
Ты что ни ночь бутыль обмахивал от пены.
Мы наконец пришли!.. В бутылки – пустота.
Я много по горам да по степям кружил;
Не ублажил судьбу, достатка не нажил.
Я вдоволь бедовал и лишь одним доволен:
Жил худо, бедно жил, но – худо-бедно – жил!
Я много по горам да по степям кружил,
Я из конца в конец по всей земле спешил –
И никогда никто навстречу не попался.
(Обратно нет пути, коль путь не завершил.)
Саки! Истлею здесь скорей, чем под землей.
Легко покойникам: доступен им покой.
А я кровавых слез чуть отстираю пятна,
Слезами новыми подол запятнан мой.
Народы, что нашли, сойдя в приют смиренный,
Забвение невзгод и нищеты презренной,
Со Смертью шепчутся: «Как жалко, жалко всех,
Кому в грядущее брести по жизни брэнной!»
Саки! Один бы вздох над кубком Бытия,
Один счастливый вздох, и успокоюсь я.
Мгновенье радости дороже всех соблазнов:

Надежда никогда не сбудется ничья.
Пусть я разоблачен, толпа кругом права,
Не думай, что меня расстроила молва.
Забудутся дела, забудутся слова,
Едва моя во прах склонится голова.
Оковы рабские не снял я до сих пор.
Ни мига радости не знал я до сих пор.
Уроки мне судьба втолковывала долго,
Но только мастером не стал я до сих пор.
Душе среди наук опоры все же нет:
Ученые кругом – людей, похоже, нет.
Наполни кубок мой, чтоб я немного ожил:
Пути отсюда мне сегодня тоже нет.
Друзей сомнительных, я болтунов дичусь,
Со стоном собственным беседовать учусь.
Сегодня, чувствую, в последний раз рыдаю:
Навек отплачусь ли – иль веком отплачусь.
Как, небо, ни кружись, все горше тьма во мне;
Оковы можешь снять: моя тюрьма во мне.
На недостойного глупца взглянуть не хочешь?
Достоин взгляда я, раз нет ума во мне.
Я знаю, небосвод, мой добрый опекун:
Смерть – камень, жизнь – стекло, а ты – палач и лгун.
До мерки «семьдесят» наполнится мой кубок,
Ты выхватишь его и ахнешь об валун.
Из кабака Судьбы, где одуревший люд
Решил мне учинить позорный самосуд,
Сбегу наружу я – внезапно, прежде смерти!..
Неужто хватятся и догонять начнут?
По жизни уж едва бредет душа моя,
Хоть самый ровный путь старался выбрать я.
Хотел бы загодя узнать кошмары ада?
Ад – это подлецы, пролезшие в друзья.
Вновь зеркало небес подстроило мне тут
Судьбой науськанных подонков самосуд!
Лицо – пыланьем слез наполненная чаша,
А сердце – кровью лет наполненный сосуд.
О, если б дотемна ночлег найти тебе,
А лучше б увидеть конец пути тебе..
О, если б из земли, как травы, отоспавшись,
Сто тысяч лет спустя опять взойти тебе!..
Однажды прежние места искать начнешь,
Надеждой прежнею себя ласкать начнешь
На встречу с юностью, с минувшими друзьями.
«Найдем! Ведь ждут они!» – ты сердцу лгать начнешь.
Здесь насадивших сад – их никого уж нет;
Здесь возводивших дом – ни одного уж нет..
«А где же их сосед, когда-то мне знакомый?» –
«Жить долго приказал: ведь и его уж нет».
Хоть раз мои труды губить не стало б небо,
Свое сочувствие хоть раз явило мне бы!..
Лишь только в забытии счастливый вздох издам,
Как распахнется дверь – всем бедам на потребу!
Пришедший в этот мир, в сомнительный притон,
Успей хоть захмелеть, пока не разорен,
Пылание невзгод залить вином: на гостя
Землей обрушится, задушит ветром он.
Не мучай сердце, брось, не то тебе в укор
Шепнет оно в тоске: «Господь! До коих пор?...»
Богатство и красу не полагай защитой:
Одно утащит вор, другую – злая хворь.
Хоть сладостна, хоть зла, а жизнь уйти должна.
То Нишапур, то Балх, вот чаша и полна.
Так пей! И после нас чередоваться будут
То оскудевший серп, то полная луна.
Откупори бутылку и алой чистоты
Плесни, а то вокруг так мало чистоты.
Пожалуюсь вину: устал я убеждаться,
Что в остальных друзьях не стало чистоты.
Не я храню, не я пинаю черепки..
Предпочитаю хмель на берегу реки.

Не стать огнем, коль все чадят, как угольки,
И красотой – среди уродства... Пустяки.
Во цвет багрянника вина неси, саки.
Иду я к пропасти, скорей спаси, саки!
Освободи меня, лей столько, чтоб забыл я
Судьбой навязанный печальный путь, саки.
Я грешен, я в огне таком, что дыма нет,
Спасения нигде от нищеты мне нет.
К мучителям тянусь за милостыней малой,
Но милости ко мне в людской пустыне нет.
Осталось мне, саки, вздохнуть разок, и все.
Остался от бесед мой шепоток, и все.
Вчерашнего вина осталось меньше кубка.
А жизни?... Если б знать: такой-то срок, и все.
Мне в книгах бедствия такого не нашлось,
О стольких горестях слышать не довелось,
Не знают смертные, что значит: смерть от жажды,
Хотя над головой сомкнулось море слез.
Саки! Моя беда известна всем давно,
И, как ни пью, помочь не может мне вино.
Но ты настолько юн, что я забыл седины
И сердце дряхлое опять весны полно.
Безжалостная Смерть уж у дверей, саки.
Прощального вина плесни скорей, саки.
Печали побоку, устроим сердцу праздник
Из этих двух ли, трех последних дней, саки.
Судьбой обыграны все те же мы с тобой.
Хоть на прощанье мир потешим мы с тобой:
Назло судьбе, саки, вино в руках мы держим –
Вот истину в руках и держим мы с тобой.
Не изумляться тут – чему, сынок, скажи?
Осмыслить Бытие хоть кто-то смог, скажи?
Кто вправду счастлив был хотя б денек, скажи,
Кто не предчувствовал плачевный рок, скажи?
Коль сердце от тоски томится у тебя
Иль жуткое в делах творится у тебя,
Полезно расспросить, что на сердце у прочих,
И сердце, право же, взбодрится у тебя.
Мудрец изгнал печаль и не до дна не пьет,
Иначе как налив себе сполна, не пьет.
А кто хранит печаль и отстраняет флягу?
Бедняга: беды пьет. Болван: вина не пьет.
В мечтах я облетал вселенную кругом –
Скрижаль, и рай, и ад выискивал тайком.
Словам Учителя поверил лишь потом:
«Скрижаль, и рай, и ад – ищи в себе самом».
Коль хочешь, подскажу, как в жизни клад искать,
Средь бедствий мировых душевный лад искать:
Лишь надо от вина ничем не отвлекаться,
Лишь наслаждение весь век подряд искать.
Не трусь перед судьбой, тогда сверкнет во мгле
Священное вино на нищенском столе.
Сначала – из земли, в конце – обратно в землю;
Считай, ты под землей, идущий по земле.
Отвергло небо мир? Тогда война. Ну что ж.
Попрали честь? Позор приму сполна. Ну что ж.
Вон в кубке – как багров стал цвет вина!.. Ну что ж,
непьющий! Вот он – я, и камень – на. Ну что ж!..
Доколь из-за вранья и злых повадок жизни,
Доколь взамен вина глотать осадок жизни?
Так жизнечерпий подл и до того хитер,
Вот выплесну пред ним дрянной остаток жизни!
О небо! Не тащи на пьяный свой дебош!
Гляди: я на ногах, а ты уж не встаешь.
И что с меня возьмешь? В руке – последний грош,
И жизнь моя – не жизнь, а горестная дрожь.
О, горе! Истлевать бесплодно не хотим мы,
Но жернов неба нас крушит неотвратимо.
И не успел моргнуть, как жизнь мелькнула мимо..
Что не достигнуто, уже недостижимо.
Ох, небо! Скрыге ты любые вещи – на!

И баню, и дворец ты, не переча, – на!
А с мудреца залог берешь за корку хлеба.
Такому небу мы – душок порезче: на!
Бродягу встретил я. Ничто ему не в лад:
Ни истина, ни ложь, ни Бог, ни шариат,
Ни мир, ни монастырь, ни вера, ни разврат...
Вот это мужество! Плюет на все подряд.
Вот-вот бы Новый год! – но Рамазан настал,
Поститься вынудил, как в цепи заковал.
Всевышний, обмани, но не лишай застолья –
Пускай все думают, что наступил Шаввал!
Тот, чуждый зла, кувшин с поклоном навести,
Одну себе налей, другой – меня почти.
Когда судьба пинком отбросит нас с пути,
Все ж глиной на кувшин сумеем мы пойти.
Все дни и ночи я в хмельной поток ныряю,
От бешеных небес я – наутек – ныряю!
Корабль моей судьбы вот-вот пойдет ко дну,
Так исчезать в воде учусь я впрок: ныряю!
Сегодня снова юн и счастлив я, пока
Хмельною горечью обманута тоска.
А горечь не порок, в вине она приятна,
Привык я к горечи, вся жизнь моя горька.
Хмельное в юности возносит – лучше нет.
Вино красавица подносит – лучше нет!..
Но тленный мир, увы, – руины, сон кошмарный.
Упьюсь! Вино, как смерть, подкосит – лучше нет.
Не обновится мир. Он сгнил уже давно.
Здесь никому ни в чем удачи не дано.
Еще б винца, саки! Уважишь иль откажешь –
Что так, что эдак, всем свалиться суждено.
Хлопочем!.. Но дела идут своим путем.
Неужто ничего не завершим путем?
Беспомощно сидим, привычно причитаем,
Что опоздали мы, а скоро прочь пойдём.
Краса вселенной! Брось тащить под нищий кров
Доходов и потерь бессмысленный улов.
Саки подать вино последнее готов,
Так хоть теперь забудь о жути двух миров.
Без хмеля день и день связать я не смогу,
Вином не подкрепясь, и встать я не смогу.
Я чувствую, что стал рабом того мгновенья,
Когда саки нальет, а взять я не смогу.
О сердце! Намекни: ну в чем твоя услада?
Так мимолетна жизнь, что жизни ты не радо.
И мы, и мир – ничто; и плач, и смех – ничто;
И, право, за «Ничто» ничем платить не надо!
Сейчас бы яблоки на скатерть да салат,
Потом жаркое бы с тархуном... Виноват,
Я гостю очень рад, но сад уже не прежний.
Попробуй лук-порей. Вот луком я богат.
Нет, нам с тобой судьба вина испить не даст,
Чем нас расцеловать, скорее – жить не даст.
«Покайся! – говорят. – Уже пора подходит».
В чем каяться? Господь и согрешить не даст.
Кто царь пропойц, меж них и кости сложит? Я.
Кто горести свои грехами множит? Я.
Кто сердце так спалил, что и ночной молитвы
Без помощи вина вознесть не может? Я.
Ошибка: старостью вершить цепочку дней.
Гранаты щек моих с годами все синей.
Хибара ветхая на четырех опорах
Вовсю шатается, жить невозможно в ней.
Нет, мир не страшен мне. Не света я боюсь
И не из смертной тьмы привета я боюсь.
Смерть – это истина. Не мне страшиться правды.
Я не всегда был добр – вот этого боюсь.
Когда помру, когда отплачетесь по мне,
Постелью скромною довольствуюсь вполне.
Лишь об одном прошу: кирпич под изголовье
Лепите не с водой, мешайте на вине.

Взбрело душе гулять, из тела ускользнуть,
И вот гадаю, как закрыть ей этот путь.
Ах, я же виноват?... Да сто шипов ей в язвы!
Не стань гулящею, чтоб лиха не хлебнуть!
Куда ни побреду, судьба плюется вслед.
Делами ли займусь, ни в чем удачи нет.
Душа уходит прочь... «Постой! Ведь я погибну!» –
«Мой дом разрушился», – доносится в ответ.
Поскольку этот мир – колючие кусты,
Не странно, человек, что весь изранен ты.
Тот может ликовать, кто спешно мир покинул,
Блажен, кто не набрел на здешние цветы.
Мой враг – степной Восток, где каждый сухоцвет
колючкой тянется, чтоб уязвить вослед.
Становится врагом измученное тело..
Одно спасение: с душой разлада нет.
когда б небесный свод построен был умно,
По нраву небосвод пришелся б нам давно.
когда бы на небе судьба вершилась мудро,
У мудрых на сердце так не было б черно.
Бродя под куполом, не глядя в бирюзу,
Мы ищем выхода, как муравьи в тазу.
Кружится голова. Куда свой груз несущи?...
Как бык на мельнице, мы кружимся вниз.
Друзей с тропы судьбы спокойный путь сманил:
Рок налетел, как вихрь, и сзади – цепь могил.
Степной мираж и нам уж не прибавит сил,
И далеко привал, и вьюк осла свалил.
Где счастье?... Повторять лишь имена осталось.
Друзья ушли, хотя полно вина осталось.
Все выпустил из рук, но чашу – удержи,
которую теперь испить до дна осталось.
Друзей, с которыми сидели мы досель,
Поуводила Смерть в уютную постель.
Им так понравилось вино существованья!
И – раньше нас на круг свалил их сладкий хмель.
Отведавши вина, как ликовали мы!
Из грязи – в небеса, о, как взлетали мы!
Пора и очиститься. Плоть поснимали мы:
Из праха мы пришли, вновь прахом стали мы.
О, как поддались мы Семи и Четырём?!
От Четырех с Семью спасенья не найдем.
Напьешься скорби ты, наполнив скарбом дом
И вдруг сообразив, что как уйдем – уйдем.
Никто остановить полет планет не смог.
Людьми наестся прах за столько лет не смог!..
Спесивому – урок: уймись, пока не съеден,
Пока поужинать тобой сосед не смог.
Сказала рыба: «Что? Нам жарко? Не беда.
Не мог ручей пропасть, опять придет вода!»
Но утка ей в ответ: «Нас жарят, это да.
Где смерть, там хоть ручей, хоть море – ерунда».
Увы тебе, щенок, мой суетливый зверь!
Охоту счел игрой, добежался теперь.
Наверно, потому, что был к костям привержен,
навек забыть о них клыком заставил вепрь.
И дом уже подмыл потоп, меня доставший,
И плещет через край из жизни – мерной чаши.
Ах, сердце, не до грез! Носильщики Судьбы
уже куда-то прочь несут пожитки наши!
Взгляни, бутоны роз разнежались в тепле,
Пленяя соловья в рассветной полумгле.
Присядь под сенью роз! Дождь лепестков так долго
на землю будет лить, а мы – уже в земле.
чтоб рок войну со мной и вдруг забыл? чудно!
И гору на меня не своротил? чудно!
чтоб кадий, прокутив казну своей мечети,
Гашишем медресе не совратил? чудно!
Я чашу весом в ман облюбовать хочу,
Зараз ведро вина в нее вливать хочу.
Я трижды отрекусь от Веры и от Мысли,

Я только дочь Лозы женой назвать хочу!
Пусть мой питает дух струя вина всегда!
Пусть мой ласкает слух твоя струна всегда!
Когда же плоть моя кувшином звонким станет,
Пусть будет пламенным вином полна всегда!
Хоть мы еще не прах, но дни скудным-скудны,
Приметы Бытия для нас черным-черны..
Зато в ладоши бьем, когда хмельным-хмельны,
Продляя пляской дни, что вновь полным-полны!
Кувшину этому, глядите, грош цена,
Но хмелем я его наполнил допьяна,
И так-то мне, друзья, он булькал по дороге:
«Я тоже, как и ты, полно хлебнул вина».
Вот отпылала мы. Где дым остался? – там.
Весь денежный доход где проедался? – там.
Но кто честит меня пьянчугой харабатным –
Знавал ли харабат? Где обретался там?
О красках мир забыл, снегами весь укрыт.
Напомним! Пусть у нас рубин вина горит,
И благовонный уд лесным дымком пьянит,
И благозвонный уд мелодией пленит.
Хрусталь с рубиновым подай, сынок, сюда,
Чтоб сквозь него луна казалась молода!..
Ведь «пламя юности» – присмотришься – вода,
А «счастье наяву» – приснилось, как всегда.
Шиповник с облачных крутых вершин летит,
Совсем как белый цвет земных долин летит.
Багряное вино я лью в лилейный кубок,
А из лиловых туч на луг жасмин летит.
С ночных небес вот-вот обрушится беда..
Вели, красавица, вина подать сюда.
Ты, драгоценная, – не золото, глупышка:
Зарыв, откапывать не станут никогда.
О, милое дитя, ты робостью пленишь,
Но лучше, коль со мной робеть повременишь:
Глаза ли влажные мне рукавом осушишь,
Сухие губы ли устами увлажнишь.
Поймешь, когда пройдешь по всем путям земли:
Следы блаженств и бед сливаются вдаль,
Потом с лица земли добро и зло уходят..
Так хочешь, болью стань, а хочешь – исцели.
Судачат: я гульбой, презрев молву, живу.
Попойками во сне и наяву живу!..
Открытое для всех, подумает, открытье:
Вот чем я в тайниках души живу – живу!
А ну, возьми перо и вычислить сумей,
От жизни сколько взял и сколько отдал ей.
Твердишь: «Вина не пью, поскольку смерть близка», мол.
Конечно, смерть близка, хоть пей ты, хоть не пей.
Стрелой ударит Смерть, и щит любой – ничто,
И жест торжественный, и клад златой – ничто.
Я в жизни высмотрел один завет великий:
«Живи и радуйся!» Ты пред Судьбой – ничто.
Мы чистыми вошли – нечистыми ушли;
Мы радостно пришли – слезами изошли.
Зажгли огонь в сердцах – водою слез залили,
Отдали ветру жизнь и в вечный прах сошли.
Доколе красотой пленяться должен ты,
За добрым и дурным гоняться должен ты?
Да хоть змеиный яд, да хоть вода живая,
А в землю все равно впитаться должен ты.
Я в тайны проникал, давалась мне любая
Загадка ль на небе, задача ли земная.
Семидесяти двух не пожалел я лет,
И... Знаю я теперь, что ничего не знаю.
Над каплей, плакавшей, собираясь в дальний путь,
Смеялось море: «Вновь вернешься как-нибудь:
От Бога мир – един. Однако не забудь:
„Движенье точки“ все способно разомкнуть!»
Дождинки-странницы мне в сердце плач проник:
«До моря бы скорей добраться напрямик!»

Прочь унесло ее, быть может, верно к морю.
«И вы – такие же!..» – ее прощальный крик.
Покинув тайный мир, я соколом парил.
Как радовался я свободе сильных крыл!
Увы! Никто восторг со мной не разделил.
И я спустился вновь туда, где прежде был.
Вот так и ты уйдешь, обманутый кругом
Вначале сказками, печальями потом.
По дому сквозняки. Ну как свечу зажжешь ты?
А в поле сплошь потоп. Ну как построишь дом?
В ветвях Надежды я ищу последний плод –
Который нить моих желаний разорвет.
Доколе мне искать в тюрьме существования:
Где дверь, которая в Небытие ведет?
Ушла впустую жизнь, и не вернуть назад.
И вот еда вредна, и вот дыханье – смрад.
Сперва-то каждый рад плевать на все наказы..
Потом терзаемся, из жизни сделав ад.
Вином меня, друзья, спешите оживить,
Ланиты-янтари рубином подновить!
А если все ж умру, вином меня омойте
И не забудьте гроб лозою перевить.
Под перезвоны чаш пусть отпоют меня,
Омытого вином пусть погребут меня.
Когда захочет Бог призвать на Суд меня, –
Где пахнет погребком, легко найдут меня.
В заветном кабачке по-дружески сойдясь,
Красой любимых лиц, как прежде, насладясь,
Примите от саки магического зелья,
Представьте и меня, несчастного, средь вас.
На что он старику, рассыпавшийся храм?
Любое по сердцу, что рок готовит нам.
Коль что-то попрошу, так тут же и отдам.
И смерть приму как зов: меня заждались – там..
Учением своим впустую обольщен,
Я не предчувствовал всемогущия препон..
Теперь нельзя мне спать, вином снимаю дрему,
Покуда не свалил меня последний сон.
В пути запуталась душа в добре и зле..
Чист от добра и зла лежащий здесь, в земле.
Немало путников пройдут по нам с тобою,
Забывшим обо всем в неведение, во мгле.
Вы снова встретитесь когда-нибудь, друзья,
Напомнит обо мне багряная струя,
И чашу, до меня дошедшую по кругу,
Вы опрокинете – как если б выпил я.
Как мимолетный гость, когда покину вас,
В преданья обо мне вложите мой наказ:
«Здесь глиной прах его становится; слепите
Кувшин для кабака, когда настанет час».
От ветхости небес – и жизнь полумертва.
Где корни дел моих? Где гордая листва?
Пока внутри шатра увязываю вещи,
Саки, подай вина. Все прочее – слова!..
Дух – за уборкою жилища моего.
Он разыскал места почти что для всего.
Лишь это тело – саз... Так шелково звучал он,
Но Время, тренькая, разбило вдрызг его.
От Смерти убежать когда устану я,
Как дичь, ее рукой оципан стану я,
Молю вас на кувшин пустить мой прах несчастный:
Почуяв винный дух, а вдруг да встану я?
Когда судьба меня растопчет, как цветок,
Рассеет по земле мой каждый лепесток,
И глиной станет прах, кувшином станет глина, –
Налей вина в кувшин, чтоб он воскреснуть смог.
Потомков приводя, показывайте им
Могильный холмик мой, наказывайте им:
«Здесь глиной станет прах, вином его смочите
И, наполняя хум, замазывайте – им».
Хозяева гробниц рассыпались дотла:

Объяты их частиц могила расплела.
Чем упились?... Пока не выгорит дотла
Вселенная, проспят, забыв про все дела.
Добру в жилище зла не верьте: ускользнет;
Приплясывай, лови – как ветер, ускользнет.
Тому, что я ушел, пусть радуется тот,
Кто думает, что сам от смерти ускользнет.
И сеет Рок, и жнет не покладая рук.
Плачевен урожай невыносимых мук...
Скорей подай вина! Так захотелось вдруг
Былое помянуть: все было, милый друг.
В шести... в пяти живых... нет, уже в двух!.. в одном! –
С рожденья Смерть сидит в любом из нас, в любом!
А взять пиры Судьбы: сберемся за столом –
То соли не найти, то соль лежит на всем.
Допустим, небосвод спохватится, и вот
Порядки Бытия в порядок приведет.
Но разве же друзья допраздновать вернуться?
Но разве я годам начну повторный счет?
Шепнуло небо мне в ответ на злой упрек:
«Но в чем повинно я, коль мною движет рок?
О, спас бы кто меня от головокруженья,
От власти роковой избавиться помог!»
В игре добра и зла, отрады и невзгод,
Коротких ясных дней и долгих непогод –
Что ж небо обвинять!.. Палач, но подневольный.
Ты лучше пожалей несчастный небосвод.
Чем ближе к смерти я, тем каждый день живей;
Чем царственнее дух, тем плоть моя скудней...
Все удивительней вино существования:
Чем отрезвленной я, тем становлюсь хмельней.
Чем меньше мне дышать, дыханье все полней.
Чем медленней иду, догнать меня трудней.
И все живое мне, простившемуся с жизнью,
Чем чужероднее, тем ближе и родней.
Есть время праздновать и время горевать,
И кутать нас в ковры, и снова их срывать...
Когда мудрец легко все это принимает,
Тогда окажется: легко и умирать.
Когда в погоне Смерть задышит за спиной,
Когда в глазах у нас померкнет мир земной,
Сердца – веселыми швырнем на сито жизни!
И можно пылью стать под уличной метлой.
Вот я смиренно лег под траурный покров,
И закопать меня могильщик мой готов...
Вино! Восстань из тьмы, покинь бутыль-могилу,
Чтоб сердце мертвое во мне забилося вновь!
Пусть вечно дух хмельной, венчая путь земной,
Из глубины земной восходит надо мной.
К могиле подойдет измученный похмельем,
Вздохнет он надо мной – и сызнава хмельной.
Уж книгу жизни мне покинуть – ах, пора,
У Смерти побывать в кривых когтях пора.
О добрый мой саки, век оставайся добрым!
Воды в дорогу дай: спускаться в прах пора.
Небесный круг – на мне истлевший поясок;
Джейхун – слеза моя, смочившая песок;
Ад – из пожара мук отпавший уголек;
Рай – первый миг, когда я отдохнуть прилег.
Вдруг этой ночью вновь тобою грезить стал,
Страницы давних лет в который раз листал.
Спасибо памяти, я вновь играл на лютне,
И пел, и пировал, и губы целовал...
«Душа вселенной – мы...»
О, сгусток, слепленный из четырех основ!
О сущности души послушай пару слов:
То дэва жуткого, то дева райских снов –
Ты видишь сам себя: ты в этот миг – таков.
Пока на золотой стремишься звон, ты – звон
Пока душе милей не явь, а сон, ты – сон.
Вникай! Не нам, а нас цель страсти изменяет.

любой предмет: тебя пленяет он? Ты – он.
Не дай себя отвлечь, за блесками не рвись;
Добра ли, зла судьба, а все равно – трудись.
В игре не только ты, все проиграть способны:
И Мекки гордый храм, и небосвода высь.
Искатель истин, ты истратишь век земной,
Но удержать в руках не сможешь ни одной.
Вот так: пока вино не льем мы в кубок твой,
живешь в неведение – что трезвый, что хмельной.
Чтоб сана тайного достичь когда-нибудь,
Не вздумай слабого хоть раз стопой пригнуть.
Не накликай беды, не помышляй о смерти:
Они и без того к тебе отыщут путь.
Пускай хоть пять веков судьба тебе дала,
Не долголетие прославит, а дела.
Будь мудрым! Чтоб молва тебя не прокляла,
Стань доброй сказкою, а не исчадьем зла.
В пути не шествуй так, чтоб каждый тут и там,
Завидев, вскакивал и возглашал «салам!»,
И так в мечеть входи, чтоб люд не расступался,
Почтительно шепча: «Наверное, имам!»
Великий стыд и срам: боготворить себя,
В душе презреть народ и воцарить – себя.
У зоркого зрачка полезно б научиться,
Взирая на людей, совсем не зрить – себя.
Ты думал ли о том, что предок наш – Адам?
Хоть мы разобщены благодаря векам,
Чужими кажемся и чуждыми друг другу,
Родство – мое с тобой – нельзя оспорить нам.
Пусть извели тебя безрадостные дни,
Пусть яростью небес исполнены они,
Пусть ты горишь в огне! – глотком воды студеной
из чаши подлеца уста не оскверни.
Как только хлеб себе сыскал на день-другой,
И пусть кувшин надбит, но плещется водой, –
Рабом ничтожества зачем же оставаться?
Иль делать равного себе – своим слугой?
Достойней кость глотать, но вольным быть орлом,
Чем у ничтожества приткнуться за столом.
Бедняцкий хлебец грызть, ей-богу, благородней,
Чем меж мерзавцами мараться киселем.
Довольно лебезить пред падалью любой,
К объедкам дармовым, как муха, лхнуть душой.
Лепешка на два дня – сытней любых подачек,
Ешь лучше плоть свою, чем жирный плов чужой.
О юноша! Старик дает тебе совет,
Взошедший на дрожжах преклонных мудрых лет:
Не разводи друзей, о коих мало знаешь,
Не заводи затей, от коих пользы нет.
В общенье с мудрецом ищи себе оплот,
Невежду углядев – за сотню верст в обход.
Коль поднесет мудрец, и кубок яда выпей,
А потчует глупец, выплескивай и мед.
«От харабата зло», – частенько говорят.
Но зло таится в нас. При чем тут харабат!
Все видится кривым, когда глаза косят,
И видит кривизну лишь выправленный взгляд.
Пока с самим собой дружить мне тяжело,
Не вправе я судить ничьи добро и зло.
Я должен сам себя постигнуть до предела,
Чтоб сердце понимать других людей смогло.
Прекраснокудрую обнимешь – хорошо!
И чашу сладкую поднимешь – хорошо!
И пусть рука судьбы еще помедлит малость:
Хоть малость у судьбы отнимешь – хорошо!
Вот из твоих минут еще одна пойдет.
Ее украсят смех и блеск вина? – Пойдет!
Доверилось тебе сокровище вселенной –
Жизнь. Поведешь куда, туда она пойдет.
Судьбу-насилъницу в ночной покой непустишь,
И память скорбную сгубить тоской непустишь,

И по ветру любовь своей рукой не пустишь,
Тогда и на ветер свой век земной не пустишь.
Проснешься ль поутру, ложась сегодня спать?
Так семена добра не мешкай рассеивать.
Неужто этот мир промедлят отобрать?
Так сердцем торопись друзей распознавать!
Уж будто мудрецу не виден мир невзгод?
Однако посмотри, как весело идет!
Пойми же: хорошо подходит к жизни тот,
Кто кубок жизни пьет, но горечи – не пьет.
Сердечным прихотям влюбленно угождай,
По крохе дней своих собирая урожай.
Со всех сокровищниц, куда стремится сердце,
Сбери свой урожай и сызнова раздай.
Вот дело доброе. Любуешься. Но все ж
Суди не прежде, чем с изнанки повернешь.
Портных бери в пример: хотя на лицевую
Глядят, ведя стежок, с изнанки вид – хорош.
На поиски того, что есть, что надевать,
Конечно, сколько-то душевных сил потратить.
Весь прочий ворох благ и взгляда-то не стоит,
А уж отдать им жизнь... Ведь это жизнь отдать!
Кому завидуешь – на царство возведешь,
А кем побрезгуешь – до рабства низведешь.
Но спохватись, пока помочь посильно можешь,
Так и в беспомощном помощника найдешь.
Тому, кто ни хвороб, ни голода не знал,
Кто на чужой дворец свой кров не разменял,
Прислуги не держал и сам слугою не был, –
Завидуй: с бытия такие сливки снял!
В верха не лезь; вперед стремясь, других не сбей.
Отбросив яд, дари бальзам души своей.
Чтоб зло тебя на злой земле не поразило,
Злу не учись, злу не учи, зло не лелей!
Лишь только пожелай, добьешься без хлопот,
Чтоб уважала знать, любил простой народ.
Прошел христианин, еврей ли, мусульманин,
Вослед им не злословь – и обретешь почет.
Храни свои слова надежнее монет:
Дослушай до конца, потом давай ответ.
Тебе, при двух ушах, язык один достался,
Чтоб выслушал двоих, но дал один совет.
Эй, путник! Не проспи, не проморгай свой путь,
Стрелюю, без толку порхающей, не будь
Иль тем учеником плетельщика веревок:
Историю о нем в дороге не забудь!
На тропах мудрости умом не умались
И на беззлобного попутчика не злись.
В себя влюбить людей мечтаешь, так старайся:
Влюби себя в людей (но не в себя влюбись!).
Блажен, кто увлечен людской молвой не стал,
За шелк и за парчу платить собой не стал,
Симургом воспарил над тем и этим миром,
В развалинах сидеть слепой совой не стал.
Искатель жемчуга, на трудный путь решишь,
В пучину, к жемчугу, ты сам нырнуть решишь.
Пусть у веревки друг, жизнь на его ладони..
Не трусь над бездною и вниз шагнуть решишь.
Каким ты видишь мир, таким и создавай,
Живым движением над смертью восставай.
Сказал ты: «Самому б пошевелить рукою...»
Нет, не посмеешь ты; а смеешь, так давай!
Винопоклонникам – рассветы и цветы.
Сокровища – в сердцах, а кошельки – пусты.
Нас от незнания не знания спасают,
А постижение всеобщей красоты.
Цель жизни – в радости. Нельзя невзгодой жить,
Без тайного тепла под непогодой жить.
Чтоб не терзаться, то, чего лишишься завтра,
Сегодня отсекай! Учись свободой жить.
Не накликай беды, вгоняя сердце в дрожь,

О горестях забудь, и станет мир хорош.
Зови к себе друзей пропить последний грош,
Который в мир иной никак не унесешь.
Не придави рукой могучей никого,
Обидой не ошпарь горячей никого!
Коль ты измучился по вечному покою –
Терпя мученья сам, не мучай никого.
Кто в сердце мудрые начертит письмена,
Тот будет каждый миг использовать сполна:
Иль Божьей милости усердно добиваться,
Иль обретать покой над чашею вина.
Стихии подчини хотя б на краткий вздох
И радостью души застань судьбу врасплох.
Спознайся с мудростью, хотя в основе нашей –
Пылинка, искорка, кровиночка и вздох.
Кто беготню презрел и преспокойно жил,
Природе следовал, ее законом жил,
Везеньем полагал, что жить ему случилось,
Спокойно пил вино... Вот он – достойно жил.
Толпа в суждениях подобна всем ветрам.
Дай сердцу радости, построй ее как храм,
Не выстуди ее, поверив болтунам!..
Таких и помнит мир, кто был подобен нам.
Мы – солнечный росток, – ключи в корнях черны;
Свободой рождены – на гнет осуждены;
Темны – просветлены; мощны – измождены;
И ржа на зеркале, и чаша Джама – мы.
Мы – мудрость древняя, мы вскормлены вселенной,
И сами стали мы ее закваской пенной.
Мы – остов Бытия и крепь его частиц.
Вселенная – лишь тень, мы – дух ее нетленный.
От плоти от моей – плоть мира, круг земной.
А сердце – духовна обитель, мир иной.
Стихии, небеса, животные, растенья –
Во мраке отблески костра передо мной.
Все мирозданье – плоть; душа вселенной – мы;
Связуем суть ее и лик явленный – мы.
Познать их только нам доступно; это значит,
Миров обоих центр – один, нетленный – мы.
Быть целью Бытия и мирозданья – нам,
Всевидящим умом, лучом познания – нам.
Пойми же, человек, что круг вселенной – перстень,
Где суждено сверкнуть алмазной гранью – нам!

Приложение

I. Хайям?...

Это почти Хайям

Завесы роковой никто достичь не смог,
Предначертаний смысл никто постичь не смог.
По тропкам логики все колесим привычно,
Догадки с истиной никто сличить не смог
На что он старику, рассыпавшийся храм?
Любое по сердцу, что рок готовит нам.
Но кто честит меня пьянчугой харабатным –
Знавал ли харабат? Неужто был он там?
Хмельным багрянцем роз окрасилась весна.
Под переливы флейт испей и ты вина.
Я жизнью упоен, я сердце услаждаю.
Не пьешь?! Чем угощу?... Грызешь ты камни? – на.
Хоть зельем Бытия шатер наш разорен,
Тем более вина чураться не резон.
Дивлюсь, кто продает хмельную влагу: благо
Превыше, чем вино, купить задумал он?!
Сомнительно, что это Хайям
О Дух души моей и благо Бытия!
Воздать Тебе хвалу бессильна речь моя.
Ты – зрение мое, я прозреваю это,
Ты – знание мое, и это знаю я.
Он – всех великих дел начало и венец,
И форм изменчивых, и смыслов образец.
Так, например, Адам остаться мог бы глиной –
В мир Сердца и Души привел его Творец.

Со дня, как возвели для нас лазурный кров,
И завершили свод созвездьем Близнецов,
И Изначальный День свечой лучистой вспыхнул, -
Снопом лучей с Тобой связала нас Любовь.
О сердце! Не спеши стенать, что одиноко
И что твоя Зухра скрывается далеко.
Сперва в разлуке скорбь ночную одолей:
Что скажешь ты Любви, не выучив урока?
Мне дервиши - друзья, но я пред ними слаб,
Душа возвыситься до них и не смогла б.
Наглец! Ты дервиша почел за попрошайку!
Но перед дервишем султан - и тот лишь раб!
Морщины скорбные скорей сотри со лба:
К селенью не ведет угрюмая тропа.
Как жить тебе и мне, решать не нам с тобою.
Смирись-ка лучше с тем, что нам дает судьба.
Ключарь, державший ключ державных чар, - Али.
Чарующих садов души ключарь - Али.
Пресветлый государь, духовный царь - Али.
Душа рассветная, для душ фонарь - Али.
Я в мире предпочел два хлебца да подвал,
Отвергнув мишуру, оковы я порвал.
За нищенство души какую цену дал!..
И в этом нищенстве - каким богатым стал!
Дервиш. По имени его не знает свет.
Былым желаньям не глянет он вослед.
В пожаре нищенства горит он дни и ночи,
Но алчностью себя не допекает, нет!
Кто понимает Глас божественный, тому
Все эти мелочи земные ни к чему.
Вот я, на взгляд толпы, всего лишь попрошайка:
Ведь кланяются все - одежке, не уму!
Безгрешен набожный: ведь как стращаешь Ты!
А мы кругом в грехах: ведь их прощаешь Ты.
«Страданьем» он Тебя назвал, я - «Состраданьем».
Какое из имен предпочитаешь Ты?
О, не скрывающий прозренья всех грехов,
Хоть каждый прячется в обманчивый покров.
Вот я - по всей земле из худших наихудший,
Но Ты и к худшему нисколько не суров.
Терпи смиренно боль, и облегченье будет;
С мученьями смирись, и исцеленье будет.
Умей благодарить и за лишение благ -
От Повелителя благоволенье будет.
То Солнце, что всегда над небом есть, - Любовь.
Та Птица, что несет благую весть, - Любовь.
Любовь ли - соловьем, стеная, разливаясь?
Вот не стонать, когда смертей не счесть, - Любовь.
Уж вот и пик Любви, и близко торжество,
И вдруг - неверный шаг рассудка твоего.
Ты хочешь, головы при этом не теряя,
Достичь Любви? Поверь, не выйдет ничего.
О Птица дивная! Ночная пелена -
Твой сад; а блестящие звезд - не россыпи ль зерна?
А это - я: взгляни в Зерцало мирозданья,
Вон та в твоей груди кровиночка одна.
Вдруг ночью - глас: «Меня совсем не там ты ищешь.
Лишь там, где нет Меня, по сторонам ты ищешь.
Сумей-ка на себя взглянуть со стороны:
Я там, где ты, я - ты! Себя же сам ты ищешь!»
Мудрец: «Един во всем - единосущ Аллах».
Глупец: «Выходит, Он живет в моих врагах?»
Хоть волны на море совсем не знак волненья,
Камыш: «Оно, как мы, испытывает страх?...»
Кто Истине чужды - всю ночь, вотще молясь,
Намазом заняты и не смыкают глаз.
А нам он ни к чему: мгновенье рядом с Другом
Значительней для нас, чем вековой намаз.
Порою, как Муса, насмешками прибит,
Порою, как Яхья, отчаяньем убит...
Для сердца своего собираю ожерелье,

Коплю я, как Иса, жемчужины обид.
Не забегай вперед, но и отстать не смей,
Утратившим себя растяпой стать не смей.
Однажды в океан нырнув единобожья,
Лукавомыслеи над ним восстать не смей.
Будь добр, по-доброму смотри на все вокруг,
Что получаем мы из Высочайших Рук.
Над ничтогой моей не торопись смеяться:
За это, может быть, со мной и дружит Друг.
На блюде Бытия – узоры дивных стран:
Портрет Чеканщика содержит сей чекан.
Древнейший океан волною плещет новой –
Безбрежной Истины поющий океан.
Саки! Твой лунный лик весь мир животворит,
Он в сердце и в моем, как и во всех, царит –
Как солнце!.. Или нет: как солнышко в росинках,
На всех – единое, и все ж во всех – горит!
Саки! Твоя слюна – напиток наш хмельной.
Нам не узреть Тебя, но след мы видим Твой.
Щедры Твои уста – источник благодати,
Сто Хизров и Мессий поит родник живой.
Начало. В небе диск помчался золотой.
Конец. Прекрасный мир рассыпался трухой..
Нет, силой разума не охватить такое,
И для сравнения нет меры никакой.
Как изумляет нас кружение небес!
Загадками полно движение небес.
Идет во все дела вторжение небес,
Но как обжалуешь решение небес!..
Земля и небеса добры вначале были,
В избытке радости, а не печали были.
Но испокон веков грызня, скандалы были,
Вопросы тщетные: «Чего им мало?!» – были.
Где два-три неуча сойдутся за столом –
Верхи премудрости на поприще земном! –
В осла преобразись, не то осла потом
Любого не-осла ославят – кем? – ослом.
Не слыша мудрости, что ж мудреца бранить!
Медяшке золото в цене не уронить.
Представь невежду – псом, ученого – рекою.
Собачьим языком реки не осквернить.
Мужчина только тот, кто пемзой черных дней
Сдирает ржавчину и грязь с души своей.
На то и мужество: чем чище, тем трудней,
Светлее белизна – заметней пыль на ней.
В любви, и только в ней, вся наша красота.
Лишившийся любви – последний сирота.
А кто вином любви омыть не хочет сердце,
Тот отличается не многим от скота.
Кагану, кесарю и шаху – блеск дворца.
Для праведника – рай, и ад – для подлеца.
Невозмутимый лик – привратнику Эдема.
А нам – возлюбленных прелестные сердца.
Да что с красавицей? Твой Ангел неземной
Преобразился вдруг: шайтан перед тобой!
Понятно, что сбежишь: огонь зимой приятен,
А нынче адский пыл – ну как тулуп весной.
Бровям твоим легко пленять сердца у нас:
Глаза избегались, по воле их кружась.
Прекрасный трон бровей превыше глаз-прислужниц
Настолько, что тебе на них не вскинуть глаз!
Затеют проверять твои счета, ходжа, –
Как шило вылезет подчистка та, ходжа,
И Суд начнет допрос: что значит то, что это?
Сегодня думай, честь иль срамота, ходжа!
Фальшивый золотой здесь не найдет своих,
Из Дома Радости изгнал наш веник их.
Из харабата шел и пел старик мой стих:
«Не спи, а пей вино, живой среди живых!»
Саки! Я обожен печалью по тебе.
Не хмелем сокрушен – печалью по тебе.

Проходим кажется, я с чашею сражался.
Бог с ними! Я сражен печалью по тебе.
Коль жизнью ты спален – простой совет поймешь
И станешь сведущим, любой секрет поймешь;
Когда лишился ты возлюбленной – отыщешь
Подспорье для души, коль вздохи флейт поймешь.
Кто вспылчив, подловат, дурак и пустозвон,
Не пей вина с таким, а то сплошной урон:
Сперва всю ночь бузит, попойкой возбужден,
Потом весь день скулит, прощенья просит он.
Пошел вчера к ручью с красавицей побыть
И алого вина под звездами попить...
И вот из тьмы встает жемчужница рассвета,
Из перла страж зари выходит зорю бить.
Душа моя! Вина! Печален сердцем я,
Очиститься хочу от тягот Бытия.
Колышется трава над пылью.. Поскорей же,
А то окажется, что эта пыль – моя.
Хоть иудеем ты, хоть правоверным будь,
Все это внешнее. Душе важнее суть.
Коль ты прямой стрелы – лети в любую веру!
А если крив, как лук, – куда?... В колчан заткнуть?
В траве о чем ручей журчит, свеча Тераза?
Подай вина! Зарок уж нарушать, так сразу.
На чанге подыграй воде, журчащей так:
«Уйду – и снова здесь не окажусь ни разу».
Предположительно – подражания и подделки под Хайяма
Порой, чуть высветлит развалины заря,
Встречаю ворона над черепом царя.
Сидит, на все лады покойника журя:
«Вот видишь! Ты ушел, не взяв и сухаря».
Я видел ворона на древней башне Рея.
Он перед черепом сидел Хатема Тея,
И вот что каркал он: «Создатель! В нищете я –
Подай! А то просить хотел Хатема Тея...»
В намазе и посте аскет года проводит.
Двухлетний хмель найдя, влюбленный сумасбродит.
Но вот неясно: Друг кому из этих рад?
Всяк заблуждается, кто свой ответ приводит.
Любовно вылепит и духом наделит...
Но вскоре талисман разбит и позабыт.
И хоть бы кто спросил у труженика Рока:
«Зачем-то созданный – за что же вдруг разбит?»
Во власти Вышнего, Его игрушки – мы.
Конечно, Он – богач, а побирušки – мы.
Из дверцы – по Дворцу (и что за лицедейство?),
Толкаясь и спеша, мчим друг за дружкой мы.
Саки! Познание – священное вино,
Не знавших знания лишать его грешно,
Незнающий живет и трудится бесцельно.
Познание как цель живущим суждено.
Такому снадобью для стольких мудрецов –
Доколь вину страдать во мраке погребков?
До тех неужто пор (вот было бы обидно),
Когда ему краснеть на пиршестве глупцов?!
Я нарыдался всласть. Неси мне чашу, кравчий.
Уж мир насторожил ловушку нашу, кравчий...
Подай вина! Хотя б остаток дней – нельзя
Пускать нам на ветер. Неси же чашу, кравчий!
Саки с наполненным сосудом лучезарным,
Неоценимый миг дарует Государь нам.
Будь весел! Нам простит проступок Тот, Кто дал
Вино святое всем созданным благодарным.
Ты не стесняешься. «Хочу!» – и весь твой сказ.
И что тебе Его запрет или приказ...
Ну ладно, допущу: весь мир возьмешь ты в руки.
Что дальше? Выпустишь, как и любой из нас?
Те, кто духовный мир как тайну берегут,
На вид бездельники. Но уж таков их труд.
Без горестей любви жилось бы горько тут –
Дорогами любви всю жизнь они идут.

Уединение кто полюбить не сможет,
Тот тяжкой будничной тоскою занеможет.
Несвязанная мысль восторгом нас дарит,
Земные привязи людское горе множат.
О сердце! Позабудь, что нам про хмель напели:
Для веры, для ума урон – да неужели?
Ты душу усладишь, испив вина в саду,
Где розе соловей поет свои газели.
О сердце! Радости не стало? Веселись!
Вогнали знанья в грех? Невеждой объявись.
А хочешь избежать обиды от злодея –
Как пери, от людей скрывайся и таись.
О сердце! Что за страх, откуда слезный взор?
С чего глядеть на смерть, как тополь – на топор?
Святая простота, гулена, будь же весел!
Там – отряхнешь с себя земных забот позор.
Пускай ты – Арасту, премудростью обильный,
Великий цезарь ты иль богдыхан всесильный, –
Вином в стекле витом укрась к могиле путь.
Заявишь: «Я – Бахрам!» – послышится: «... Могильный».
Это почти наверняка не Хайям
Художник удалял шершавости литья,
Из Хаоса вязал структуру Бытия,
Слова слагал из букв, частиц и междометий...
Частицы стали – мной, частицей мира – я.
О, в грозных небесах шагов победный гром,
О, взвившийся халат, поднявший ветер кругом!..
Потом – от властного прикосновенья пальца
Горит клеймо луны на полотне ночном.
Ни мудростью Твое величье не объять,
Ни разумом Твое бессмертье не понять.
В познании Тебя никто не преуспел бы –
Сколь от Тебя далек, успеть бы распознать!..
Вот удивительно: кто путь узрели Твой,
Те попросту никто в глазах толпы слепой.
Еще загадочней: кто верою проникся,
Тот за безбожие шельмуется толпой.
В теснине окажусь – Ты в тот же миг узришь,
Вслепую забреду в глухой тупик – узришь,
В беде отчаянный безмолвный крик – услышишь,
А если я лукав, в мольбе двулик – узришь.
Вон – Ты, всех государств всесильный Господин,
А вон – в пути к Тебе влюбленный раб один.
Я Слово Истины молитвой повторяю:
«Погибнет мир земной, но вечен Властелин!»
Ты Сулейманов трон вручаешь голытьбе;
Ты сироту влечешь к пророческой судьбе...
Но отчего меня, Господь, овеять ветром
Из Сада Милостей задумалось Тебе?
Господь! Ты бережешь меня от козней Рока,
О неприятностях не говоришь до срока,
И если уж никак беду не обойти,
Стараясь, чтоб я не пострадал жестоко.
Саки! В ковше Твоем весь мир – лишь пузырек.
Сто Храмов Духа въявь сошлись на Твой порог.
Немыслимая честь – дойти до Храма Духа!..
Почетна даже смерть в пыли святых дорог.
Саки! Как хорошо от взгляда Твоего,
Как сладостны плоды из Сада Твоего!
Твое пресветлое и любящее сердце –
Как чаша Джамова для чада Твоего.
Божественным письмом расписан прежний мрак;
На стан возлюбленной похож был первый знак.
«Алеф» – «один» – теперь стократ выводят дети
Свой самый первый знак, везде на свете – так.
Дух мира – Истина, и зримый мир – лишь тело.
Сонм ангелов считай его глазами смело,
Стихии – кровью, свод небесный – костяком..
Единство Бытия опровергать – не дело.
О ты, шлифующий шагами небосвод,
О вестник Джебраил, был дивен твой приход!

Ты стал посредником меж разумом и Богом,
Когда, слугу Творца, узрел тебя народ.
Как можешь – Господа, о сердце, познавай,
Как тяжко б ни было, пути не прерывай.
Оковы серебра и золота сбивая,
Иди! И «ла Аллах илля Аллах!» взывай.
Чтоб истина тебя отметила: «Мой сей!» –
С ног сердца надо снять сандалии страстей,
Путь вызнать у души и восходить на ощупь
На истинный Синай, как новый Моисей.
Меня тот червь изгрыз, по виду мал и слаб,
От коего страдал Айюб, Господень раб.
Но не стenal Айюб: рыданиям радо небо,
Лишь повод дай – и месть его друзей ждала б.
И гору тяжкую искупит легкий мох,
И сто грехов любых один искупит вздох.
Где милости один попросит, там прощенье
Десяткам грешников, взглянув, дарует Бог.
Прочь доводы ума, все прежнее забудь
И сердцем устремись, как тот бродяга, в путь.
Осмелюсь пировать у Каландаров Сути,
Освободи себя, хмелен и весел будь.
О, сердце! Вот вино божественных идей,
Храни, не продавай, прильни губами, пей!
Не надо, как ручей, журчать о треволнениях,
Учись глубокому безмолвию морей.
Честь береги, ходжа, так и в чести помри,
К привалу устремлен, еще в пути помри.
Но если ты Любовь не сделал метой жизни,
Чем жизнь унылого скопца вести – помри!
Коль ты гордыню сам стреножишь – ты мужчина.
Коль над собою власть устрожишь – ты мужчина.
Уж это ль мужество – упавшего пинать!
Коль встать упавшему поможешь – ты мужчина.
Не знаниям почет, не в этом человек,
А вникни, как блюдет заветы человек.
Коль нарушать начнет обеты человек, –
Пусть важным предстает. Но это – человек?
Средь добрых – силой злой остерегайся стать,
Затеявшим разбой остерегайся стать,
Подкупленным жратвой остерегайся стать,
Кичащимся собой остерегайся стать.
Я в Тусе ночью был. Развалины мертвы.
Лишь где гулял павлин, мелькнула тень совы.
«Какую тайну вы, развалины, храните?»
И донеслось в ответ: «... у-вы... у-вы... у-вы!..»
О благостях Судьбы блажные голоса.
Не слушай. Взяв вино, уйди с подругой в сад.
Сегодня выпавший из мамкиной утробы –
Увидишь, завтра уж ползет в бабий зад.
Не знаю, с солнцем лик сравнить или с луной?
Не знаю, сахар уст – песок иль кусковой?
Стройнее – кипарис иль этот стан прелестный?
Не знаю, гурия – наш мальчик? Иль – земной?
Не лик твой – белизна жасминов майских въявь,
Не локон – аромат краев китайских въявь,
Не зубы – жемчуга в рубинах райских въявь!..
Вон у дверей – не я ль? – кто ищет ласки въявь.
«Как вспомню, – говорят, – луга весной... Восторг!
А тучи!.. А в саду звенят струной – восторг!
Над розой соловей, а там другой – восторг!»
Глупцы! С подругой бы, тогда такой восторг!
На скатерти Судьбы где сахар, там и соль:
Любовь без слез-разлук сладка уже не столь.
Хоть, правда, никогда день не бывает в радость,
Зато наверняка любая полночь – боль.
Во имя щедрых роз – подай-ка мне дирхем!
Мне вешнее вино желанно, как и всем.
Эй ты, напыщенный: учен, ума палата –
Никчемный ты, ходжа, коль ты не щедр совсем.
Рок научил тебя разбою – ну и как?

Плач обездоленных тобою – ну и как?...
Не поразить тебя предсмертным стоном жертвы;
Живи – но с проклятой судьбою. Ну и как?
Кузнец-мальчишка был неопытен и мал,
Взамен подковы дас к копыту примерял.
Не он ли лунный серп, похожий на копыто,
Подковы не найдя, тарелкой подковал!
Неужто грозных бурь боится океан?
Ты – человек. Ищи людей среди обезьян.
Добро плодиться злом, а зло добром – не может.
В поступки их вникай: где правда, где обман.
Как шашки по доске, так по чужбинам мы;
То парами, то врозь, пока не сгинем мы;
Трем под колесом – под небом синим мы;
Тщету путей земных вот-вот покинем мы.
Вслед юности гляжу – лихому табуна,
который мне вдыхать оставил пыль одну.
Мой стан, прямой стрелы, теперь как лук согнулся,
За посох я держусь – как тетиву тяну!
Жаркое день за днем вкушающий – уйдет,
С изысканным вином вкушающий – уйдет.
Дервиш, из чашечки для скудных подаваний
Болтушку перед сном вкушающий, – уйдет.
Кому там барабан охотничий рокошет?
То сокола с небес вернуть охотник хочет.
Зачем стремятся ввысь распахнутые очи? –
Сужденную судьбу узреть из здешней ночи.
О, свыше прозванный: Махмуд и Мохаммад!
Служение тебе превыше всех наград.
Тот не изведает глотка из кубка Смерти,
кто был из твоего пригубить кубка рад.
О Величайший! Ты – и в мире том, и тут.
Для нас ты – Мохаммад, для вечности – Махмуд.
Пред морем нежности привязываю сердце,
Под взором ласковым из глаз ручьи бегут.
Правитель царствия пророков – кто он? Ты.
Вожак сквозь заросли пороков – кто он? Ты.
Оценщик горестных уроков – кто он? Ты.
Оплот отшельничьих зарок – кто он? Ты.
Десять разумов, девять шатров, восемь уровней рая,
Семь блуждающих звезд, шесть сторон я как книгу читаю:
«Бог пять чувств и четыре опоры триадой души
В двух мирах увенчал лишь однажды – тебя создавая».
Источники для «ответов» Хайяма и «ответы» Хайяму
Жемчужины любви растут в морях иных.
Влюбленные приют найдут в мирах иных.
У птицы, что клюет зерно любви печальной,
Гнездо – вне двух миров, оно – в горах иных.
Не делавший добра, наделавший нам зла!
Чтоб истина тебя доверьем облекла?!
Не жди прощения! И никогда не будут
«Безделье деланьем, безделицей дела».
Легко же оправдал, что ты кругом в грехах!
Такого болтуна не видывал Аллах.
Сочтя всеведение истоком прегрешений,
Ты – рядом с мудростью! – остался в дураках.
В бокале, думает, он сердце отыскал,
И шага не пройдя, считает, что устал,
Познать и аскетизм, и радость благочестья
Он как-то упустил... Ну что ж, ходжа, привал.
Мы – фляги, если дух с вином отождествишь.
Любой из нас – камыш: стенаешь – песнь творишь.
Ты знаешь ли, Хайям, что в сути человека?
Как лампа, ты внутри светильника горишь.
Хайям! Да, плоть твоя – узорчатый шатер –
Для духа твоего жилище с давних пор.
Однако в путь позвать придет посыльный Смерти
И – свалит твой шатер. Вот весь и разговор.
Дружище! Даже так, для красного словца,
Уместно ль говорить про «место для Творца»!
Спроси себя: а где душа моя таится? –

И отповедь мою постигнешь до конца.
Хайям! В шатре небес, в глухой голубизне
Где дверь, чтоб ты спросил, чтоб был ответ извне?
Ты в кубке Бытия как пузырек в вине.
Их столько показал Всевышний Кравчий мне!
Пока ты любишь уст вишневый самоцвет,
Пока, заслышав най, готов бежать вослед,
Бог видит: ты – дитя, любитель погремушек.
Пока не бросишь их, тебя как будто нет.
«Молельный коврик чтить пристало лишь ослам:
Ханжи и плуты в рай ползут по тем коврам».
Но те ослы – в цене: из ключьев драной шкуры
Чеканят золото, всучаемое нам.
Доколе над землей кружиться небесам,
Дотоле и зверью плодиться по лесам.
Пока внимаем мы небесным письменам,
Должны мы исполнять предписанное нам.
Не хмурься! Над землей – кружиться небесам,
Легендам о тебе – кружить по городам.
Пока планетам плыть кругами вековыми,
Тебя оберегать предписано векам.

Посвящение Хайяму

Свою любимую – которой равных нет,
Которая во тьму собою вносит свет, –
Чтоб дивной красоте владыки поклонялись,
Пером смиреннейшим живописал поэт.

II. Варианты

В обличии – твоим, а не каком-нибудь.
Влюбленно красоту вбирая дни и ночи
Мгновенно все, что здесь; нетленно лишь возмездье.
Ты царство вечное на миг не променяй!
Растенье Истины, как видно, не найти;
Сдается по всему, мы не на том пути.
Оставил я мечты, закрылся на засов
От благодетелей – ничтожеств и столпов.
В мечети ль суфий – я? Монах ли иноверец?
Ведь он – такой, как я... Но сам-то я – каков?
Небесным пламенем глаза нам выжигают...
По шахматной доске немного поплясали,
Но кончилась игра – и снова в сундучок.
Когда бы сам решал, я б не пришел сюда;
Но если б сам решал, и не ушел туда.
Уж лучше, чем бродить среди развалин мира, –
Ни здесь бы я, ни там, никак и никогда.
В любви доступно ль нам слияньем душ блеснуть?
Дано лишь мудрецам слияньем душ блеснуть.
Пока не выплескан, себе плесни чуть-чуть:
За всеми ты пришел; за всеми завтра в путь.
В любви доступно ль нам слияньем душ блеснуть?
Спроси у стариков: согласны ли? Ничуть.
Всех порознь – и тебя – судьба спешит сглотнуть:
За всеми ты пришел; за всеми завтра в путь.
Возней добра и зла себя губить нельзя.
У нас с тобой дела... Дела у нас с тобою –
Будь славен Человек – вершинное творенье,
Дарящий всем любовь, лишь Сатане – презренье.
Все тайны естества Творец вручил – тебе!..
Подумай, дорогой. Похоже, ты в сомненье.
Невежда! Явью нам воплощено ничто,
«Девятым небом» – там – водружено ничто.
В юдоли горестной рожденья и распада
Мы – рябь на Времени, но и оно – ничто.
Тот – ревностный, а тот – с сомненьем пополам...
Путь веры для себя ты избираешь сам.
Однажды вдруг, боюсь, любой из нас услышит:
«Вы заблудились! Путь лежит ни тут ни там!»
Невзгоды – временны. Перед судьбой не трусь.
Чуть отхлебнул вина, и – вдрызг! – любой зарок.
У гончаров судьбы я побывал вчера,
Над глиной что ни день колдующих с утра.
Во славу Господа – в подолы небосвода,

Во глубину земли – творимые идут.
О Ты, Чьей сущности никто постичь не смог!
Присядем на траву!.. Не долго ждать придется,
Сей мир убыточен Тебе и правоверным;
Вкусней бы стряпал ты, барыш бы он принес.
Ведь наш прекрасный мир – недолгая забава;
Теперь нельзя сказать, что я баклуши бью:
Кумирни я отверг и на божков плюю.
Вином, возлюбленной украсить ночь свою
Неужто так бы смог в аду или в раю?
Был адским выходцем иль царствует в раю?
Не знаю, из кого слепили плоть мою:
В аду он мучится иль нежится в раю?
И грудь мою, печаль познавшую, прости,
И душу, с сердцем в плен попавшую, прости!
Мечту мою, печаль познавшую, прости,
Господь! И сердце, в плен попавшее, прости!
Ты зримым сделал здесь, и привечаешь Ты,
Хранишь меня, растишь и просвещаешь Ты.
Да и мечты твои у мира не в чести.
Влюбленных и пьянчуг коль верно в ад изгонят,
То человек тебе не встретится в раю.
Похоже, ворох тайн ты разберешь едва ль,
Уловку мудрую ты сам найдешь едва ль:
Вином рубиновым и здесь ты рай устроишь,
А в настоящий рай ты попадешь едва ль.
Все в мире сделаешь, лишь весел будь, трудясь.
Вот луг: для праздника, для радости укрась.
Саки! Прекрасного вина налей-ка мне,
Живого, страстного вина налей-ка мне, –
Чьи пузырьки, как цепь, опутывают ноги
Лишенных разума, вина налей-ка мне!
Смотри! Пока тебя ласкает мир живой,
Лишь о хорошем вздох он должен слышать твой.
Лишь каплю отплеснув, до капли выпивай.
Везде Твои силки, Ты в них манишь меня,
Притом грозишь убить, коль полонишь меня.
В силки поймав, убив доверчивую жертву,
За что ослушником Ты заклеишь меня?!
Неужто на нее рука бы поднялась?
А юную красу – как может мирозданье...
«Обратно – пей вино! – не пустит мир иной».
Твоей любви ко мне и нежности Творец
Былые рай и ад принял за образец.
Рай – это пиршество, а что за пир без хмеля!
Какой еще мне рай? И где он, тот дворец?
По планам бы своим возвел иное небо,
Где были бы сердца свободными всегда.
Сумел залить огонь в заждавшихся очах.
Саки! Какой глоток ты выплеснул во прах! –
Залил огонь тоски в пылавших там очах.
А ты по-прежнему простым вином считаешь
Струю живой воды! Прости тебя Аллах!
А нам-то какво? Его запрет и воля
Просты как будто бы: «Склонись! Не упади!»
Власть бестолковую подальше обходи.
Ведь почему душе так тягостно в груди?
«Пей зелье!» – слышит плоть. «Душа! Блюда запреты!»
Ну да, легко сказать: «Склонись! Не упади!»
По краю пиалы волшебный стих начертан,
Я болен, и меня любимая корит,
Считает, от вина такой плачевный вид.
Держать в бесчувствии приходится мне душу,
От самого себя ишу освобожденья,
Пускай про ад и рай болтают что угодно:
Саки, держа кувшин, замрет под звуки песни:
Секрет от подлецов упорно прячешь ты,
И тайну от глупцов упорно прячешь ты.
Смотри, для всех людей ты трудишься – как можно?
От всех людей лицо упорно прячешь ты.
Эй, трезвенник, уймись! Веселье – не разврат;

Коль ты зарок дашь, и я заречься рад.
«Вина не пью!» – кричишь, и тем добился славы,
которая, поверь, позорнее стократ.
Слезу влюбленного ронять во прах – не смей,
Лишь кровью истекай печальною своею,
Пролей на землю кровь двух тысяч покаяний,
Но ни глотка вина на землю не пролей!
Уймись, не жадничай. Богатства ни к чему:
Добро и зло судьбы равно влекут во тьму.
Успей вина испить, погладить милый локон:
Миг – и вину конец, и веку твоему.
С похмелья чуть живой, куда стремлюсь наутро:
В мечеть? Во храм?... Да нет, к любовнице, к вину!
Не забывать вино, не убивать минут:
Пусть вера, сердце, ум – веселыми живут!
Лепешка хлебная, вина кувшин-другой,
Бараний окорок, – и вишни над рекой,
И лунолика, и радость, и покой...
Султану власти нет устроить пир такой!
Вот мы, подруги, хмель и этот ветхий дом.
Долой дурман надежд и страха пред Судом!
Одежды, сердце, дух в заклад за хмель сдаем.
Прочь пути воздуха, земли, воды с огнем!
Вот мы, вино, певец, без крыши ветхий дом.
И дух, и ум, и честь в долгу перед вином.
В нас плещется вино, мы плещемся в вине ли?...
Неужто мы в дому? В кувшине, да в каком!
Печали мира – яд, вино – целитель мой,
С которым не страшусь отравы мировой.
С зеленым юношей на зелени валяюсь,
Пока мой прах не стал зеленою травой.
В мечеть я для себя добра искать хожу,
Но – Боже! – не намаз я совершать хожу.
Здесь как-то повезло украсть молельный коврик,
Он обветшал уже, так я опять хожу.
Наш праздник подошел и воссиять готов
Невестой молодой.
У виночерпия кувшин опять готов,
Багрянцем налитой.
Узду намаза и намордник воздержанья
Опять, как и всегда,
С ослиных этих морд наш праздник снять готов.
Ой-ой, беда! Ой-ой!..
О сладостный кумир, напомнил нам рассвет:
Недопит кубок наш, напев наш недопет.
Сто тысяч – как Джамшид! – царей минувших лет
Песками занесло течение зим и лет.
Ведь и минуты ждать не станет вестник Смерти,
Проснуться поспеши, вина хоть раз хлебнуть:
Судьба еще беды заставит нас хлебнуть.
Жестокий небосвод однажды так подстроит –
Не сможешь и воды в последний час хлебнуть.
Судьба! Всех недругов ко мне настолько злее,
Что ты – приятелю бесчестному сродни.
И кубки прихвати: кто пьет с утра хмельное,
Тому не страшен ад, тому не нужен рай.
Под власяницей мы кувшин вина укрыли;
Для омовенья нам – щепоть трущобной пыли.
А вдруг да в кабаке отыщем мы в пыли
Года, что в кабаках когда-то распылили!
Коль этот храм – для нас, но только на словах,
Грех упустить любовь и чашу на пирах.
Зачем, о прах иль Бог, надежды мне и страх?
Я все равно уйду, хоть Бог царит, хоть прах.
Коль бытие – для нас, но только на словах,
Грех упустить любовь и чашу на пирах.
Быть юным, чахнуть ли – зачем лелеять страх?
Что мне, когда уйду: мир юн или зачах?
Испей вина! Не жди, нам не удвоят жизни;
Встань! Руки отряхнем от суетных затей,
Нам пути локонов и музыка – милей.

Не прячься пьем вино, пьем прямо в харабате.
Бутыл молвы о нас – на свалку, и разбей!
Красотку за подол поймать, да поскорей,
Пропить былую честь – заведомо честней.
За пиалу вина продай молельный коврик,
А славу гордую – на свалку, и разбей!
Лишь этим и живи, и ни к чему стесняться!
Взгляни, как зелен луг под юношей зеленым:
«О, глупый! Топчешь прах, что зеленью взошел».
Под мартовским дождем торжественно расцвел,
Чтоб грусть унять твою, вчерашний суходол.
Взгляни на луг, вино, на юношей зеленых,
О ты, не знающий, что зеленью взошел!..
Навстречу взглядам туч глаза отворены.
Весенним ветерком луга обновлены,
Навстречу взглядам туч глаза отворены,
Сияньем рук Мусы сады озарены,
Дыханием Исы поля увлажнены.
Вина! – пока темно. Скорей! – пока не в путь.
Придет такая ночь – и в очи не взглянуть!..
Давай плясать! Печаль растопчем как-нибудь.
В тот день, как нас несли в кабак кредитоваться,
И должен был звучать заупокой, саки.
Увидишь ночью вдруг, что мера-жизнь – полна.
Ну нет, я от вина не стану отделяться!
Кувшин на голове. Считайте, я – петух.
Святых по внешности не угадать, саки,
Совсем не напоказ их благодать, саки.
Но розы расцвели – мои зарюки где же?
О мой чистейший хмель, небесно-голубой!
О мой шербет – вино, баюкатель ты мой!
Так пылко я влюблен, так упоен тобой,
Что издали меня приветствует прохожий:
«Почтенный дядя Хмель, откуда ты такой?»
Замечен где-нибудь? Не сделал что-нибудь?
Ну что ж, коль хочется, возьми над миром власть,
Сокровищницы вскрой, себя и трон укрась.
Ты станешь, редкостный, похож на снег в пустыне,
День поискрясь, и два, и три, и... испарясь.
«Не то пришло!..» И что, желтеть лицом своим?
«То не пришло!..» И что, чернеть нутром своим?
Чем плакать, пользуйся вздохом добром своим,
Пока не вздумал рок сверкнуть серпом своим!
Круженье Бытия, коль нет вина, не в радость;
И без иракских флейт сама весна не в радость.
Мы, пасынки небес, оправдываем жизнь
Подругой и вином, а так она не в радость.
О сердце! С мира взяв, о чем мечтало всласть,
Сполна за доброе застолье расплатясь,
О сердце! С мира взяв, о чем мечтало всласть,
Богатым сделай дом и праздностью укрась,
В юдоли горестной рожденья и распада
День-два попирав – и мирно удалясь.
Вот прялка женская давно б народ одела,
Любовь – страна пустынь, и я бежал по ней,
И негры жуткие – две тысячи смертей –
С безумной яростью все как один кричали:
«Ты чашу наклони! Но капли не пролей!»
Саки! Коль я к груди красавицу прижму,
Все! Я с разлучницей-тоскою не знаком,
И – хоть такую речь назвали б непристойной –
Я буду хуже пса, в иной поверив рай.
Ночами небеса латают жизнь-белье,
Во тьме недоглядев, что воротник – рвань.
Над книгами зачах, измучен я постом.
Шутя творенье-перл сверлил любой простак.
Но каждый видимость за очевидность принял.
Жемчужины наук сверлили кое-как;
Любой попал впросак со всем своим искусством.
Какие умницы до нас прошли, саки!
О сердце! Истина и та – словечко, звук;

Зачем же столько пить отраву бед и мук?

Уймись! Не вырваться из беспощадных рук.

Разбитое судьбой не воскресишь, мой друг.

Обратно нет пути, коль путь не завершил.

Я столько по горам да по степям кружил!..

Вращаясь, небосвод дела мои крушил.

Единственная жизнь пришлась на время злое:

Ну, раз неплохо жил, а в общем – разве жил?

В тот час, как в забытии, счастливый вздох издам,

Тотчас пора искать, от бедствий скрыться где бы.

Друзей упомянуть: обман, подлог, и все.

Когда-нибудь, кумир, для жаждущих в пути

На глиняный кувшин сумеем мы пойти.

Дела здесь никому наладить не дано.

К желаниям твоим глух этот мир давно.

Еще б винца, саки! Уважишь иль откажешь,

Но рухнуть так и так вселенной суждено.

А мы свои труды бесплодными сочтем.

О, старость! – кипарис без листьев и корней.

Наш мир – солончаки. Источники пусты,

И в жажде, человек, пьешь эту горечь ты.

Свалил их раньше нас необоримый хмель.

О, задолжавшие Семи и Четырем!

От четырех с Семью спасенья не найдем.

Испей вина! Твержу тебе тысячекратно:

Сюда возврата нет, когда уйдем – уйдем.

Грусть – чашей весом в ман я убивать хочу,

Вина воцвет зари подай, кумир, сюда,

Багряным соком роз окрась мои года.

Да хоть родник Земзем, да хоть вода живая,

Но вот пришла пора подбить итог делам,

Но око мудрости прорезалось во мне,

Я прежде хвастался: дается мне любая

Загадка ль на небе, задача ли земная.

Но око мудрости прорезалось во мне,

И вижу: жизнь ушла, а ничего не знаю.

Вот так и ты уйдешь, обманутый кругом

На радужную жизнь похожим миражом.

Ты в жены ветер взял – а зажигаешь свечку.

По хлябям странствуешь – ну как построишь дом?

Во прахе погребка легко найдут меня.

Взгляни: бутоны роз разнежились в тепле...

От смерти убежать когда устану я,

С корнями выдернут из жизни стану я,

Молю вас на кувшин пустить мой прах несчастный:

Наполненный вином, а вдруг да встану я?

Потомков приведут, мой склеп покажут им,

Припомнят мой завет и перескажут им:

«Здесь глиной станет прах – вином его размочат,

И вот, наполнив хум, пускай замажут – им».

К чему он, урожай невыносимых мук?

Да, мы – посев небес; уж ниву жнут вокруг.

Ну что ж! Хотя б вином наполни кубок свой.

Искатель истин, ты истратишь век земной:

Вот-вот они в руках, и снова – ни одной...

Хоть кубок удержи, воистину ручной,

И жизнью насладись – ни трезвый, ни хмельной.

Вникай, угадывай, к чему стремится сердце,

Кто, как Симург, один парит над Каф-горою,

Сказал ты: «Самому б не шевельнуть рукою...»

Семидесяти двух мне жалко лет убитых:

Я жизнью упоен. Да здравствует напиток!

Хайям! В шатре небес, в глухой голубизне

Не балуют тебя ответами извне.

Хайямов – тысячи. Вы – пузырьки в вине.

Вон сколько пены сдул тот Кравчий в вышине!

Примечания и комментарии

Источниками переводимых рубаи были в общей сложности около 30 рукописей (в фотокопиях) и книг, в том числе названные в сносках к вступительной статье зарубежные и отечественные издания.

Шестистопный ямб – размер, самый близкий к оригиналу и по количеству слов,

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
и по числу слогов. Строка рубаи имеет несколько десятков ритмических вариантов, что дает переводчику право в случаях острой необходимости делить строку цезурами на три части вместо привычных двух, смещать ударения и т. п.

За единичными исключениями, в переводах расстановка рифм такая же, как в оригиналах (где на три, где на четыре строки); почти всегда воспроизведен реди́ф (повторяющееся слово после рифмы) – если реди́фом является не служебное, а смысловое слово; в большинстве случаев передано и расположение внутренних рифм и созвучий. По возможности сохранены и поэтические приемы Хайяма: многократное повторение какого-либо слова, рефрены и параллелизмы, обыгрывание дополнительных смыслов слов, каламбурные созвучия, применение пословиц и т. п. Чтобы соблюсти этот комплекс требований, для многих четверостиший были опробованы десятки вариантов перевода.

Однокорневые рифмы – авторская игра, в ряде случаев она тоже воспроизведена. Здесь переводчик шел на риск: в русском стихосложении такие рифмы осуждаются.

Сохранены все особые приметы четверостиший: обращения к виночерпию (саки), применения Хайямом собственного имени и имен легендарных героев и царей, названий местностей и городов, а также случаи перечисления четырех стихий. Читатель, несомненно, заметит дословные повторения отдельных строк (иногда – частей строк) в различных четверостишиях и в их вариантах. Это было предметом особой заботы переводчика: все случаи таких дублирований в оригиналах выявлены и почти всегда воспроизведены; на большинство дублирований указано в примечаниях – в виде перекрестных ссылок. Такие повторения появлялись не только по вине средневековых переписчиков, нередко это – авторские самоцитирования.

Сопоставление с известными переводами дается здесь лишь тогда, когда нужно понять причину различных прочтений четверостишия.

В первых девяти главах расстановка стихов приблизительно повторяет ту последовательность, в которой они (как предполагает переводчик) создавались автором. Разбивка их на главы отражает путь Хайяма от искреннего воспеания Творца, через суфизм, через нигилистический период к сомнениям, постепенно перерастающим в бунт против шариата и Божественной воли, путь поэтапного формирования хайямовского учения. Особняком стоит глава «Коль не сама Любовь, то, право, кто же ты?...» – любовные стихи, органически сложившиеся в цельную поэму. Они настолько мало знакомы русскому читателю, что даже в работах специалистов можно встретить мнение, будто тема любовных страданий была чужда Хайяму. По хронологии главы «Коль не сама Любовь, то, право, кто же ты?...» и «До мерки „семьдесят“ наполнился мой кубок...» параллельны: и в той и в другой тема скитаний (после изгнания из Исфагана) возникает ближе к концу.

Глава «Душа вселенной – мы» – подборка главных этических уроков Хайяма.

Завершается она четверостишием, может быть самым важным для нас из его поэтического наследия, – напутствием Хайяма последующим поколениям.

В особую главу в Приложении – «Хайям?...» – выделены те стихи, относительно которых переводчик сомневается в авторстве Хайяма или даже категорически отрицает его, опираясь на анализ словаря, стилистики и содержания. Однако это не более чем личное мнение, так к нему и следует относиться, тем более что некоторые из вынесенных в эту главу стихов исключительно широко распространены как хайямовские.

Несколько слов о числовых критериях, приводимых здесь. Проблема поиска «самых достоверных» четверостиший Хайяма – одна из самых трудных и болезненных. На протяжении прошлого века было несколько попыток создать численный критерий для оценки достоверности; самым объективным из них был критерий, учитывающий одновременно и популярность какого-либо четверостишия в средневековых рукописях, и удаленность этих рукописей от времени Хайяма. Но автор этих переводов разработал метод, позволивший установить генезис древних рубаи́тов Хайяма, а тем самым и выявить все случаи переписывания стихов из одной рукописи, известной научному миру, в другую известную рукопись. Он пришел к выводу, что из численного критерия следует исключить все обнаруженные случаи копирования. Суть нового критерия, если перевести его с математического на обывательный язык, такова: он показывает, в какой степени четверостишие было популярно – не на всем протяжении прошедших 900 лет (это оценивает старый критерий), но именно при жизни Хайяма и в первые десятилетия после его смерти, когда формировались его первые рубаи́ты, до нас не дошедшие, но служившие источниками более поздних списков. В комментариях приводятся численные значения для четверостиший, занявших по этому критерию первые 100 мест (указывается и номер места). Для них же сообщается, какие иные поэты являются, помимо Хайяма, претендентами на авторство.

«Варианты» (вторая часть Приложения) – демонстрация самых интересных

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
разночтений из числа встречающихся в оригиналах.

«В безмерности небес, укрытый синевой...»

Восхваления Аллаха. Суфийские мотивы. Поскольку приметы индивидуального хайямовского стиля здесь еще расплывчаты, не исключена значительная примесь чужих стихов. «Любовь» здесь – суфийский термин. Некоторые четверостишия построены на противопоставлении божественной «Любви» и земной «любви», которую только позже автор начнет считать важнейшей ценностью в жизни.

8. «Сокровенное» – Бог, лучезарный взгляд которого делает зримым все сущее. Либо же – субстанция Небытия, которая является и основным строительным материалом нашего Бытия: Творец переработал ее в более грубые материальные частицы смешением четырех первоэлементов (стихий, начал), положил в основу трехмерную структуру Шести сторон, и в результате новосозданное Бытие обрело «зримый свет», стало доступно для человеческих органов чувств. Но эти же образы можно прочесть и в плане поиска сути, изучения сокровенных законов природы через их зримые частные проявления.

15. «Тмин везти в Керман» – пословица со смыслом тем же, как «ехать в Тулу со своим самоваром». Сулейман (в Библии – мудрый царь Соломон), принимая подарки, особо почтил муравья, поднесшего ему ножку саранчи.

18. Видимо, эти «сто дверей» – различные «ложные» религиозные секты и толки, руководимые корыстолюбивыми «стервятниками». Стать вовлеченным в одну из них – оказаться «без Тебя». Но как угадать секту «истинную»?...

25. Перечисление всех четырех стихий – своеобразная поэтическая игра. Слова, означающие стихии, здесь и в других четверостишиях этого жанра выделены.

В стихах Хайяма наблюдается постепенный переход от пренебрежения (как здесь) «плотскими» ценностями этого мира к признанию их высочайшими ценностями не только для тела, но и для духа.

26. В некоторых источниках не «Суть», а «вино» либо «луна» – слова, создающие красивую загадочность текста, но не соответствующие никакой символической системе и потому, скорее всего, ошибочные.

Сильно измененное, это четверостишие вошло в поэму Э. Фитцджеральда «Рубайят Омара Хайяма» под № 51, откуда его переводили на русский язык И. Тхоржевский и О. Румер. Непосредственно с языка оригинала, по-видимому, оно переводилось лишь однажды, в 1901 году Т. Лебединским:

То вино, что по сути способно принять
Разных видимых форм очертанья,
Что способно животным, растением стать,
Изменять даже форм очертанья,
Не исчезнет и будет все то же вино,
Так как вечную сущность имеет оно.

28. «Волшебный фонарь» – древнее китайское изобретение, возрожденное в электрических ночниках: потоком нагретого воздуха вращается цилиндр, отбрасывающий на колпак лампы плывущие тени. Образ людей как движущихся теней смыкается с Платоновыми «теньями на стене пещеры» (диалог «Государство», кн. 7). Возможно, Хайям изучал эту книгу.

30. Здесь проведена четкая расстановка «действующих лиц»: Разум жаждет распознать логику путей Творца, Сердце – увидеть Его самого, и эти тщетные усилия всегда приводят их в бесполое; между тем Дух сокровенно знает Бога и потому вправе быть безмятежным.

35. Конечно, здесь речь о сокровищах только духовных.

36. По критерию: вес = 500, 71-е место.

39. По критерию: вес = 480, 82-е место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Насир ад-Дин Туси.

40. Кааба – см. Словарь. Отвергая внешнюю обрядность как показную, суфии некоторых сект отрицательно относятся не только к молитвам вслух, но и к предметам культа, и к мечетям, и к поклонению святым местам.

43. Беда из рук Его ценнее радости тем, что дает возможность Духу возвыситься через преодоление беды. Этот суфийский мотив оказался чужд Хайяму и в дальнейших его стихах развития не получил.

49. По критерию: вес = 624, 21-е место. Претенденты на авторство: Руми, Абдаллах Ансари, Наджиб ад-Дин Джартадкани.

53. Четвертая строка в оригинале дословно повторяет вторую. Текст испорчен? Или это изощренный поэтический прием?

60. Харабат здесь – молельный дом суфиев.

61. Суфийский мотив: нелепо взывать к вездесущему Богу как находящемуся где-то вдали, не слышащему безмолвно высказанных просьб. См. также № 174.

71. Муфтий – авторитетный толкователь шариата. Медресе – высшее духовное мусульманское училище.

74. см. № 1294.

76. В книге Б. И. Сребродольского «Жемчуг» (М.: Наука, 1985. С. 4) сказано: «Согласно старинной индийской легенде, жемчуг – это попавшая в раковину и

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
застывшая в ней капля дождя. Об этом пишет древний поэт Индии Калидаса. Когда первые дождевые капли со звоном ударяются о поверхность моря, из синих его глубин медленно поднимаются жемчужницы. Они раскрывают свои перламутровые створки и ловят всего одну дождевую каплю. После этого жемчужницы медленно опускаются на дно. Там, в темноте, и превращается капля в ни с чем не сравнимый перл». К представлениям такого рода и восходит образ этого четверостишия.

87. Рустам – богатырь, герой «Шахнаме» Фирдоуси. Хатем (Хотам) – старейшина одного арабского племени, чья щедрость стала легендарной.

90. Двери – рождение и смерть.

91. Что является высшими духовными ценностями в этом мире? По-настоящему их значение проявится лишь там, в мире ином; возможно, даже самая благородная земная шкала ценностей окажется там ошибочной. Отсюда и призывы к «подсказчикам» из числа «ушедших» – увы, тщетные...

99. Двойной смысл: число «один» можно толковать и как «одиночество», и как «Единый», т. е. Бог.

108. Это рубаи, виртуознейшее по форме, явно написано ради исключительно емкого образа в последней строке. Поэтому переводчик счел допустимым заменить реалии первых строк на другие из того же смыслового ряда, – чтобы создать аналогичное звучание (в оригинале – «существование» и «опьянение»).

110. Религиозно-поэтическая космология: вселенная создается и поддерживается силой лучезарного взора Творца. Разглядывая вселенную, Он любит себя, ибо вездесущ. Стоит Ему зажмуриться, как прежний мир гибнет, исчезает; открыть глаза – и возникает новый мир.

113. Единое – двойным не называл – значит, либо не молился двум богам, либо не лицемерил, не двуличничал.

116. По критерию: вес = 473, 90-е место. Претендент на авторство: Фахруд Дин Ираки.

125. Идеально точным был бы перевод последней строки – стихом Вийона: «От жажды умираю над ручьем». Удивительная переключка великих поэтов!

128. Жалоба на засилье «ложных» сект.

130. Семьдесят два учения, неоднократно упоминаемые Хайямом, – весь куст различных сект и течений в исламе.

131. Исключительно емкая формула противоречия: «Склонись! Не упади!», что можно перевести также: «Нагни! Но не пролей!», – настолько понравилась Хайяму, что он цитирует ее еще в нескольких четверостишиях. См. № 499, 569, 782, 845.

«Так в чем же цель твоя, без цели маета?...»

Период «вселенской скорби»

133. Хайям намекает: дело не в принципиальной неспособности человека познать истину, а в том, что он едва ли идет по верному пути познания. Об этом же – в четверостишии о «третьем пути» – № 246.

137. Конь Бораг (Бурак) – мифическое крылатое существо, на котором Мухаммед совершил чудесное путешествие из Мекки в Иерусалим, а оттуда к небесному престолу Аллаха.

139. Здесь речь не о смерти, не об уничтожении, а об исчезновении из виду – благодаря слиянию частного с целым (см. примеч. к № 923).

141. Отклик на «Шах-наме» Фирдоуси. По критерию: вес = 482, 80-е место.

146. Тараб-ханэ – «Дом Радости», дом или место увеселений. Это слово только единожды встречается в стихах Хайяма (и еще один раз – среди сомнительных четверостиший). Тем примечательней, что именно его выбрал Табризи в 1462 г. как название для составленного им фундаментального свода стихов великого поэта. Здесь это слово оставлено без перевода из уважения к работе Табризи.

148. События на лугу и взаимоотношения цветов как бы упрощенно повторяют жизнь людей.

Описанию жизни Йусуфа – по библейской легенде об Иосифе Прекрасном – посвящена 12 сура Корана. Он, любимый сын Якуба, был из зависти сброшен другими сыновьями в колодезь, откуда его извлекли случайные путники и продали в рабство в Египет. Отцу же братья показали его окровавленную рубашку и сказали, будто Йусуф растерзан волками. После различных мытарств Йусуф за красоту, благородство и способность к толкованию снов был возвышен царем Египта (которому он разъяснил сон про семь коров тучных и семь тощих).

Пышность, власть, богатство, красота – и одновременно трагический образ окровавленной рубашки как символ предательства связаны с этим именем.

156. В некоторых стихах «Дверь», или «Врата» – вход в чертоги Аллаха, т. е. истинно праведный образ жизни.

157. Здесь переводчик предположил типичную ошибку средневековых переписчиков и поменял местами пары строк, чтобы восстановить логический ход мысли.

158. Забавный образ: создание Вселенной (в нашем понимании – Солнечной

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org системы) приравнено к возведению крытого стадиона для конных состязаний. Кобыла, да еще и пегая – вдвойне унизительно для участника скачек. Кроме того, в слове «пегая» – намек: либо на смену дней и ночей, либо на чередование удач и невезения в жизни.

160. См. № 838.

162. Здесь, ради выразительности остального текста, переводчику пришлось пожертвовать редифом «смотри!».

166. «Караван-сарай», в других стихах «ночлежка», «привал», «кабак» – наш земной мир.

173. Для средневекового астронома Хайяма небес – восемь или девять: это семь сфер планет, Луны и Солнца (то самое число «Семь», важное для астрологии, которое часто встречается в его стихах) и восьмое – небо, сфера неподвижных звезд. Здесь астрономия кончается; девятое небо, если уж так им нужно, – для богословов. Но у богословов совсем другие представления, они насчитывают иные семь небес, «каждое толщиной в пятьсот пятьдесят лет пути и располагающиеся одно над другим. Все семь небес имеют свое предназначение, свой цвет и качества, населены ангелами соответствующих разрядов. Над верхним, седьмым небом простирается океан, над которым помещается рай» (Евсюков В. В. Мифы о мироздании. М., 1986. С. 12).

Так что перед нами отголосок спора между ученым и богословом, которые одинаковыми словами обозначают совершенно разные понятия, – это спор мировоззрений, несовместимых даже на уровне семантики.

174. См. № 61.

180. См. № 222.

182. «Четыре шутника» – Четыре стихии – материальная основа нашего мира. Смысл четверостишия напоминает известную сентенцию о том, что человек начинает умирать с первой минуты своей жизни.

183. Две бездны, два «Ничто» – до рождения и после смерти.

194. По критерию: вес = 473, 89-е место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Санаи.

198. Мусульманство унаследовало от иудаизма и христианства немало имен: Иисус (Иса), Дева Мария (Марьям), Моисей (Муса), Иов (Айюб), Ной (Нух), Иосиф (Йусуф)... Но Иса для мусульман – не Бог Сын, а человек (хотя и один из величайших святых), он – пророк, предтеча Мухаммеда. По Корану, возраст Бытия ко времени Хайяма был всего 7000 лет. Слишком мало, чтобы успел появиться стотысячный Иса. В другом четверостишии Хайям намекает на сотни прошедших тысячелетий. Что это? Случайные оговорки?...

200. По критерию: вес = 617, 28-е место.

200 и 201. «Ответы» Хайяма на четверостишия № 1304 и 1305. Подробнее о них см. во вступительной статье.

202. По критерию: вес = 526, 60-е место.

Путаница, соединение строк из разных хайямовских четверостиший – частое явление в средневековых рукописях. В некоторых списках это четверостишие притянуло к себе две строки из другого рубаи, вторая половина которого затеряна (см. Варианты):

В любви доступно ль нам слияньем душ блеснуть?
Дано лишь мудрецам слияньем душ блеснуть.

203. Хайям часто поминает китайскую державу как символ богатства и могущества. Может, случайное совпадение, но любопытно вот что. В Китае именно в те века существовала поговорка: «Беден как перс». Это о тех персах, которые сбежали от арабского завоевания и влачили в Китае самое жалкое существование. Между персом, который в Китае «беден как перс», и китайским императором контраст особенно велик и звучит уже саркастически.

208. См. № 440 и 1060.

209. Семь тысяч лет – от Сотворения мира.

213. Утверждение богословов, что «воздержанные люди воскреснут среди того, к чему привыкли в этом мире», Хайям обыгрывает неоднократно: см., например, № 338. Здесь их «поощрение» превратилось в предостережение.

215. По критерию: вес = 679, 10-е место.

218. По критерию: вес = 680, 9-е место.

219. По критерию: вес = 498, 72-е место. См. № 1237, 1238.

222. По критерию: вес = 509, 68-е место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Санаи.

224. По критерию: вес = 535, 55-е место.

226. «Алеф и лям» – арабские буквы А и Л – из числа загадочных аббревиатур, которыми начинаются некоторые суры Корана. Четверостишие № 835 предполагается авторской версией этого рубаи, поэтому оно также помещено в основном тексте, а не в Вариантах (возникших благодаря переписчикам).

227. Переводчики обычно видят в этом четверостишии привычное зубоскальство

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
Хайяма над собственной «греховностью». Но не исключено, что здесь он всерьез ставит вопрос о поисках для себя такой веры, положения которой не идут вразрез с его жизненными и научными принципами, не делают его «грешником» автоматически.

228. Здесь идут несколько рубаи, предположительно навеянных Хайяму знакомством с религией огнепоклонников – зороастризмом. Отголоски этого знакомства звучат и в стихах заведомо более поздних.

229. Интересны в высшей степени изощренная форма этого четверостишия, где рифмой в последней строке становится слово, взятое для редифа, и хитрая игра смысла: негодование соседей по поводу того, как он живет, Хайям простым переносом акцента превращает в философский вопрос: живет ли он? Это рубаи текстуально близко к № 1100; есть основания предполагать в них равноправные авторские версии.

231. Применительно к себе «веру во Христа» Хайям упоминает лишь единожды; это явный отголосок поиска «веры для себя». По стилю четверостишие безусловно относится к «зороастрийским».

235. Поэт, увы, перестарался: чтобы доказать приверженность учению Заратуштры, надел ритуальный пояс огнепоклонников, и «маги» не простили ему кощунства. Прощай, зороастризм...

236. Особый вид иронии: точно повторить чужие мысли, но озвучить их так, чтобы слушателю стало смешно. Это четверостишие целиком построено на юмористической игре созвучий и повторяющихся слов; если ее не воспроизвести, оно рассыпается на исходный строительный материал и начинает звучать как серьезное утверждение тех глупостей, которые Хайям осмеивает. По критерию: вес = 742, 6-е место. Претендент на авторство: Руми.

241. См. № 813.

245. По критерию: вес = 500, 70-е место.

246. Издавна известны два принципиально различных пути познания истины: религиозный (мистический) и научный. За шуткой Хайяма скрывается серьезнейший вопрос: а нет ли третьего пути, лучшего? Однако и за 900 последующих лет человечество, кажется, так и не нашло третьего пути. Критерий: вес = 593, 32-е место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Шах Санджан.

«Решай, что лучше: спать иль пировать весь век...»

Поиски радости в бессмысленном мире, беспечальности среди печалей. Признание земной любви как высокой жизненной ценности. Скромное начало бунта против Аллаха.

250. Вот известные переводы этого четверостишия (по порядку: И. Тхоржевский, Л. Некора и Г. Плисецкий):

Просило сердце: «Поучи хоть раз!»

Я начал с азбуки: «Запомни – „Аз“».

И слышу: «Хватит! Все в начальном слоге,

А дальше – беглый, вечный пересказ».

В тоске молило сердце: «Открой мне знанья свет!»

– Вот это – знак алифа, – промолвил я в ответ.

И слышу вдруг: «Довольно! Ведь в этой букве все:

Когда Единый в доме, другим уж места нет».

«Снизойди, – меня сердце просило, – к мольбе:

Научи меня истине, ясной тебе!»

«А!» – сказал я. «Достаточно! – сердце сказала. –

Много ль надо ума, чтобы вымолвить „Бэ“?»

Итак, что же на самом деле ответило Сердце? Дословный перевод ответа:

«Довольно! В доме если человек есть, одного слова достаточно». Переводчикам пришлось прибегать к догадкам о смысле этой фразы – с совершенно различными результатами. Например, Л. Некора, судя по всему, предположил в слове «один» обыгрывание цепочки: буква «алеф» – цифра «один» – Единый, т. е. Бог, и предпочел прочесть ответ Сердца примерно так: «Довольно! В доме если появился Единый, ничьи слова неуместны». Но как же быть с тем, что Бог – вездесущ и в любом доме присутствует всегда?...

Здесь Хайям дословно приводит пословицу, смысл которой таков: «своему человеку в доме довольно и одного слова», т. е. своему не нужно долго объяснять. Сердце понимает собеседника с легчайшего намека. Трудно сказать, знал ли И. Тхоржевский про эту пословицу, но суть четверостишия он передал достаточно близко. Что касается перевода Л. Некоры: частично и он верен, поскольку Сердце действительно восприняло букву «алеф» как совет задуматься о Боге.

252. философ – слово с подтекстом; оно не только означало род научных занятий, но и было ругательством обывателей в адрес ученых, намекавшим на вольнодумство.

Концовка по-хайямовски двусмысленна: либо: «я узнаю, кем – но не „философом“ (в ругательном смысле) – мне здесь следует называться», либо:

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org

«я познаю свою суть и тем заслужу звание философа, ученого».

254. Слово «ходжа» Хайям применяет всегда в одном смысле: ученый-богослов. Ходжа в его стихах – одиозная фигура, предмет насмешек. Но в данном случае и многозначителен ходжа пригодился. Он должен напугать Сердце рассказом про легендарного стяжателя коруна, которого поглотила земля со всеми его несметными сокровищами (Коран, сура 28, ст. 76–81).

257. Речь о том, что душе необходимо осознать цель своей жизни и начать соответственно работать. Сова у Хайяма отнюдь не символ мудрости: она шарахается от света (т. е. от света знаний).

260. По критерию: вес = 485, 78-е место. Претендент на авторство: Сайид Муртада.

262. См. № 323, 642.

265. В некоторых произведениях современной фантастики наш мир при взгляде из четырехмерного пространства-времени оказался бы неподвижным слитком Бытия. Любой человек внутри него – полоска, протянувшаяся от дня рождения до момента смерти, намертво примороженная к тому или иному месту в каждый момент истории. Этот образ навеян идеей пространственно-временного континуума Минковского, автор которой, математик начала XX века, добавил ось времени к трем пространственным координатам. Но откуда у Хайяма полностью совпадающий с этим образ «слитка Бытия»?... См. № 326.

270. По критерию: вес = 621, 24-е место. Претендент на авторство: Саифуд Дин Бахарзи.

274. В последних строках – попытка переводчика хотя бы бледно воспроизвести фейерверк хайямовской игры словами.

275. Последняя строка – пословица, смысл которой таков: «Была хороша, стала еще лучше».

277. По критерию: вес = 513, 64-е место.

285. В этом четверостишии, в отличие от близкого к нему рубаи № 669, есть некая странность: кто адресат? Заведомо не «душа» (ибо сказано в 1-й строке: «ты с душой расстанешься»). Следовательно, сам человек? Но по всем канонам человек – соединение души с плотью, и говорить, что «ты пришел неведомо откуда и уйдешь неведомо куда», можно не человеку в целом, а только его душе...

Здесь отзвук своеобразного «закона сохранения», который Хайям иллюстрирует в стихах, например, о капле воды, сливающейся с океаном: она одновременно исчезает и не исчезает... Ничто не исчезает в никуда и не возникает ниоткуда. Так и человек. Известен – до и после жизни – путь его души, а также и путь его праха. Однако порознь как то, так и другое – еще не человек. И все же говорить, что человек от их слияния возник, что он исчезнет бесследно, – нельзя, это противоречит хайямовскому «закону сохранения». Возможно, существует какой-то пласт Бытия/Небытия, где до и после смерти пребывает «человек» – и не как «душа», и не как «тело» – нет, на более высоком уровне, как идея их соединения и воплощения в одном-единственном конкретном человеке. Рай и ад – для души. Судьба горшков – для праха. А что для человека?... Вот уж действительно: «неведомо откуда, неведомо куда». Кстати, даже богословы не могут отвергнуть эту мысль, ибо как же иначе после воскрешения будут восстановлены люди – с конкретными формами их тел? Этот же вопрос – в рубаи № 419.

288. Намек на одно из чудес Мусы (Моисея): его руки покрылись цветами.

290. По критерию: вес = 492, 77-е место.

291. По критерию: вес = 608, 31-е место. Претенденты на авторство: Хафиз, Муджедд Хамгар.

297. См. № 405.

307. См. № 596.

308. «Карман земли» – могилы. Люди как бы сыплются из «подолов неба» и проваливаются в них.

309. См. № 1295.

310. Об этом четверостишии подробно говорится во вступительной статье, в главе «Не только тайным языком». В оригинале оно читается так же трудно и без комментариев малопонятно, как и в переводе.

314. Есть пословица: «Отговорка хуже самого греха». С учетом ее четверостишие начинает звучать по-хайямовски парадоксально.

315. Это «странствующее» четверостишие относят, в частности, и к стихам Ибн Сины, т. е. к началу XI в. Во всех хайямовских его версиях названы три стихии из четырех – ясно, что изначально были названы все четыре, но текст испорчен временем. Проф. Хомайи («Тараб-ханэ», с. 170) цитирует текст из других источников, в этом смысле полноценный. Последние его строки можно перевести так:

Пусть ветры при мольбе твой гнев-огонь не вздуют!..

Как Салгар-шаха прах мою слезу прости!

Этот текст уже никак нельзя отнести ни к Ибн Сине, ни к Хайяму, он мог быть

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org написан лишь в конце XII в.: Салгар-шах, основатель туркменской династии, правившей в фарсе в 1146–1287 гг., жил заведомо после Хайяма. Истина скорее всего лежит посередине: в исходном виде четверостишие было похоже на вариант с Салгар-шахом, но без его имени. Перевод сделан по реставрированному тексту.

По критерию: вес = 528, 59-е место. Претенденты на авторство: Ибн Сина, Фарйаби, Мадждуд Дин Хамгар.

319. См. вступительную статью, главу «Как попасть в рай».

По критерию: вес = 495, 74-е место. Претенденты на авторство: Абу-Саид, Сеиф ад-Дин Бахарзи, Иззад Дин Каши.

322. Махмуд – основатель ислама Мухаммед. Дауд – библейский царь Давид. Хайям цитирует и по-своему переистолковывает стереотипные образы из богословских речей.

323. По критерию: вес = 670, 14-е место. Претендент на авторство: Аттар.
326. См. № 265.

331. По критерию: вес = 480, 83-е место. Претендент на авторство: Афзал Каши.

333 и 334. Салам – приветствие. Дуг – напиток из простокваши. Мостафа («Избранник») – одно из прозваний основателя мусульманства Мухаммеда. Эта пара четверостиший явно написана ради юмористической концовки «ответа» (откуда следует, что у них один автор): Хайям задал глупый вопрос и потому сам нарвался на запрет вина – для глупцов. В единственном известном переводе (О. Румера) этот юмористический ход не был проявлен.

346. См. № 379, 549.

348. В оригинале это четверостишие можно при желании увидеть и не таким язвительным, если «гарем» прочесть иносказательно, как «храм», «святилище». Слова «гарем» и «храм» даже в русском языке созвучны: они восходят к одному источнику.

350. Всевышним Избранный – эпитет Али, глубоко почитаемого шиитами последнего из «праведных халифов». Если бы здесь действительно имелся в виду Али, тогда это был бы чисто суфийский текст: духовный «кравчий» Али одаряет «вином» божественных истин. Но весь контекст четверостишия заставляет заподозрить: автор кощунственно переносит на обыкновенного кравчего возвышенное прозвище Али.

354. По критерию: вес = 556, 43-е место.

361. По критерию: вес = 474, 87-е место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Муджидад Хамгар.

367. Древнейший прием подтасовки – цитата, вырванная из контекста: «Они спрашивают тебя о вине и майсире. Скажи: „В них обоих – великий грех и некая польза для людей, но грех их – больше пользы“» (Коран, сура 2, ст. 216 [219]).

По критерию: вес = 515, 63-е место.

369. Шутник Хайям выпрашивает у Бога прощения не для себя, а для «провинившихся» частей своего тела. К сожалению, в некоторых версиях оригинала (см. Варианты), а потому и в части существующих переводов этот стройный образный ряд нарушен.

371. По легенде, Хайям составил на себя гороскоп и определил, будто жить ему суждено сотню лет. По другой легенде, он и в самом деле прожил 104 года.

Эти легенды я знал и раньше; но полной неожиданностью оказалось обнаружить вот этот стихотворный отклик Хайяма на изучение своего гороскопа. Вместо благодарности... Вот уж поистине язвительный характер!

«Наличное бери, обещанное выбрось...»

Развитие символического образа вина как «пищи духа».

375. Явный экспромт – язвительная отповедь нерадивому ученику.

377. В оригиналах знаков препинания и кавычек нет – приходится догадываться... Эмоциональное восклицание в конце показывает, что Хайям в принципе не согласен с высказанным в первых строках. Следовательно, он цитирует. Первые строки – почти об одном и том же, но чем-то напоминают разговор глухих: нет логического движения, букет из банальностей, внешне глубокомысленных. Переводчик рискнул допустить, что здесь три различные цитаты, спор трех «философов», – и реакция услышавшего их глупости Хайяма. Другие переводчики истолковывали это четверостишие иначе, в духе рубаи № 1189, например – А. Старостин:

Мы разгадки вечной тайны не нашли,

Знаний о запретном не приобрели.

Место наше – сердце горестной земли.

Пей вино, тем длинным сказкам не внемли!

378. См. № 1300.

379. Издеваясь над религиозной обрядностью, Хайям сходными символами предрассудков считает и мусульманскую мечеть, и места молений (храмы)

иноверцев.

381. Имеется в виду, что ходжа вместо решения серьезнейших философских вопросов поглощен рассуждениями о том, как именно – по предписаниям шариата – следует обращаться с женщиной в период ее месячных «нечистот» и тому подобным глубокомысленным «дерьмом».

389. Здесь – реставрация. Если точно переводить по сохранившимся текстам, то следовало бы во второй строке написать: «И бедствиями в прах не втопан, как бурьян». (Дословно: «разрушен пинками несчастий» или «различных случаев».) Но это явное нарушение хайямовской поэтики: в его стихах «действия» совершают только персонифицированные «действующие лица»: Бог, Рок, Смерть, Колесо (небосвод) и т. п., но не абстрактные понятия (такие, как «бедствия»). Предполагаю, что изначально здесь было другое слово, очень близкое по начертанию: «пахари», а не «несчастья»: «Под пинками пахарей – распластан станешь». Смысл тот же, но реставрация слова «пахари» возрождает зримый образ.

391. По критерию: вес = 517, 62-е место.

397. В оригинале пословица: «Слушать барабанный бой хорошо издали». В переводе Л. Некоры дан позаимствованный здесь прекрасный русский эквивалент: «Славны бубны за горами».

По критерию: вес = 540, 53-е место.

398. Действительно кретины, нашли чему завидовать: пиале чьей-то жизни, наполненной до смертной черты.

400. Как видите, А. Блок не первым использовал в стихах эту латинскую (или еще более древнюю?) пословицу.

По критерию: вес = 647, 18-е место.

405. По критерию: вес = 468, 95-е место. См. № 297.

408. В первой строке – создаваемые Творцом чудные чаши человеческих голов. В последних – опрокинутая чаша небосвода, наполненная людскими горестями.

412. Чоуган (човган) – клюшка для игры в конное поло с мячом.

413. По критерию: вес = 483, 79-е место. Претендент на авторство: Адиб Сабир.

420. Хайям адресуется к любознательному Сердцу, допытывающемуся у Души про красотырая; но рай в принципе для Сердца недоступен, и звучит совет создать его имитацию на земле. В одной из версий четверостишия, едва ли правильной (см. Варианты), на которой основан известный перевод О. Румера, адресат – какой-то проstack, напрасно надеющийся на рай. «Вино» здесь конечно же символично: это истинные ценности бытия. Печально, что именно это рубаи когда-то позволяло некоторым хайямоведам упрекать Хайяма за пропаганду пьянства.

421. Здесь Сердце выступает как «визирь по увеселениям» Души: чтобы успешно выполнять свою работу, ей должно быть в этой жизни радостно.

В издании 1959 г. последние две строки переведены так: «А потом на эту лужайку, словно роса, садись ночью, а вставай /только/ утром». В общем правильно; однако в смысле «вставай», «встань» – Хайям всегда использует другое слово; примененный здесь глагол точнее переводится как «поднимись». А с образом росы согласуется такой – тоже точный – перевод: «испарись». «Ночь увеселений на лугу» – это весь человеческий век. В русской поэтике его синоним – «день» (например: «жизнь близится к закату»), у Хайяма чаще всего – «ночь»: «близится утро» – значит «жизнь кончается».

По критерию: вес = 529, 58-е место. Претенденты на авторство: Ага Малик Шахи, Акифи. См. также № 798, 813.

438. См. примеч. к № 15.

440. См. № 208 и 1060.

445. Об этом четверостишии – см. вступительную статью.

По критерию: вес = 581, 37-е место.

446. Комментируя это четверостишие («Тараб-ханэ», с. 18), проф. Хомаи сомневается в авторстве Хайяма – ему представляется свидетельством поэтической неумелости повторение в третьей строке и нелепостью то, что здесь автор говорит уже из ада, как бы из будущего времени. Иное дело, если бы кто-то вот так иронизировал над усопшим грешником – от его имени... Однако этот непривычный, но сильнодействующий прием (говорить из будущего, из загробного мира) Хайям, как легко убедиться, использует неоднократно.

448. По критерию: вес = 840, 3-е место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Насир ад-Дин Туси.

Проф. Хомаи («Тараб-ханэ», с. 50) приводит «ответ» Афзала Каши:

Последствий и причин запутанная связь

Где вроде б на виду, где прячется от глаз.

Когда сокрыта суть, мы видим только внешность,

Вот нам и кажется, что «кто-то бьет, озлясь».

С этим четверостишием в истории переводов Хайяма на русский язык связан забавный эпизод. Книга переводов В. Державина составлена так: вначале

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
 полное переложение Издания 1959 г., потом – пунктир (через два на третье четверостишие) по книге Тиртхи. Поскольку подстрочники по книге Тиртхи делал уже другой человек и они выглядели иначе, Державин не заметил совпадений и 14 раз продублировал уже переведенные рубаи... Но интереснее другое. Именно этого четверостишия (№ 135 в Издании 1959 г.) в книге Державина почему-то нет. Здесь возможно только одно объяснение. Это рубаи Хайяма настолько интересно и настолько популярно, что Державин извлек его из общего текста на титульную страницу. Однако редактор первого издания выбросил это «украшение». В. Державин не заметил потери, так что и во всех последующих изданиях его перевод этого четверостишия отсутствует.

449. По критерию: вес = 554, 44-е место.
 Здесь расстановка слов в переводе иллюстрирует проблему со знаками препинания (которых в оригинале нет). Заметно изменится смысл, если в 4-й строке расставить их так: «Я прожил, как и ты. Лишь миг – побудь со мной». Именно такими выглядят многие переводы, например, перевод В. Державина: «Я был, как и ты. Так побудь хоть мгновенье со мною», – благодаря подстрочнику из Издания 1959 г.

450. По критерию: вес = 472, 92-е место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Обаид Закани, Муджид Хамгар.

454. Вавилон здесь – западные провинции Ирана.

459. В чаше неотцеженного вина на дне собирается муть – отстой. Не потому ли и людям, обитающим на дне лазурной чаши небосвода, достается лишь отстой, гуца горькая из бед и несчастий?

463. По критерию: вес = 512, 66-е место. Претендент на авторство: Джамал Халил.

467. По критерию: вес = 664, 17-е место.

468. По критерию: вес = 775, 4-е место. Претенденты на авторство: Сирадж ад-дин Карми, Талиб Амали.
 Проблема, неразрешимая для теоретиков ислама: если Аллах всеведущ и если все события изначально предписаны Им (а в мусульманстве строго утверждается именно это), любые деяния рабов Божьих должны считаться совершенными, неподсудными, и грешных поступков, чреватых наказанием, в принципе быть не может...

В тегеранском издании «Тараб-ханэ» на с. 101 приводится «ответ» на это рубаи; автор его либо Насир Аладдин Туси, либо Афзал Каши:
 Ты пьешь... А вот глупца охватывает страх,
 Что ты смиренно пьешь, как предсказал Аллах.
 По Божьей воле жить – находит он греховным?
 Он – рядом с мудростью! – остался в дураках.

Впрочем, в других источниках, включая издания Никола (Париж, 1867), Даниша (Стамбул, 1927) и Тиртхи (Аллахабад, 1941), частично похожее стихотворение приводится как хайямовское – см. здесь № 1296, среди «ответов». Нечто близкое есть и в стихах Каши:
 «Соблазнов я избег и не погряз в грехах!»
 Ответит Суд: «Зачем? Ведь их дарил Аллах».
 По Божьей воле жить кто находил греховным,
 Тот – рядом с мудростью! – остался в дураках.

470. По критерию: вес = 999, 1-е место. Претендент на авторство: Сайид Наср.

473. У большинства поэтов-переводчиков звучит здесь весьма неуместная любовная интонация. Муж «кумира» возревновал бы!.. А это всего лишь изысканный экспромт, обращенный к хозяйке дома: «Вино допито, будь добра, принеси еще кувшин» (следовало бы командовать самому мужу, но ему она наверняка ответит: «Довольно вам!»).

475. В одном из вариантов не «лиса», а «лев» (видимо, гепард).
 В оригинале игра слов: Бахрам, легендарный царь, прославленный охотник, преследуя гура (онагра, дикого осла), попал в гур (могилу). Тем самым намекается и на прозвище царя, не названное в тексте: Бахрам Гур. По легенде, пещера, куда он забегал в погоне за онагром, обвалилась и погребла его.

478. По критерию: вес = 542, 50-е место.

479. См. № 550.
 «Вторично не цветут увядшие цветы...»
 Тайные догадки о сущности Бытия. Проклятия Творцу, забывшему про людей.
 «Вино» как хайямовское учение.

484. По критерию: вес = 557, 42-е место. Претенденты на авторство: Абдаллах Ансари, Абу-л Хасан Хуркани.

487. Страна Золомат – Край Вечной Ночи, там находится источник живой воды. Мухаммед – имя основателя мусульманства – буквально означает «Достойный восхваления». Салават – название восхваления, звучащего так: «Аллах, благослови Мухаммеда и род Мухаммеда!» Обычно же говорят коротко:

«Мухаммеду – салават!»

В этом четверостишии достоин восхваления – саки; тем самым он оказывается... Мухаммедом, и поэт к нему, а не к основателю ислама, обращает салават!

491. В пяти из рассмотренных источников, включая «Тараб-ханэ» (1462) и рукопись 1475 г., это четверостишие построено на перечислении четырех стихий. Но в Бодлеанской рукописи (1460), а также в популярном у поэтов-переводчиков издании Никола одна из стихий – воздух – отсутствует; очевидно, их текст менее точен. Там же еще одна замена: «огонь сердца» превратился в «огонь печали», – придавшая всему четверостишию совершенно иной смысл, что хорошо видно в переводе Л. Некоры (по Бодлеанской рукописи):

О мальчик! Каждой каплей вина, пролитой в прах,
Огонь тоски залил ты в сокрытых там очах.
Хвала Аллаху! Можем и сами мы с тобой
Изгнать напитком дивным из сердца скорбь и страх.

499. См. № 131, 569, 782, 845.

500. Про это четверостишие проф. Хомаи сообщает, что в одном из списков «Тараб-ханэ» к нему приписан комментарий: «Также известно, что это рубаи обнаружили на изголовье могилы Хайяма, написанное на бумажном клочке». Раньше, надо понимать, этого четверостишия не знали... Словом, мистика: творчество покойника. Есть и другая легенда. Один излишне правоверный ученик Хайяма посетил его вечную опочивальню и удивился: с чего бы так пышно украсилась цветами могила великого грешника? Тогда ему приснился разгневанный Учитель и произнес это рубаи. Фуруги, видный иранский исследователь, считал это рубаи поддельным. Однако содержание и стиль его вполне хайямовские, и оно даже не приписывается другим поэтам. О пристрастии Хайяма к «загробным» стихам, к «посланиям из ада» уже говорилось.

По критерию: вес = 672, 13-е место.

501. По критерию: вес = 622, 23-е место.

502. Несмотря на довольно широкую распространенность этого рубаи, ни в одном из доступных источников не удалось найти текста, приемлемого хотя бы как версия: осмысленного и без очевидных описок. Видимо, с той же проблемой столкнулся проф. Хомаи, готовя издание «Тараб-ханэ»: «Это рубаи встречается там-то и там-то; и раз уж мы взяли на себя труд воспроизвести все, не будем от него отказываться; здесь и так встречается многое, что немощно или легкомысленно!»

Однако немощность-то – не авторская, это вина какого-то переписчика, уже в самое раннее время искалечившего текст, так что он получил распространение только в испорченном виде. Вторая половина рубаи осталась при этом осмысленной и интересной, так что четверостишие распространялось, несмотря на нелепость первых строк. Или их принимали за какую-то тайнопись.

Но в списке 1497 г. текст изменен; Тиртха в своей сводной книге даже не упомянул об этом варианте, явно сочтя его небрежностью очередного переписчика (тем более что в последней строке там содержится грубейшая описка). Между тем коррекция, предложенная в этом списке, представляется мне единственно верной: она возвращает ясный, причем в духе всех стихов Хайяма, смысл всему четверостишию – благодаря восстановлению мало кому понятного слова, профессионального термина астрономов: Сухо – звезда Алькор, слабая звездочка в двойной звезде Мицар, что в Большой Медведице, по которой издавна проверяли остроту зрения.

505. Намек на древнюю легенду про Быка, который на рогах держит Землю.

514. Внешне это четверостишие напоминает те, где Хайям дает наставления, как именно следует пить вино. Поэтому его и переводили соответственно.

Однако при таком толковании оригинальный текст вызывает недоумение: «Если хочешь, чтобы вино рубиновое дозволено тебе стало, обид людям не ищи и бешеным не будь». Это совсем не призыв «не буйствовать спьяну». Иное дело, если имеется в виду «вино» как символ хайямовского тайного учения. Доступ к нему действительно нужно прежде заслужить. Понятым становится и предостережение для новичка: «Испробовав вина... не упади в обморок!» Учение Хайяма, откровенно и вдруг преподнесенное, действительно способно потрясти набожного мусульманина.

516. Хайям однозначно говорит: «Тот, кто тайны Бога вызнал, этих семян в сердцах ничьих не сеет», – значит, не внушает другим людям идей про ад и рай. Именно это предостережение: не сеять в чужих сердцах сомнительных страхов и устремлений – и есть главная мысль четверостишия, пожалуй только здесь и высказанная так откровенно. Однако во всех существующих переводах она исчезла, в лучшем случае там речь идет о «посеве» внутри собственного сердца. Виной тому – испорченные оригиналы.

523. Проф. Хомаи («Тараб-ханэ», предисловие, с. 23), приводит обнаруженные им на полях одной рукописи два подражания-близнеца, способные ввести

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org

исследователя в заблуждение чисто хайямовским стилем:

Саки! И горькое, твое вино – услада,
Лишь если горькое, тогда оно – услада.
Ты прав, лежит запрет Господень на вине.
На чем лежит запрет, все как одно – услада.
Все дни, пока для нас журчит вино, – услада,
Вся жизнь, пока в мечтах царит оно, – услада.
Исполнилась мечта – и дни летят как вздох:
Услада!.. Вот и ночь. Рассвет в окно – услада!
Приводит он и образцы текстов из другой рукописи, снабженных авторской пометкой средневекового переписчика, отметив, что, «говоря по совести, это прекрасные подражания»:

Саки! Нальем себе чуть-чуть или сполна мы,
Важней во всем найти ликующее пламя.
Чтоб вылепить кувшин, вином пьянящий нас,
Раскопан мавзолеей Кубада или Джама.
Тюрчанка! Мне вина с дыханьем дней сыщи ты,
Где в ликование влились и слезы чьи-то.
На царское плечо любой халат пошит,
Любой расписан ковш, как для руки Джамшида.
Цени мгновение! Миг – и вселенной нет,
Во мрак Небытия летит мгновенный свет.
Пируй и веселись, не вздумай оглянуться:
За всякой радостью печаль идет след в след.
Здесь автор – истинный поэт, а не простой версификатор, как в первом случае: сквозь попытку подражать Хайяму виден свой стиль и, главное, свой взгляд на жизнь. Если Хайям стремится за невзгодами разглядеть смысл жизни и в этом найти ее высшую (пусть даже горькую) радость, то здесь радость от природы дана автору-оптимисту, она вне философии, и обращение к драматизму бытия – осторожно: как бы не поколебать мир, царящий в душе.

Для полноты картины проф. Хомаи цитирует также образцы из анонимного рубайята, созданного в подражание хайямовской манере; автор его, по мнению Хомаи, – умерший в 1308 г. Мохаммад Хесин Онка:

Вставай! Уже заря – как столб огня, саки.
Пора! Иди в подвал, неси вина, саки.
Вон: с гребнем в волосах, и рядом – безбородый,
Вот им и поднеси вина-пьяна, саки!
Вставай! А то проспишь свои года, саки.
Где флейта, чанг и руд? Зови сюда, саки!
Пока наш прах не стал ни кубком, ни кувшином,
Пусть кубок и кувшин полны всегда, саки!
И наконец, проф. Хомаи сам пробует силы в этом жанре и приводит в книге три собственных подражания Хайяму:
Я старца повстречал у здешних гончаров.
Собой загорюнув огонь от мастеров,
Рыдая, он кричал: «О, как унять глупцов,
В геенне огненной сжигающих отцов!»
Гончар! Оставь терзать то нищих, то царей,
Питаться каждый день сияньем их очей,
Сто чаш-голов слеплять в одну простую чашу!..
Присядь, задумайся и о судьбе своей.
В молитвенный экстаз впадешь – как хорошо!
Гулякой в кабаке ль запьешь – как хорошо!
Будь падишахом ты иль будь дорожным прахом,
Одно не смей забыть: живешь – как хорошо!

526. Несколько по-иному прочтено это четверостишие В. Державиним:

В дни цветения роз свою волю с цепей я спущу
И нарушу святой шариат и святош возмущу.

В сонме юных красавиц весны зеленеющий луг
Я в тюльпановый ярко-багряный цветник превращу.

Чего ради «в дни цветения роз» нужно «превращать в тюльпановый цветник» луг, и без того, очевидно, «ярко-багряный»? Видимо, первые слова оригинала: «Пора цветения!» – правильней понимать как «Пора цветению!» – с тем подтекстом, что весна запаздывает и промашку природы надо как-то исправить.

532. По критерию: вес = 513, 65-е место.

534. В первой строке – вариация поговорки: «Солнце глиной не замажешь», в смысле: правду не скроешь. Но Хайям придает поговорке иное значение. Будь осторожен, ученый: обнародованное открытие – «просверленная жемчужина» – общедоступно, как солнце, его уже «не замажешь», не спрячешь.

536. По критерию: вес = 497, 73-е место. Претендент на авторство: Шарфуд Дин Шафрух.

537. Переводчик уверен, что это четверостишие – презрительное «Прощай!» вслед Богу, ушедшему от людей, – поэтому здесь «ты» написано им с большой буквы. Но возможно, что это всего лишь экспромт вслед укатившемуся грошу. (В средневековых рукописях ни прописных букв, ни даже знаков препинания – нет... Приходится догадываться.)

539. По критерию: вес = 621, 26-е место. Претендент на авторство: Санаи.

543. Пятница и суббота имеют собственные названия, остальные дни недели зовутся именно так: «первый», «второй»... день после субботы. Пятницу также пришлось назвать по номеру, чтобы избежать неблагозвучного стыка: «и в пятый, и в пятницу...»

546. По критерию: вес = 478, 84-е место. Претендент на авторство: Салмон Соваджи.

548. По мнению переводчика, разноречивые тексты в Вариантах созданы переписчиками, пытавшимися снять мнимое «противоречие» и приблизить «вино» к его обыденному смыслу.

550. См. № 479.

559. Примечательное сопоставление своего учения, запрещающего «пить печали», с мусульманством.

Кстати, про лал бадахшанский. В горах Бадахшана испокон веков добывается благородная красная шпинель – камень, который всегда был дешевле настоящего рубина, привозимого из Индии. Поэтому уточнение: «Рубиноустая – лал бадахшанский – где?» (так в оригинале) – приземляет образ, звучит уже не как «где красавица?», а скорей как «где твоя красотка из предместья?».

Рейхан – благовонные травы, в частности базилик.

560. «Омоемся вином...» Имеется в виду ритуальное омовение перед молитвой. Если нет воды, шариат допускает омовение песком, но, естественно, не вином.

561. По критерию: вес = 620, 27-е место.

564. ДЖОУ во всех словарях – ячмень, ячменное зерно; либо же ничтожно малое количество чего-нибудь. Однако, судя по старинным пословицам, этим словом обиходно именовалась и мелкая монета; как следует из контекста четверостиший, Хайям всегда употребляет это слово именно в смысле «грош».

Иное прочтение дает сомнительный эффект (для примера – пер. О. Румера):

Усами я мету кабацкий пол давно,

душа моя глуха к добру и злу равно.

Обрусья мир – во сне хмельном пробормочу я:

«Свалилось, кажется, ячменное зерно».

566. Все смертные грехи Хайям взваливает не на кого-нибудь, а на себя – чтобы с особой хлесткостью прозвучало в адрес ханжеского окружения: «Я строже их блюду запреты шариата!» Этот сатирический прием Хайям использует часто: мол, я – такой-сякой, но ты – еще хуже!

569. См. № 131, 499, 782, 845.

571. По критерию: вес = 467, 96-е место.

574. Более точным был бы такой перевод последней строки: «А ты – на мой зрачок побрезгуешь присесть», т. е. погнушаешься моим радушием, готовностью всячески услужить. Четверостишие приписывается также Хафизу.

576. По критерию: вес = 480, 81-е место.

577. См. № 819.

578. См. № 1191.

582. По критерию: вес = 534, 57-е место.

584. Намек на адский огонь, которому заведомо будет больше по вкусу «высохший аскет», чем размокший от вина грешник.

587. По критерию: вес = 544, 48-е место.

589. По критерию: вес = 611, 30-е место. Претендент на авторство: Афзал Каши. См. № 1303.

593. В оригинале использовано суфийское иносказание «продавец вина», означающее «духовного наставника». Возможно, Хайям намекает на себя как на распространителя собственного учения.

596. См. № 307.

597. Табризи сопровождает в «Тараб-ханэ» это четверостишие такой легендой: «А еще утверждают, что иные секты в переселение душ веруют. По этому поводу рассказывают, что медресе в Нишапуре обветшало (вар.: от землетрясения разрушилось) и восстановлением его была занята община. Некий длинноухий, когда кирпич перевозили, однажды в воротах уперся намертво и дальше не шел, несмотря на побои. Хайям, оказавшийся там тогда, неожиданно сказал это рубаи на ухо ослу, и тот пошел куда требовалось.

Потом на расспросы Хайям объяснить соизволил, что любой дух, имеющий привязанность к телу, при этом попадает часто и в зависимость от него. Этот осел – бывший здешний учитель; поскольку он вознесения на небо не заслужил, то внизу остался и пришел в такое плачевное состояние: поначалу для некоторых даже ада, кроме такового, нет. Он от конфуза на кафедру не рещался шагнуть, когда же из моих слов убедился, что узнан, тотчас

покорился».

Средневековый мусульманский историк Санади в хронике «История от алефа» писал о Хайяме: «Из большинства книг известно, что он доктрину переселения душ признавал», – и как пример приводил эту историю. Советские исследователи А. А. Болотников и другие находили, что Хайям в переселение душ не верил, смеялся над этим «антинаучным суеверием», и в доказательство опять-таки приводили это рубаи.

599. По критерию: вес = 521, 61-е место.

«Что значит „путь кутил“, что значит „зелье пить“?»

Дальнейшее развитие хайямовского учения. Отсутствующий Бог. Вставной игровой сюжет: до, во время и после Рамазана.

600. Здесь акцентируется, что слово «узор» – условно: «что же оно такое – аллегорически именуемое узором?» И поэт отвечает про рождение и смерть «узора»; отсюда, а также из намеков в других четверостишиях ясно, что узор – Вселенная.

601. По критерию: вес = 553, 45-е место. Претендент на авторство: Афзал Каши.

Это знаменитое четверостишие, древнейшее из известных, обычно воспринимается как повествование о людях, которых Хозяин лепит из глины и разбивает. Соответственно звучит и подстрочник в Издании 1959 г.: «Мастер, который создавал людей, не знаю, зачем создал их с изъянами и недостатками?» Но это уже не дословный перевод, а пристрастное толкование! Следовало написать: «Хозяин, который сочетание стихий украсил, совершенно не знаю, зачем сделал его хламом?» Впрочем, поддельная рукопись, положенная в основу этого издания, имеет немало сомнительных различий с источниками гораздо более надежными. В большинстве из них читается так: «... ради чего вышвырнул его в хлам?» Едва ли это сказано про людей. Сочетать стихии Творцу требовалось только при сотворении зримого мира. Легко видеть, какими двумя причинами вызвано повсеместное ошибочное прочтение этого четверостишия: во-первых, прошедшим временем (дескать, наша Вселенная существует, значит, она еще не сломана и не «вышвырнута в хлам», значит, не о ней речь). Во-вторых, незнанием тайной философии Хайяма, согласно которой наша Вселенная хоть и действительно еще не разбита, но, как и многие другие вселенные, заброшена и забыта Творцом, – то же самое, что выброшена на свалку.

В других версиях – не «сочетание стихий», а «строение, здание» и «сочетание диковин». Смысл практически тот же.

Хомайи в тегеранском издании «Тараб-ханэ» приводит чей-то «ответ», автор которого явно видит здесь именно Вселенную:

Конструкция стихий – ущербна? Что за вздор!

Хвала Создателю – лукавый твой укор.

И развернуть ее Он волен, и уменьшить...

Своим творением Художник тешит взор.

Зато Абу-Саид, текст которого (№ 1299) я считаю «ответом» на это же четверостишие, в этом «здании» увидел «шатер» человеческого тела.

605. «Небосвод – кошмарный череп мира...» Не отголосок ли той же мысли, что наш мир выброшен на свалку?

608. Последние строки отчетливо понимаются так: мои речи про «вино» понятны лишь посвященным.

610. См. № 642, 685.

611. Имеются в виду обязательные для мусульманина ежедневные пять молитв.

614. По критерию: вес = 465, 99-е место.

616. По критерию: вес = 472, 91-е место. Претендент на авторство: Садруд Дин Куджанди.

619. Можно понимать двояко: то ли ангел, посланный усювестить грешника, посетил героя четверостишия, то ли Хайям имеет в виду дух человека – как гостя в брэнном теле. Но что из того, что ты сам благословишь свой день? Зато благословение ангела, возможно, имеет какую-то силу.

По критерию: вес = 493, 76-е место.

621. Один глоток хайямовского «вина» спасает от прозябания сотни душ, отсюда и такая высокая цена его. Кстати – о паре «корона-кувшинный черепок», часто встречающейся в стихах Хайяма. Однажды он уточняет: «черепок от верха хума (большого кувшина)». Значит, он имеет в виду четкий зрительный образ: это не любой черепок, но именно кольцевая верхушка кувшина. Если надеть ее на голову – чем не глиняная корона!

623. Сатана (Иблис) – единственное из творений Аллаха, кто в гордыне своей не поклонился Адаму.

624. Одна из более чем прозрачных «подсказок». И после этого нам говорят, что стихи Хайяма – призывы к пьянству?...

632. См. № 933.

635–638. Три первых четверостишия найдены мною в средневековых рукописях,

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
четвертое – любезно сообщил мне А. Ш. Шахвердов, составитель петербургских изданий стихов Хайяма (1986 и 1993 гг.). Он собрал бесценную коллекцию – многие десятки тысяч рубаи разных авторов. Возможно, что сам Хайям сочинил только одно из этих четверостиший (но – которое?), остальные три созданы его поклонниками.

641. Итак, превыше всего в мире – «хмель»... Однако в одной из рукописей это рубаи приобрело вид откровенно суфийского – заменой всего одного слова в третьей строке (остальные разночтения второстепенны):

За капельку вина – китайскую державу,
А за глоток вина сто вер отдал бы, право!..

Прекраснее вина что в мире назовешь? –

Для тысяч милых душ горчайшую отраву.

Внезапно возникший здесь суфийский мотив воспевания горестей как высшей ценности Бытия – лишь единожды встречается среди хайямовских стихов (№ 48).

642. По критерию: вес = 590, 33-е место. См. № 262, 610, 685, 722.

643. Здесь «вино» – символ человеколюбия и отзывчивости.

Чтобы втискивать такие рубаи, как это, в привычное изображение Хайяма пьянчужгой, поэтам-переводчикам, введенным такой традицией в заблуждение, приходилось основательно «редактировать» стихи, подменяя серьезный разговор зубоскальством.

645. Итак, уроки Сердцу пошли впрок, и теперь оно отвечает грамотно даже на провокационные вопросы.

647. Во всех известных стихотворных переводах этого четверостишия на русский язык, как и в большинстве оригинальных списков, действующее лицо – «я» (см. Варианты). Персонаж намекает на крайнюю нужду, толкающую на греховные поступки, и уже сама попытка оправдаться говорит о его богобоязненности, которую не всякий читатель сочтет притворной.

Но в «Тараб-ханэ» обнаруживается «мы» – и рубаи приобретает совершенно новое звучание. Что один коврик – для нескольких человек? Ссылка на то, что прежний коврик обветшал, звучит уже откровенно ернически, налет богобоязненности исчезает, и главное, автор уже окружен единомышленниками, которых заразил презрением к шариату.

В рукописях со стихами Хайяма видна общая тенденция: из всех версий какого-либо злого четверостишия шире других распространялась обычно самая безобидная – как и в данном случае. Точнее даже так: популярны были его злые стихи, но – в умеренной редакции. Своеобразное нивелирование на уровне «полузлого» Хайяма.

648. Вопреки общепринятому мнению, вино не запрещено шариатом безусловно. Однако его окружает густой частокор частных запретов. В данном случае имеется в виду, что вино строжайше запрещено во время Рамазана – месяца строгого мусульманского поста.

Четыре месяца мусульманского лунного календаря, упоминаемые в этой серии стихов, идут в такой последовательности: Раджаб, Шабан, Рамазан, Шавваль. По критерию: вес = 668, 15-е место. Претендент на авторство: Джалал ад-Дин Джалал.

652. Прочтение О. Румером этого четверостишия ошибочно в последних строках, а потому и противоречиво в целом:

Обета трезвости не даст, кому вино –

Из благ – сладчайшее, кому вся жизнь оно.

Кто в Рамазане дал зарок не пить – да будет

Хоть не свершать намаз ему разрешено.

Видимо, О. Румер прочел последнюю строку так: «Сразу /и/ от намаза пусть спасенным станет». В его переводе герой четверостишия сильно сдает позиции. Право «не свершать намаз» – слишком скромная компенсация за лишение «сладчайшего из благ». Не то в оригинале, где последнюю строку нужно понимать так: мигом благодаря намазу пусть спасенным /от зарока/ станет». Автор предлагает средство вернуть утраченное: свершив намаз, отмолить опрометчиво взятый на себя зарок.

По критерию: вес = 549, 47-е место.

653. Ночь Кадр, «ночь предопределения» – 27-я ночь месяца Рамазана, когда Аллахом был ниспослан Коран.

654. Мусульманский пост отличается от христианского. Во время Рамазана вообще нельзя есть и пить днем, пока солнце на небе; ночью – можно. Это и обыгрывает Хайям.

655. У Хайяма – нагнетание событий. «Пустить ветры» во время молитвы – грех малый. Соверши омовение сызнова и молись опять. Но вот хлебнуть вина!..

Г. Плисецкий и О. Румер перевели это четверостишие как бы по частям:

Чтобы Ты прегрешенья Хайяма простил –

Он поститься решил и мечеть посетил.

Но, увы, от волненья во время намаза

Громкий ветер ничтожный твой раб испустил!

В молитве и посте я, мнилось мне, нашел

Путь к избавлению от всех грехов и зол.

Но как-то невзначай забыл про омовенье,

Глоток вина хлебнул – и прахом пост пошел.

Не зная оригинала, трудно догадаться, что это переводы одного и того же рубаи.

657. В вариантах приведено это же стихотворение, в некоторых рукописях встречающееся в форме «мустазод»: с дополняющими короткими строками, имеющими самостоятельную рифму. Едва ли автор такого варианта – сам Хайям. По критерию: вес = 628, 20-е место.

659. «Спина, посторонись!» – дословно такой же окрик грузчика случилось переводчику услышать – не в Нишапуре 900 лет назад, а недавно, в московском мебельном магазине.

660. По критерию: вес = 535, 54-е место.

663-666. Видимо, время постепенно сделало из каких-то двух первоисходных – и разбросало по разным рукописям – эти четыре рубаи. Переводчик рискнул связать их в единый цикл, напоминая конструкцию «Квадрата квадратов» И. Северянина. См. также № 694, 1191.

669. См. № 285.

672. В оригинале обыграно звучание (словно бы по-персидски) арабских слов в утреннем призыве муэдзина, приглашающего мусульман к молитве.

По критерию: вес = 632, 19-е место.

674. См. № 716.

675. Хайям говорит, что уничтожены «сотни тысяч Джамов и царей этими приходами лет и уходами зим». Явный намек, что и годы следует исчислять сотнями тысяч, – но сказать об этом прямо нельзя, поскольку мир сотворен Аллахом якобы всего лишь 7000 лет назад.

677. Хайям перефразирует поговорку: «И незрелым виноградом еще не ставши, ты хвастаешься, что ты уже изюм!» Здесь незрелый виноград – неуч, изюм – человек, познавший тайны бытия. Русские поэты-переводчики обычно истолковывают этот образ в контексте возраста, а не мудрости, и потому выворачивают его наизнанку, у них получается: быть «виноградом» – хорошо, «изюмом» – плохо.

679. По критерию: вес = 471, 94-е место. Претендент на авторство: Аттар. См. № 718.

681. Серьга в ухе – примета раба. Так что это совет не просто единожды прислушаться к мудрости, но стать вечным рабом ее.

683. Абу-Саид и Адхам – суфийские шейхи, религиозные песнопения которых стали гимнами и молитвами. Образец лирических стихов Абу-Саида можно увидеть в примечании к № 968.

684. См. № 856.

685. «Год выпал, будто лист...» – закончился год по солнечному календарю; праздник Нового года (Навруз) отмечается в день весеннего равноденствия. См. № 610, 642.

687. По критерию: вес = 573, 39-е место.

689. По критерию: вес = 506, 69-е место.

692. Повторение слова «кабак» в некоторых вариантах (см. Варианты) – ошибка какого-то средневекового переписчика.

694. См. № 663, 666.

699. Хайям постоянно называет «вчера» не достойным внимания и сожалений. Ну и почему бы, действительно, не пропить вчерашний день!

Замечу, что третья строка оригинала может быть прочитана по-разному: «в харабате в заклад принимали...» – либо «вчерашнюю ночь мою», либо «вчерашней ночью меня». Именно сопоставление с другими четверостишиями подсказало мне выбор. Вот что получается, если истолковать иначе (С. Кашеваров, 1935):

Если бы мир упасть на улицу мог,

Пьяный, его бы оценил я в пятак...

Как-то в залог меня сдавали в кабачке,

Молвил кабатчик: «Вот залог, так залог!»

700. В оригинале, как и в переводе, игра слов. Среди того, что сказано Аллахом, в Коране присутствует слово «Майсара». Не важно, что это значит по-арабски (большинство персов, сосредоточенно внимавших утренней молитве муэдзина или чтению муллой глав из Корана, на самом деле не понимали ни слова). Главное, что на фарси это звучит как «вино чистейшее», «превосходное», «приятное».

701. Рыба – сказочное существо, держащее на себе Землю (сродни трем китам). Восходит к древнейшим верованиям разных народов о драконе – властителе вод, являвшихся символом Хаоса; дракона победил Творец, и лишь тогда стало возможным создать упорядоченный мир, разместив его на спине усмирненного чудовища.

706. Механические часы с минутной и часовой стрелкой тогда не были еще

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org изобретены; но как похоже!.. То, что это четверостишие адресовано Аллаху, подтверждается хотя бы тем, что Табризи в «Тараб-ханэ» поместил его в раздел «О смирении», где собраны стихи (не только молитвенного, но и бунтарского плана) о взаимоотношениях человека и высших сил. Однако существует и ошибочная версия четверостишия (см. примеч. к № 1234), создающая совершенно несвойственный Хайяму контекст, прекрасно переданный Г. Плисецким:

Мы похожи на циркуль, вдвоем, на траве:

Головы у единого тулова две,
Полный круг совершаем, на стержне вращаясь,
Чтобы снова совпасть головой к голове.

«В шкатулку с лалами подсыплю изумруда...»

Окончательное решение проблемы: истинный смысл земной жизни – именно в самой земной жизни. Преодоление диктата небес. Вставной сюжет: наивный виночерпий, боящийся грехов, но не страшщийся философии.

708. По критерию: вес = 621, 25-е место.

710. ФАЛАК означает и колесо, и гончарный круг, и прялку, и небосвод, выступающий символом рока и судьбы (точнее, «подвижную» часть небосвода, внутри сферы неподвижных звезд). Хайям часто обыгрывает неоднозначность этого слова.

711. Имеются в виду ритуальные кирпичи из необожженной глины, подкладываемые под изголовье покойнику.

713. Скорей всего, это склейка пар строк из двух различных четверостиший (порознь не известных).

716. См. № 674.

717. См. № 1302 – пародийный «ответ» Хайяму.

718. См. № 679.

721. Как пишет В. Н. Зайцев в статье «Омар Хайям и Эдвард Фитцджеральд» (альманах «Восток – Запад». М.: Наука, 1982. Вып. 1):

«На родине Хайяма это четверостишие получило широчайшую известность из-за своего красивого звучания. Последний стих в оригинале звучит приблизительно так: „Ку кузегар-о кузехар-о кузефоруш“. Частое повторение слога КУ превращает всю фразу в подобие какого-то волшебного заклинания, несколько не затемняя ее смысла. Прием аллитерации доведен здесь, кажется, до предела его музыкальных возможностей».

По критерию: вес = 478, 85-е место. Претендент на авторство: Афзал Каши.

722. См. № 642.

730. Хайям, как известно, преподавал «науку греков», куда наверняка входила логика Аристотеля – предмет одновременно и примитивный и заумный. Легко представить такую сцену.

Он приходит после урока в майхану. Настроение паршивое, в голове крутятся дурацкие термины из логики и бредовые апории и силлогизмы вроде того, что: петух – двуногий, Платон – двуногий, поэтому Платон – петух. Или наоборот, петух – Платон... Буквально все предметы и явления в мире Аристотель расставлял по полочкам категорий и видов – по «основным признакам». А сейчас главный признак Хайяма – головная боль и хандра. Аристотель явно поставил бы его на совершенно другую полку «видов», чем прежде!.. Вот и просит у саки поэт, изъясняясь навязанными на зубах терминами: разобраться, на какой он сейчас полке классификации, найти его и избавиться от ошибочной классификации, вернуть на место – с помощью вина, разумеется.

733. По критерию: вес = 691, 8-е место.

734. По критерию: вес = 590, 34-е место.

736. См. № 791.

740. См. № 1192.

744. По критерию: вес = 541, 51-е место.

761. Если не «прежние секты», значит, «новая секта». В этом можно видеть косвенное подтверждение того, что Хайям действительно имел учеников, которым преподавал нетрадиционную морально-этическую концепцию, возведенную им здесь (в шутку или для маскировки) в ранг нового религиозного течения.

766. Бюльбюль – соловей. Именно так, на этих же звукоподражательных рифмах, построено четверостишие в оригинале.

772. В этом техническом этюде, нанизывая однокорневые слова, автор явно переиграл.

776. Стихотворение, вызвавшее не только у всех поэтов-переводчиков, но и даже у авторов подстрочника в Издании 1959 г. дружное недоумение:

Те, кто кладут в основу благочестия лицемерие,
Приходят и ставят преграду между телом и душой.

А я после этого поставлю на голову /свою/ кувшин с вином,

Если даже мне распилят голову, как петуху.

Сравнение – обычно с чем-то знакомым. Но что здесь за распиливание головы петуху? Какой-то ныне забытый варварский ритуал?... Но ведь ее и

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
распилить-то, наверно, невозможно.

Там же в комментарии уточняется, что буквально – так: «Если мне, как петуху, приставят к темени пилу». Этот текст показался темным, и его «адаптировали».

В. Державин правильно догадался, что эта «пила» не что иное, как петушиный гребень, но жутковатый отблеск подстрочного перевода проник и в его стихотворную версию: «Хоть, как петуху, мне темя гребнем окровавят».

Л. Некора, издавший свой перевод Бодлеанской рукописи в 1935 г., также споткнулся на этом месте:

Вину с душой не слиться? Да будь все это так,
Давно б всадил в свой череп я гребень, как петух.

Итак, даже правильная замена «пилы» естественным для петуха «гребнем» не дала ответа: зачем нужно всаживать в свой череп гребень? Или кто-то иной мне его «приставит» – это что, наказание? Л. Некора в своем переводе даже кувшин отбросил, а в нем-то весь смысл. Красноватый кувшин на голове напоминает петушиный гребень: сам кувшин – этот «гребень» в четверостишии и есть. И потому не «приставят», а «представят» правильной было бы перевести: примут меня с таким гребнем за петуха.

А разгадка четверостишия – в содержимом кувшина: Хайям то и дело ассоциирует вино с душой.

Эти болтуны «духовидцы» не «ставят преграду между телом и душой» (тоже неверно переведено), а «устанавливают различие», т. е. берутся всегда определить, где тело, где душа. Вот Хайям и разоблачает их дутую славу с помощью забавного эксперимента-загадки: «Что видите?» Им бы на кувшин указать: «Душа!», а они, желая унизить загадчика, попадают впросак: «С гребнем?... Петух!»

778. По критерию: вес = 541, 52-е место.

780. В существующих переводах обычно: «я разбил кувшин». Неверно. В оригинале: «я ударил». Черепки разбитых кувшинов или чаш у Хайяма никогда не говорят.

По критерию: вес = 466, 97-е место.

782. См. № 131, 499, 569, 845.

791. Четверостишие исключительно богато озвучено семикратным повторением корня ДАМ, означающего то «миг», то «вздых». См. также № 736.

793. Любой день, в котором мы живем, называется «сегодня», поэтому во «вчера» нам быть не приводилось, достичь «завтра» не удастся (именно про «завтра» и «вчера» речь в последних строках). Этот софизм Хайям часто использует в поэтических целях, советуя ушедшие во вчера невзгоды считать как бы и не бывшими, но зато и к надеждам на завтра относиться с таким же сомнением, как и к возможности пожить в «завтра».

796. Шах упомянут здесь не случайно. «Основными компонентами празднеств при средневековых дворах были музыка, стихи и вино... Вино занимало большое место в жизненном укладе. Несмотря на религиозный запрет, вино постоянно упоминается в средневековых сочинениях при описании жизни дворов»

(Ворожейкина З. Н. Литературная служба при средневековых иранских дворах: Очерки истории культуры средневекового Ирана. М.: Наука, 1984. С. 158).

798. См. № 421, 813.

800. По критерию: вес = 773, 5-е место.

807. Следуя «питейной» традиции в толковании стихов Хайяма, в этом «намертво забыть» все поэты-переводчики видят «упившегося до беспамятства». Между тем автор говорит о тупице, блаженном в своем невежестве, а про вино не упоминает.

812. Здесь Ирак – западные и центральные провинции средневекового Ирана.

813. См. № 241, 421, 798.

817. По критерию: вес = 677, 11-е место.

819. По критерию: вес = 585, 35-е место. См. № 577. 831. завершение этого четверостишия дословно таково:

Сказал я: «Неужели разрушу эту тюрьму,
Нога моя из стремени шариата на камни встанет?»

Хайям мечтает, как досадные путы, стряхнуть с ног «стремия шариата» и «разрушить тюрьму» рока, преобразовать, облагородить земное существование. Едва ли правомерно понимать «разрушение тюрьмы» в смысле «освобождения от тела», как получается в единственном известном переводе С. Кашеварова (сомнительно понявшего и последнюю строку):

Сердце, как в клетке, сжимается подчас.

Дух свой из плена бы позорного я спас,

Тело-темницу уничтожив, но увы! –

Стремя шариата тверже камня для нас.

Это звучит как огорчение, что самоубийство запрещено шариатом. Ошибка С.

Кашеварова понятна: не зная, с какой «тюрьмой» воюет Хайям, он ассоциирует ее с «клеткой» из первой строки – с грудной клеткой. Но освобождение Сердца

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
из «тюрьмы»-тела с помощью самоубийства – нелепость, и переводчику пришлось подправлять автора, говоря уже о спасении не Сердца, а духа. В оригинале же говорится только о Сердце, и не случайно. Действовать в этом мире, в том числе и «разрушать тюрьму», в которой находится притесняемое роком человечество, Душа самостоятельно не может, только через Сердце: земная жизнь – его вотчина. А Сердце, проникшись этой высокой задачей, впадает в отчаяние (в этом четверостишии), поскольку и само оно слабо и находится в «клетке» своей смертной плотской природы. Великий замысел – и слабосильный исполнитель его. Отсюда и трагический пафос четверостишия.

833. Хайям здесь перечисляет атрибуты трех религий: кумирни идолопоклонников (надо полагать, зороастрийцев), Каабу, михраб и четки мусульман, колокола, церковь и крест христиан. Однако в переводах С. Липкина и В. Державина вместо «кумирни» – «кабак», нарушающий стройную поэтическую композицию. Они стали жертвой того варианта в списках, где какой-то переписчик соблазнился БОТХАНЭ превратить в МАЙХАНЭ, т. е. «кумирню» в «кабак», и тем приблизить четверостишие к «винным» стихам Хайяма.

835. См. № 226. Есть основания думать, что эти два похожих четверостишия – авторские варианты.

836. Это стихотворение, очень хайямовское по стилю, построено на остро акцентированных и блестяще аллитерированных парадоксах: пышно выпеченным хлебом – обладают «сырые», «недопеченные» люди (в переводе мне пришлось взять другую альтернативу свежему хлебу); полноценной утварью (в смысле: обеспеченной жизнью) – неполноценные; а прекрасные тюркские глаза – владенье подмастерьев и гулямов (т. е. рабов – либо слуг, либо воинов-невольников). Причем это «владенье» можно понимать двояко: «тюркские глаза» то ли у самих гулямов, то ли увлекаются гулямами. О. Румер избрал первый вариант (заодно и приглушив резкость начальных строк):

На чьем столе вино, и сладости, и плов?

Сырого неуча. Да, рок – увы – таков!

Турецкие глаза – красивейшие в мире –

Находим у кого? Обычно у рабов.

С. Б. Морочник и Б. А. Розенфельд якобы «в соответствии с таджикским оригиналом» переделали завершение этого перевода так:

Глаза Туркан-хатун – красивейшие в мире – Добычей стали чьей? Гулямов и юнцов!

Они пишут: «Румер принял имя Туркан за нарицательное слово, означающее „турки“, а слово „гулямов“ перевел словом „рабов“. Слово „гулямы“ во времена Хайяма означало главным образом придворных гвардейцев, формально бывших собственностью („рабами“) султана, но фактически представлявших собой вооруженную силу, что позволяло им неоднократно свергать и возводить султанов». По их мнению, «на отношения Хайяма со вдовой Мелик-шаха Туркан-хатун, которой не без помощи придворных гвардейцев-гулямов удалось, отстранив остальных преемников Мелик-шаха, посадить на трон его младшего сына, пятилетнего Махмуда, и быть фактической императрицей, по-видимому, в значительной степени повлияло это четверостишие». (Морочник С. Б., Розенфельд Б. А. Омар Хайям – поэт, мыслитель, ученый. Сталинабад, 1957. С. 50–51.)

«Гулямы» – хорошо; «турки» – надо полагать, речь о тюрках, поскольку турецкой нации тогда попросту еще не было; в остальном толкование весьма сомнительное. Получается, что даже подмастерья помыкали Туркан-хатун?... Из множества возражений достаточно привести два. Во-первых, «туркан» (так в тексте оригинала) совсем не то же, что «Туркан-хатун»: титулование царствующей особы оторвать от имени попросту невозможно. Во-вторых, хотя Хайям явно не скупился на личные выпады в стихах, он ни разу не назвал ни одного личного имени (кроме своего собственного). Только прозвища (скорей всего, им же только что и придуманные, например: «Ладонь, Дарующая Благо» и «Рохалло Ку») и имена легендарные. С чего бы ему нарушать этот свой принцип, да еще в той скользкой ситуации, когда сам он служит при дворе Туркан-хатун? Так что едва ли в четверостишии речь о ней.

838. См. № 160, 1205.

842. По критерию: вес = 535, 56-е место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Авхаад Кирмани.

843. Четверостишие необычное, но по всем приметам хайямовское. «Змея горя» у него встречается и в других стихах; здесь он, отталкиваясь от этого образа, как бы обнаруживает недочет в своей «алхимической рецептуре» счастья и уточняет ее (заметим, последние строки напоминают именно формулы алхимиков). Шкатулка с лалами – иносказание для «кубка с вином», который в свою очередь средоточие уже знакомых нам иносказаний Хайяма. Есть поверье, что ядовитую змею можно ослепить блеском изумруда; оно породило пословицы

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
 («ослеплять эфу изумрудом», т. е. обманывать врага или жизненные невзгоды) и поговорки («изумруд и глаз эфы», т. е. несовместимые вещи). Отсюда и вывод, что в «шкатулку лалов» – в проповедуемый Хайямом набор благородных жизненных принципов – должен быть добавлен и некий «изумруд», нейтрализующий «змею горя».

Поскольку горе – «мое», ясно, что под «винохлебом» Хайям имеет в виду самого себя. Но что такое здесь изумруд?... Остается только догадываться. Надо также сказать, что первая строка дает двойное чтение, поскольку содержит омонимы: «богатый» – «пение» и «нагой» – «кривляние»; при этом меняется и смысл второй строки:

1) Винопитец хотя обогащает /торговца/, – нагим становится, и от воплей его мир приходит в смятение.
 Здесь «вопли» – стенания разоренного пропойцы, «смятение мира» – от сочувствия бедняге.

2) Винопитец если пение затеет – кривлякой становится...
 Здесь уже «вопли» – несносное пение, а «смятение» – возмущение окружающих. Общий контекст четверостиший Хайяма и завершение этого рубаи подсказывают отдать предпочтение первому толкованию.

845. Лобат – женское имя: «Дивная красавица».
 Это рубаи входит в куст четверостиший, завершающихся словами: «Склонись! Не упади!» (см. № 131, 499, 569, 782); но здесь переводчик был вынужден нарушить стереотип и перевести их соответственно новому контексту: «Нагни! Но не пролей!» Своим зачином: «Вчера я был... и видел две тысячи...» – оно родственно также знаменитому четверостишию № 721. Нет сомнений, что автор – Хайям.

Зато странный текст, приведенный в Вариантах, едва ли принадлежит его перу; он производит впечатление карикатуры на это четверостишие. Однако Тиртха почему-то предпочел взять для своей книги именно тот вариант; более того, в переводе на английский язык он его слишком «осовременил»:

Тропой любви к Тебе спешил-бежал,
 В руке кастрюлю полную держал,
 Две тысячи уланов вслед за мной:
 «Пролей хоть каплю! Сразу – наповал!»

853. Недоговоренность порождает множество догадок. Чего двадцать и чего шестьдесят? О. Румер предположил, что – винных кубков:
 Пред взором милых глаз, огнем вина объятый,
 Под плеск ладоней в пляс лети стопой крылатой!
 В десятом кубке прок, ей-ей же, невелик:
 Чтоб жажду утолить, готовь шестидесятый.

А. Ш. Шахвердов, комментируя его перевод (Омар Хайям. Рубаи. Л., 1986. С. 271), пишет: «В оригинале речь идет, вероятно, о числе прожитых лет». Не исключено. А что, если это количество зрителей, аккомпанирующих плясуну хлопаньем в ладоши?

Многозначность текста в данном случае случайна. Это явный экспромт, произнесенный в понятной слушателям ситуации.

856. По критерию: вес = 472, 93-е место. См. также № 684.
 «Коль не сама Любовь, то, право, кто же ты?...»
 Драматическая история любви немолодого поэта к ветреной красавице. Большинство этих стихов практически неизвестно даже персидским читателям. И никто, кажется, не замечал раньше, что они являются фрагментами единого сюжета.

858. В третьей строке слегка пародируется двойная адресация, принятая в суфийской лирике, где по видимости стихи обращены к возлюбленной, а на самом деле – к Богу. Здесь – наоборот.

861. Первую строку можно читать по-разному: «С какой стороны, из какой страны ты пришла?» либо «Чьими руками ты создана?». В существующих переводах встречаются оба варианта.
 По критерию: вес = 466, 98-е место.

862. Только математику и геометру (кем и был Хайям) мог прийти в голову такой причудливый образ.
 Заметим, этот образ прямо соответствовал его научным изысканиям: он вплотную приблизился к решению проблемы бесконечно малых, т. е. к интегральному и дифференциальному исчислению, более чем на 500 лет опередив свое время. И все же надо быть не только математиком, но и поэтом, чтобы вообразить настолько «бесконечно малую» окружность, что внутри не помещается даже точка ее центра:
 Неужели в окружности рта не вмещалась
 Та точка, что из окружности наружу была вытеснена?

865. Если обратиться к переносному смыслу использованных Хайямом шахматных терминов, последнюю строку можно перевести так: «И – пал, лицом к лицу с владычицей своей».

866. В Издании 1959 г. авторы подстрочника так перевели окончание четверостишия: «Она бросила на меня взгляд и ушла, как будто говоря: „Сделай добро и брось в воду“». В примечании – оговорка, что это, видимо, пословица, смысл которой с веками утерян. Поэты-переводчики, пользовавшиеся этим подстрочником, пытались придать «пословице» осмысленность, например: «Сделай добро и брось в поток, чтобы людям волны умчали» (В. Державин). Но дело в том, что «как будто говоря» – перевод не очень верный, ошибочный чуть-чуть, ровно настолько, чтобы направить всех по ложному пути. Правильней было бы: «попросту говоря» или «ну вот!» как вступление к авторской оценке ситуации: «Сделай добро... и брось в воду!». Как наше: «Из жара – да вдруг в холод!» Ведь красавица не только «бросила на меня взгляд», но, увы, «и ушла».

867. Существует в рукописях также четверостишие, составленное из начала этого рубаи и завершения рубаи № 740. Это составное рубаи присутствует в переводах Г. Плисецкого.

869. «... ручка... ножка...» Один ревнитель точности возмущался: в персидской поэзии не приняты эти уменьшительные формы. Верно. В оригинале их действительно нет. Но я-то перевожу на русский. Представьте, читатель, такой оборот: «Ах, поцеловать бы мне твою ногу!..»

872. О разнице между простым лалом (шпинелью) и яхонтом (настоящим рубином) см. примеч. к № 559.

879. По критерию: вес = 988, 2-е место. Претендент на авторство: Султан Бабар.

884. Локоны возлюбленной – пути для Сердца. Здесь автор, как бы полагая эту метафору самоочевидной, развивает ее дальше.

885. В оригинале: «он/она», что позволяет адресовать четверостишие как Богу, так и красавице. В переводе использовано «ты» для сохранения двойной адресации.

886. Это необычное четверостишие присутствует только в рукописи 1851 г. В. N. S. P. 1458 (Национальная библиотека, Париж). Несмотря на такое позднее время создания, она достойна внимания, поскольку в ней есть стихи, которые появились однажды в списке XV в. – и потом 400 лет нигде больше не встречались; есть и уникальные стихи. Судя по всему, она является выпиской из неизвестной нам древней рукописи.

Шариат запрещал изображение людей, поэтому возник особый вид искусства – рисование буквенными знаками, надписями (примерно с XVI в. этот запрет на практике стал игнорироваться, рисование надписями сохранилось только в оформлении монет и священных текстов, откуда следует, что четверостишие действительно древнее)... Здесь мы видим еще более условный ход: описан процесс такого рисования. Алеф и лям – названия букв А и Л. «Портрет» героини постепенно образует арабское слово («Аллах»), которое в этой рукописи выглядит так:

Остается только добавить воображением глаза, овал лица...

Четверостишие крамольно не только тем, что именно слово «Аллах» оказывается портретом героини. Многие суры Корана начинаются загадочными сочетаниями букв, в которых мусульманские вероучители предполагают глубочайший мистический смысл. Расшифровки их являлись предметами богословских споров. Вот одна из этих аббревиатур: «Алеф лям мим ра», в первых ее буквах предполагают слова: «Я – Аллах...» Автор четверостишия как бы забыл про мистический трепет, который должен возникать при упоминании пары букв «алеф» и «лям».

891. Зухра – легендарная красавица, хитростью выведавшая у ангелов заклинание, чтобы живой вознестись на небо. После вознесения, прощенная за свой проступок, она стала музыкантшей на божественных пирах. Ее именем названа прекрасная планета (Венера). Появление имени «Зухра» в стихах всегда ставит вопрос: на какую деталь этой легенды намекается?

Во всех известных нам переводах «Зухра» – синоним красавицы. В результате во втором двустишии звучит простое повторение образа из первого двустишия – огрех, недостойный большого поэта. Но если предположить, что «Зухра» здесь – планета Венера, возникает емкий образ, построенный на далеко разнесенных параллелях: от Венеры песчинка – к лику Земли, от умершей красавицы пылинка – к челу красавицы сегодняшней. Подобное тянется к подобному.

Правда, в этом случае мы вынуждены допустить, что астроном Хайям знал: «падушие звезды» – частички планетного материала. Но почему бы и нет? Еще до него великий астроном Бируни приравнял Землю к другим планетам и утверждал, что она кружится вокруг Солнца; и эта точка зрения была легко воспринята персидскими и арабскими астрономами – не то что позже аналогичная концепция Коперника в Европе. (Справедливости ради отметим, что Бируни, заранее парируя критику со стороны богословов, авторами этой модели называл древнеиндийских астрономов, в частности Ариабхату, и предлагал ее не как соответствующую реальности, а как якобы только «удобную для

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org расчетов». Ученых, естественно, эта оговорка не вводила в заблуждение.)

914. Довольно-то довольно, однако сила инерции так велика, что эти привычные сравнения, от которых Хайям здесь отказывается, воскресают в переводах этого же четверостишия, например, у О. Румера:

На мир – пристанище немногих наших дней –

Я долго устремлял пылкий взор очей.

И что ж? Твое лицо светлей, чем светлый месяц,

Чем стройный кипарис, твой чудный стан прямой.

923. В «этом мире» субстанция Небытия организована так, что возникли различные предметы и их признаки, а после конца Вселенной они опять сольются в «том мире».

926. По критерию: вес = 543, 49-е место. Претендент на авторство: Аттар.

932. См. № 994.

933. См. № 632.

935. См. примеч. к № 87.

936. Поэты-переводчики сделали из этого четверостишия прелестный букет загадочных цветов, которые Хайям почему-то предпочитает остальным. Например – перевод О. Румера:

Когда под утренней росой дрожит тюльпан

И низко, до земли, фиалка клонит стан,

Любуюсь розой я: как тихо подбирает

Бутон свою полу, дремотой сладкой пьян.

Секрет четверостишия в том, что ГОНЧЕ – «бутон» – традиционный синоним уст возлюбленной (как и фисташка), а «полы /одежды/» в этом контексте так же точно переводятся и как «края /уст/».

944. Трудно, при всей искренности четверостишия, отделаться от ощущения, что этим экспромтом автор оправдывает кляксу, испортившую письмо.

946. См. № 961.

952. По критерию: вес = 552, 46-е место.

956. В переводе Я. Часовой это четверостишие истолковано как обращенное к Аллаху:

Зачем сперва Ты мне Себя раскрыл,

А после так жестоко отдалил?

Коль знал, что от меня Ты отвернешься,

Зачем меня скитаться в мир пустил?

961. № 946 и это четверостишие – варианты одного рубаи.

968. Здесь Восток – Хаверан (Хабран), расположенная в Хорасане провинция средневекового Ирана (в буквальном переводе на русский).

Проф. Хомайи сообщает («Тараб-ханэ», с. 139), что это четверостишие по ошибке включено в некоторые издания сочинений шейха Абу-Саида, который на самом деле написал такое рубаи:

Мне без возлюбленной в Хабране света нет,

В делах разлад, пока душе привета нет.

За встречу с ласковой, с желанной – тут же отдал

Сто тысяч жизней бы! Бесчестья в этом нет.

Позже, по словам Хомайи, одних ввело в заблуждение внешнее сходство, другие высказывали и вовсе неправдоподобное предположение, будто переписчики постепенно так сильно исказили стихотворение Абу-Саида и приписали его Хайяму.

972. По критерию: вес = 463, 100-е место. Претендент на авторство: Абу-Саид.

974. Псевдоним или прозвище великого поэта – Хайям – переводится как «палаточник»: либо шьющий палатки, либо живущий в палатке. В объяснение прозвища порой предполагают, что оно досталось по наследству, что отец или дед Хайяма шил палатки.

Не оспаривая этого, позволю себе поделиться одним наблюдением. «Омар Хайям», написанное скорописью, без надстрочных и подстрочных знаков, можно прочитать как «омр-е хайям» – «век палаточный», т. е. жизнь того, кто весь свой век проводит в кочевой палатке, в шатре. Это согласуется с отношением суфиев к собственному телу как временному обиталищу кочевого духа (а также с хайямовским образом человека в «шатре» небес).

Некоторые исследователи на том основании, что здесь о смерти Хайяма говорится в прошедшем времени, выводят, будто четверостишие написано не им; но, как мы уже убедились, это прошедшее время – привычный поэтический прием Хайяма. Жанр автоэпитафии так же древен, как и сама поэзия.

977. Храм – Бытие, две Двери его – рождение и смерть. См. также № 1074.

980. Близнецы – созвездие Близнецов.

985. Гулистан – «страна роз».

«До мерки „семьдесят“ наполнился мой кубок...»

Старческая усталость. Разочарование в научных трудах. Изгнание, скитания. Сомнения в реализуемости своего учения. Одиночество. Мысли о близкой

смерти.

987. По критерию: вес = 494, 75-е место. Претендент на авторство: Абу-л Атаи Ганджеви.

994. Седобородые – коллеги-ученые; это очевидно. Судя по сведениям о биографии Хайяма, последним периодом его жизни, когда он мог дружески общаться с учеными, даже приглашать их «туда, где пьют», были годы работы в обсерватории: до смерти Мелик-шаха в 1092 г., от силы плюс еще один-два года. Позже, когда Хайям преподавал в Багдаде, он был окружен не столько коллегами, сколько преследователями и вел, по свидетельству современников, жизнь замкнутую, практически ни с кем не общался. Следовательно, возраста в 70 лет Хайям достиг не позднее чем в 1094 г. Это еще один довод против того, чтобы 1048 г. считать годом рождения Хайяма, – в дополнение к аргументам, высказанным во вступительной статье. См. № 932, 1024.

997. Едва ли Хайям сокрушается здесь о том, что имел мужество переходить с устаревшей на новую систему взглядов. Скорей всего, «сто рукавов» – это труды, написанные ранее, которые, увы, не изъять из обращения, и невежды от науки будут смеяться, находя в них противоречия с трудами поздними, и утверждать, что Хайям был непоследователен.

1000 и 1001. Эти два четверостишия – заведомо авторские версии. Смысл – один, яркая завершающая строка – та же; но предыдущий текст пришлось автору, вспоминая свое рубаи, пересказать иными словами и иными образами. Эти «иные слова и образы» в обоих четверостишиях явно принадлежат одному автору. Кстати, так же воспринимали эту пару четверостиший и копиисты стихов Хайяма: пути этих рубаи по средневековым рукописям не совпадают, однако популярность их практически одинакова: № 1000 – вес = 273, 373-е место. № 1001 – вес = 280, 361-е место. Оба четверостишия впервые обнаруживаются в рукописях 1460 г. Табризи, сразу включив № 1000 в свою книгу, ко второму рубаи относился настороженно; но в конце концов и № 1001 он поместил в один из вариантов «Тараб-ханэ».

1005. Это довольно редкое четверостишие присутствует в книге «Тараб-ханэ» и в некоторых средневековых выписках из нее. Текст явно подпорчен в первой строке: «В саду когда-то был незрелый виноград кислым в начале /месяца/ Дея». По нашему календарю это конец декабря; откуда взяться в эту пору в саду «незрелому винограду»? Бессмыслица – именно благодаря слову ДЕЙ. Скорей всего, в авторском тексте было слово другое, например ВЭЙ (что графически очень похоже): «... при начале его /созревания/».

Благодаря чему виноград, вначале кислый, становится сладким? Как и откуда проникает «горечь», т. е. спирт, в вино?... Винная тематика обманчива: это – вопросы о главных законах Бытия. Завершается четверостишие предостережением от скоропалительных догадок: если кто-то валит топором дерево, чтобы сделать лютню, пусть тебе не кажется, что это срезают камыш на флейту. Это четверостишие переводилось ранее на русский язык, видимо, только С. Кашеваровым:

Горек виноград в дее-месяце висит.

Пусть он станет сладким – да вино-то ведь горчит!

Можно из чурбана сделать лютню топором.

Но кто же твой топор во флейту превратит?

«Топор» в последней строке подсказывает, что текст, с которым работал С.

Кашеваров, был еще более испорчен: БИШЕ (лес) благодаря простой описке превратился в ТИШЕ (топор), и четверостишие стало на редкость «загадочным»:

«В топор, говоришь, кто-то превращает флейту?» – причем С. Кашеваров перевел эту строку с точностью до наоборот. См. также комментарий к № 1298.

1009. Известен перевод В. Державина:

Повторенье, подражанье – мира этого дела.

Если бы не повторенье, жизнь бы праздником была, –

Награждались бы старанья, исполнялись бы желанья,

Тень угрозы бесполезной навсегда бы отошла.

Разница в трактовках, как видите, огромная. Чем же она вызвана? Различным прочтением одного-единственного слова, которое может значить и «подражание», «копирование», и «следование какому-либо учению».

1010. См. № 1095.

1013. Здесь уже «саки» – условное лицо, символ всего земного мира.

Многозначен художественный образ в третьей строке. «Вино» оказалось

настолько игристым, что постепенно выпенилось из бутылки – все!

«Обмахиваемую пену» можно понимать и как звезды, «смахиваемые» с ночного небосвода к утру, и как еженощно исчезающие с лица земли человеческие жизни, и, наконец, как условия жизни, которые в древности, в легендарный золотой век, были якобы заведомо лучше.

1014. В последней строке Хайям говорит, что, хотя его жизнь ХОШ (т. е.

хорошо) не протекала, в целом она ХОШ-ХОШ протекла. В издании 1959 г.

переведено так: «хоть и не всегда шла хорошо, но все же иногда проходила

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
приятно». То есть, надо понимать, «хорошо-хорошо». Соответственно звучат и основанные на этом подстрочнике стихотворные переводы.
Между тем ХОШ-ХОШ – понемногу, мало-помалу. Тот случай, когда удвоение слова меняет его смысл на почти противоположный. Здесь переводчик использовал аналогичный пример в русском языке (правда, в негативном отражении).

1015. Последняя строка – поговорка, которой Хайям придал парадоксальный смысл, трактуя «путь» как путь от рождения до смерти.

1016. Выражение «моя пола в грязи (или: в крови, в слезах)», помимо прямого смысла, может означать также: «я опозорен».

1023. Здесь это четверостишие прочитано как трагичное; обычно же его переводили как шутовое, вот перевод Гл. Семенова:

О вращенье небес! О превратность времен!

За какие грехи я как раб заклею?

Если ты к подлецам и глупцам благосклонно,

То и я не настолько уж свят и умен!

1024. См. № 994.

1025. «Сбегу наружу...» не просто из «кабака», но из жизни.

1028. Даже если и существует переселение душ, никакой конкретный человек, увы, не возрождается заново.

1032. По критерию: вес = 579, 38-ое место. Претендент на авторство: Закани.

1033. Здесь я опирался на версию текста, которую нахожу безупречной во всех отношениях. Однако в книгах Николая и Тиртхи приведен иной вариант (ему соответствуют переводы А. Янова и Н. Леонтьева, а потом Р. Грищенко). Там испорчена рифма. Нелепо звучит окончание первой строки: «Притеснений людских не домогаемся мы по ночам». Значит, днем – домогаемся? Один из возможных вариантов реставрации дал бы такой перевод: «Страданиям сердец людских не ищем мы порицания».

Последние строки четверостишия в тех изданиях также малопонятны, если ДЖАМОЛ переводить как «красоту» (как в избранной мною версии), поскольку отсутствует союз «и» в сочетании «богатство и красота», и получается: «На богатство красоты своей не опирайся, ибо то ночью украдут и это – ночью». Отсутствует предварительное перечисление. Введение союза «и» (по образцу моей версии) не объясняет: почему «красоту» украдут именно «ночью»?

Времени, судьбе или «лихорадке» не заказан и день.

Впрочем, арабы «стадо верблюдов» и «нечто прекрасное» обозначают одним и тем же словом ДЖАМОЛ – с обоими этими смыслами оно и проникло в персидский язык. Если здесь понимать его как «верблюды», тогда и предшествующее слово читается уже не как просто «богатство», а как «имущество в виде скота»: «На имущество /в виде/ верблюдов своих не опирайся, ибо того украдут ночью и этого ночью».

Все это далеко от стиля Хайяма; но, возможно, именно таким запомнил кто-то это четверостишие – так и записал, придав ему новый интересный смысл, привлекавший потом многих переписчиков:

Неужто бросим мы упрек ночным сердцам

За вопли: «Господи!..» – по всем ночным дворам?

Не очень-то спеши считать своих верблюдов:

Пригланется один, другой ночным ворам...

1034. В некоторых вариантах не Нишапур, а Багдад.

1037. Когда багрянник, или иудино дерево, сбрасывает кору, обнажившийся ствол приобретает багрово-красный цвет.

1046. По критерию: вес = 473, 88-е место.

1050. Ревностные мусульмане побивают камнями нарушителей шариата.

1052. Небосвод, распластавшийся над землей, здесь похож на пьяного, который не может подняться с четверенек.

1056. По первой строке этого четверостишия мне удалось вычислить дату его написания: 15 марта 1111 года. В переводе эта информация сохранена.

В этот день праздновали бы Навруз – Новый год по солнечному календарю, приходящийся на день весеннего равноденствия. Однако накануне, 13 или 14 марта, начался Рамазан. Такое совпадение, почти день в день, пришлось на жизнь Хайяма лишь единожды, и неудивительно, что свою досаду он излил в едком экспромте.

1060. Иногда хайямовские стихи из разных рукописей образуют цепочку текстов между двумя сходными по форме и по рифмам четверостишиями, по сути же – различными. Когда отпали подозрения, что одно из них – подражание или «ответ», когда соблюдены стиль и уровень Хайяма, допустимо предположить, что оба они – авторские. Например, поэт пытался вспомнить давнее четверостишие, от которого в памяти остались ритмический рисунок, рифма и звучание рифмы. Или – сознательно переделал его... Внешнее сходство двух текстов потом провоцировало переписчиков создавать промежуточные варианты, в которых и образы обеднены, и мысли упрощены, и поэтическая логика

нарушена.

Даже на фоне таких не очень редких примеров выделяется куст из одиннадцати вариантов с рифмой на ШАРОб (вино) и редифом ОВЛИТАР (лучше всего). Сопоставление их показывает: мы имеем здесь дело уже с тремя авторскими текстами. Два из них присутствуют в чистом виде в источниках, в этой книге они помещены под № 440 и 1060, третий легко реставрируется из тяготеющих друг к другу вариантов – № 208.

Первоисходным был, судя по всему, № 208. Его форма – наиболее изощренная, что естественно для стихотворения создаваемого, а не вспоминаемого. В двух других – форма облегченнее, в них присутствуют как бы фрагменты первоначальной конструкции; зато авторская мысль звучит более мудро и ясно, след жизненного опыта – отчетливей.

1072. По критерию: вес = 623, 22-е место.

1074. См. № 977.

1075. См. № 968.

1080. По критерию: вес = 510, 67-е место. Претендент на авторство: Хакани.

1082. По критерию: вес = 666, 16-е место. Претендент на авторство: Обаид Закани.

1084. Известны такие переводы этого четверостишия (по порядку: И. Тхоржевского, О. Румера и Г. Плисецкого):

Сказала рыба: «Скоро ль поплывем?

В арыке жутко – тесный водоем». –

«Вот как зажарят нас, – сказала утка, –

Так все равно: хоть море будь кругом».

Рыбешка молвила: «Эй, утка, коль вода

Из арыка уйдет, – вот будет нам беда!»

А та в ответ ей: «Нас до той поры зажарят,

И дела до ручья не будет нам тогда».

Рыба утку спросила: «Вернется ль вода,

Что вчера утекла? Если – да, то – когда?»

Утка ей отвечала: «Когда нас поджарят –

Разрешит все вопросы сковорода!»

Художник по этим переводам может изобразить рыбу и утку неспешно плавающими в арыке за философской беседой о будущей сковородке, а читателя – ломающим голову: что же именно спрашивала рыба? Между тем у Хайяма-то они беседуют уже на вертеле! Дословно:

С уткой разговаривала рыба среди пыла и жара:

«Не беда! Из ручья ушедшая, вернется вода!»

Утка сказала: «Раз уж я и ты превратились в жаркое,

Земная жизнь после смерти нашей – хоть море, хоть ручеек».

Опять тот же хайямовский прием, порождающий парадоксы и ставящий

переводчиков в тупик: говорить о своей смерти – в прошедшем времени

(поэтому, возможно, и первую строку они предпочитали понимать так: «С уткой разговаривала рыба с пылом и жаром»). Рыба попросту не успела понять, что обе они уже мертвы, жар очага кажется ей солнцем, доставшим ее на дне пересохшего ручья.

1085. Табризи в «Тараб-ханэ» сопровождает это четверостишие легендой:

«Рассказывают, что Хайям был к охоте страстно привержен; однажды охотился он в сельской местности в окрестностях Астрабада; и, как обычно, был там пес – щенок, на зверя натаскиваемый. Внезапно кабан настиг щенка, и тогда хаким произнес это рубаи».

1087. См. № 1117.

По критерию: вес = 477, 86-е место. Претендент на авторство: Аттар.

1089. Ман – мера веса, по одним данным, около 3 кг, по другим – около 0,5 кг.

Здесь Хайям говорит о троекратном разводе – по старинному обычаю, освященному шариатом: муж должен, выйдя на площадь, трижды прокричать формулу отречения от своей жены, после ее третьего произнесения развод считается состоявшимся.

1094. Уд – 1) алойное дерево каламба, из которого делают благовонные палочки; 2) арабский музыкальный инструмент типа лютни.

1095. См. № 1010.

1100. См. № 229.

1105. Автор цитирует приведенное Платоном изречение Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю».

По критерию: вес = 735, 7-е место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Фахр Рази.

1106. Четверостишие подробно разобрано во вступительной статье.

1114. См. № 1118.

1115. См. № 1190.

По критерию: вес = 560, 41-е место. Претендент на авторство: Наджмуддин

Рази.

1117. Авторский вариант – см. № 1087.

1118. См. № 1114.

1124. Хум – большой кувшин, в данном контексте – для изготовления вина. Есть разные варианты первой строки: «Когда умру, праху моему исчезновение устройте» и «... прах мой скромно снарядите /в последний путь/». О. Румер едва ли правомерно передал это так: «Прошу могилу мне с землей сровнять». Главное в четверостишии – завещание, как в будущем поступить с прахом. Но если могилу «с землей сровнять», место захоронения затеряется, завещание выполнить не удастся.

1128. «В шести... в пяти... в одном!» – количество оставшихся в живых. Редкий художественный прием, демонстрирующий бег времени: несколько лет – когда один за другим уходили из жизни последние пять друзей автора – сжимаются до нескольких секунд, пока произносится первая строка.

1137. В рамках образной системы Хайяма это четверостишие является не чем иным, как гордым духовным завещанием. Это – как «Памятник» Горация–Державина–Пушкина. Если «дух хмельной» понимать как жизнелюбивое идейное и литературное наследие поэта (а как же иначе?), то можно видеть, что и содержание и композиция стихотворения очень похожи на «Памятник». Четверостишие отличается тщательностью отделки и формой одновременно изощренной и строгой.

Ради воспроизведения формы четверостишия пришлось пожертвовать зачином (не таким уж обязательным в данном случае): «Столько выпью вина, чтобы...» «Душа вселенной – мы...»

Напутствия Хайяма современникам и последующим поколениям, уроки высокой морали и гуманности. Образ человека и человечества среди Вселенной.

1141. Дэв – демон, бес.

О. Румер перевел последние строки так: «Ты зверь и человек, злой дух и ангел ты: все, чем ты кажешься, в тебе таится вместе». Текстуально близко, однако мысль оригинала искажена. У Хайяма – речь не о смешении божественной и дьявольской сущностей в человеке, а о том, как человек меняется, в сути своей становясь тем, что в данный момент ему видится (или каким он сам себе видится). Поэтому третью строку надо читать как перечисление не «сущностей» человека, постоянно присутствующих в смеси, а его сменяющихся «видений», представлений, благодаря которым тут же меняется и он сам. Эта трактовка подтверждается четверостишием № 1142, где та же мысль высказана более четко.

1144. В одной из версий последние строки таковы: «Так не выпустим чашу вина из рук! Наслаждаемся и радуемся – ни трезвые, ни пьяные». В другой: «Вот так! Пусть же не выпустим чашу вина из рук: в неведении живет человек – хоть трезвый, хоть пьяный». Смыслы различны, но там и тут легко понятны. Другое дело – древнейший текст из «Тараб-ханэ» и совпадающий с ним текст из рукописи 1475 г.: «Вот так! Пока не вручим /ему/ чашу вина из /своих/ рук, в неведении живет человек, хоть трезвый, хоть пьяный». Этот текст, наиболее хайямовский по духу и неожиданности, нуждается в расшифровке. Здесь явно переплелись разные смыслы его «хмеля». Можно предположить, что «хмельной» – значит «радующийся жизни», но «вино» здесь – процесс либо научного познания, либо приобщения к хайямовскому учению.

По критерию: вес = 561, 40-е место.

1148. Не исключено, что это четверостишие Рудаки.

1166. Та же идея, что и в четверостишиях № 1141 и 1142: даже затаенная мысль служит реальной, преобразующей мир силой. В тех стихах преобразуемым объектом является сам автор мысли, а здесь – другой человек.

1169. По критерию: вес = 673, 12-е место.

1171. Слушателям автора наверняка была знакома поучительная история про ученика плетельщика веревок. Но с тех пор прошла почти тысяча лет, и ваш переводчик ее, увы, не знает. Может, она попадет читателю где-нибудь в сказках «Тысячи и одной ночи» или в средневековых народных повестях...

1173. Симург – сказочная птица, избегающая людей, живущая на горах Каф, опоясывающих земной мир.

1175. Чтобы «божественная» полная предопределенность будущего стала не властна над тобой, надо прежде всего убедить самого себя, что она не властна над тобой! – здесь практическое применение той способности человека к изменению и своей сути, и окружающего мира, о которой говорится в № 1141, 1142 и 1166.

1176. «... незнания не знания» – формалистический изыск не переводчика, а самого Хайяма, воспроизведенный дословно.

1180. По критерию: вес = 585, 35-е место.

1181. По критерию: вес = 616, 29-е место. Претенденты на авторство: Афзал Каши, Абу-Саид.

Приложение

I. Хайям?...

Стихи из средневековых рубайятов Хайяма, которые переводчик по тем или иным причинам считает сомнительными. (Однако нельзя забывать, что все эти рубаи для читателя на фарси, а частично и для русского являются, как литературный факт – в традиционном восприятии, – работой Хайяма.)

Они сгруппированы здесь следующим образом:

№ 1189–1192 – четверостишия, ведущие происхождение от стихов Хайяма, но сильно искаленные.

№ 1193–1236 – стихи, где авторство Хайяма переводчик полностью исключить не может, хотя сомневается в нем. Значительная их часть – суфийские стихи.

Далее – стихи, заведомо написанные не Хайямом.

№ 1237–1252 – подражания и подделки под Хайяма.

№ 1253–1293 – чужие, стилистически чуждые стихи, попавшие в его рубайяты случайно.

№ 1294–1305 – также чужие стихи, но присутствие которых в хайямовских рубайятах оправдано: «ответы» Хайяму и источники для его «ответов».

«Ответы», которые самому Хайяму никогда не приписывались и в его рубайяты не попали, здесь, разумеется, не приводятся; некоторые из них можно увидеть во вступительной статье и в комментариях.

№ 1306 – чье-то посвящение Хайяму как автору цикла любовных стихов.

Все эти оценки целиком на совести переводчика и могут, естественно, оказаться ошибочными.

Указанные в этом разделе ссылки на предшествующие переводы – по изданиям ранее 1992 г.

1189. Это почти до неузнаваемости искаженный вариант рубаи № 377.

Текстуально они совпадают на четверть, на уровне синонимов – наполовину;

однако смысл здесь уже однозначно тот, который можно увидеть в четверостишии № 377, если считать там первые строки не цитатами, а собственными авторскими мыслями. Похоже, кто-то, упрощенно-прямолинейно поняв исходное четверостишие и возмущившись «неуклюжими» оборотами в тексте, мешающими такому толкованию, заново переписал стихотворение, чтобы и звучало гладко, и выбранный «редактором» смысл не вызывал сомнений.

Оба четверостишия очень широко распространены. По данным Тиртхи, № 377 присутствует в 59, а № 1189 – в 41 из 90 источников. Однако вот любопытная деталь: в рукописях, созданных ранее 1550 г., четверостишие № 1189 встречается только 3 раза, причем не самостоятельно, а лишь изредка сопутствуя рубаи № 377, которое присутствует в 18 из таких рукописей. Здесь – косвенное подтверждение высказанной догадки.

Есть русский перевод: А. Щербаков.

1190. Слияние четверостиший № 1115 и № 1093.

1191. Основа – четверостишия № 339, 578, 663, 666, 694.

Русский перевод: Г. Плисецкий.

1192. Образ в первой строке, мало соответствующий стилю Хайяма, заставляет предположить: это была чья-то попытка вспомнить четверостишие № 740.

Русские переводы: Л. Некора, Г. Плисецкий.

1195. Возможный автор – Абу-Саид.

1197. По суфийскому учению, дервиш – странствующий суфий – благодаря отказу от всех жизненных благ и подавлению страстей обретает главное сокровище земного существования: высшую мощь духа, какой никогда не достигнет изнеженный султан.

1198. Это четверостишие есть только в поддельных рукописях, послуживших основой для Издания 1959 г., и в одной из поздних копий «Тараб-ханэ», найденных Хомайи. Русские переводы (на основе Издания 1959 г.): В. Державин, Н. Стрижков.

1199. Али – Али ибн Аби Талиб, глубоко почитаемый шиитами.

1200. Русские переводы: В. Державин, Г. Плисецкий, Н. Стрижков.

1202. Русский перевод: Ф. Корш.

1205. Русский перевод: О. Румер.

1206. Тиртха обнаружил это рубаи лишь в двух источниках (1524 и 1797 гг.); присутствует оно также в поддельной рукописи, положенной в основу Издания 1959 г. В переводах же на русский язык оно известно не менее чем в 5 вариантах. Четверостишие действительно красиво, но далеко от поэтической манеры Хайяма. Русские переводы: В. Державин, Г. Плисецкий, Гл. Семенов, Н. Стрижков, С. Северцев.

1208. Присутствует только в одном хайямовском источнике; приписывается также Аттару.

1211. По-суфийски двусмысленный текст: если синоним Аллаха – «Друг» – понять как слово «подруга», четверостишие воспринимается как гедоническое и крамольное.

1212. Яхья – персонаж Корана, сын Закарии. Четверостишие приписывается также Аттару.

1216. Здесь «Саки» – Аллах.

1217. Животворящая «слюна Саки» – довольно частый образ в суфийских стихах, где под Саки чаще всего подразумевается сам Всевышний.

1221. Четверостишие, довольно популярное как хайямовское – и в рубаиятах (начиная с 1462 г.), и в русских переводах. Однако стилистические особенности заставляют усомниться в авторстве Хайяма и с большей вероятностью предполагать, что его автор – Ибн Сина, учитель Хайяма. Вероятно, это один из тех весьма редких случаев, когда составитель «Тараб-ханэ» ошибся, хотя и тщательно отсортировывал четверостишия Хайяма. Именно благодаря ему это стихотворение попало в хайямовские рубаияты. Русские переводы: О. Румер, В. Державин, Г. Плисецкий, Гл. Семенов, Н. Стрижков.

1223. Предполагаемый автор – Аттар.

1225. Хайяму это прелестное четверостишие приписывается только в одном источнике. Его автор, скорей всего, либо Абу-Саид, либо Кирхани.

1226. Переведено на русский язык В. Державиным как произведение Саади.

1229. Это четверостишие широко распространено в хайямовских рубаиятах, включено в книги Никола и Тиртхи. Однако по ряду признаков я вынужден усомниться в авторстве Хайяма. Генезис рукописей показывает, что фактически это рубаи проникло в них из неизвестных источников только дважды: в рукописи 1430 и 1460 гг., откуда и попало во все более поздние списки. По критерию вес четверостишия = 127 (по традиционному критерию, без учета генезиса, он был бы равен 416).

В пользу моего сомнения говорит и то, что составитель «Тараб-ханэ» не включил это четверостишие ни в одну из версий своей книги, хотя (как показывает компьютерный анализ) он был знаком с упомянутыми рукописями и позаимствовал из них по два десятка рубаи. Не соблазнило его даже то, что в этом четверостишии есть слово ТАРАБ-ХАНЭ («Дом Радости»).

Тиртха не обнаружил других претендентов на авторство; однако в переводе на русский язык (В. Кафаров) это четверостишие приписывается Мехсети Гянджеви.

1232. Русский перевод: О. Румер.

1234. В хайямовских рубаиятах четверостишие впервые появляется только в 1727 г. Возможный автор – Аттар. Любопытная деталь: зачин четверостишия – обращение к возлюбленной: «ДЖОНО!» («Душа моя!»). Хайям никогда не использовал это слово. Впрочем, если говорить точнее, это обращение можно встретить еще в двух рубаи (из более чем 1300!). Одно из них – рубаи № 861, где оно звучит уместно. Однако, если бы Хайям пользовался таким обращением, он наверняка использовал бы его десятки раз. Следовательно, либо целиком рубаи № 861, либо это слово там – чужое. Второй случай – рубаи № 706. В ряде рукописей – текст, который я считаю правильным: «Мы и Ты вместе – образцом циркуля являемся». В других рукописях: «ДЖОНО! Я и ты – образцом циркуля являемся...» Последний текст, который, хотя бы уже только благодаря слову ДЖОНО должен считаться испорченным, карикатурно смещает весь смысл четверостишия, делает его из глубоко философского – откровенно порнографическим, что прекрасно передано в переводе Г. Плисецкого.

1236. Русский перевод: А. Кушнер.

1237. Подражание рубаи № 219.

1238. Еще одно подражание № 219. Хотя повторение рифмы в последней строке и оправдано смыслом, не исключено, что это редкое четверостишие разрушено временем.

1246. Русский перевод: С. Ботвинник.

1249. Русский перевод: А. Кушнер.

1252. Четверостишия, начиная с № 1237, сочтены подражаниями: они близки к содержанию и духу стихов Хайяма (некоторые – ранних), но в каждом из них обнаруживается чуждая творческая манера. Так, данное рубаи – подражание Хайяму, безупречное в первых строках, в последних же близкое ему только по мыслям, но далекое по стилю. «Стекло витое» как синоним кубка самим Хайямом никогда не применялось. В конце – неуклюжая попытка создать игру слов: «... ибо конец всех дел – могила. Даже если ты Бахрамом станешь, в конце концов – в могиле (ГУР) будешь», с намеком на прозвище царя: Бахрам Гур. Первое упоминание «могилы» идет явно от опасений автора, что без предварительной подсказки его не поймут; поэтому излюбленный Хайямом эффект неожиданности здесь смазан.

Арасту – Аристотель; Хайям изучал и пропагандировал его труды, но никогда не упоминал в стихах ни его, ни кого-либо иного из европейских мыслителей и героев (даже исключительно популярного в персидском фольклоре Искендера – Александра Македонского).

Русский перевод: О. Румер.

1253. Здесь и далее – стихи, не имеющие со стилем Хайяма ничего общего; надо полагать, они попали в его рубаияты случайно.

1254. Четверостишие приписывается также Афзалу Каши. Этот поэт справедливо

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org считается интересным, почти не уступающим Хайяму и очень на него похожим. Благодаря путаникам-переписчикам Афзал «оспаривает» у Хайяма чуть ли не четверть всех его четверостиший.

1256. Очень похоже на суфийский период Хайяма; но приписывается Хайяму только в одной рукописи 1497 г. Автор, по всей видимости, – Афзал Каши.

1264. Возможный автор – Ибн Сина; именно как его произведение это четверостишие переведено Я. Козловским.

1266. «Ла Аллах илля Аллах!» – по-арабски: «Нет Бога кроме Бога!»

1267. Истина – здесь: Бог. Четверостишие обнаружено только в суфийской рукописи середины XVI в., о которой говорится во вступительной статье. Ни «сандалии страстей» на «ногах сердца», ни гора Синай (Тур), ни ссылки на пребывание Моисея (Мусы) на ней, ни какие-либо аналогичные сюжеты и образы в стихах Хайяма не встречаются.

Сандалии – намек на текст из Корана. Муса увидел огонь и пошел к нему, надеясь либо вернуться к семье с факелом, либо расспросить про верный путь. И вдруг слышит из пламени: «О Муса! Воистину, я – твой Господь, сними же свои сандалии! Ты ведь в долине священной Тува» (Коран, сура 20, ст. 9-12).

1268. Айюб – библейский Иов. Творец испытывал его веру, насылая невыносимые лишения и болезни.

1269. В оригинале не «мох», а «солома»: фигурирующая во многих пословицах контрастная пара «гора и соломинка».

1270. Русский перевод: В. Державин.

1271. Автор – Аттар?

1272. Помимо Хайяма, приписывается также Абу-Саиду.

1273. Как хайямовское, это четверостишие опубликовано в переводе Ц. Бану. В чуть ином виде оно присутствует в собрании стихов великого поэта Рудаки (ок. 860–941):

Коль властвовать собой ты можешь – ты мужчина.
Судьбой калек себя тревожишь – ты мужчина.
Совсем не мужество – упавшего пинать.
Коль встать упавшему поможешь – ты мужчина.

1274. Русский перевод: Гл. Семенов.

1275. Как произведение Хафиза, на русский язык переведено Н. Гребневым. Впрочем, и на стихи Хафиза этот прямолинейный стиль не очень-то похож.

1276. Это изящное четверостишие лишь в одной из рукописей приписывается Хайяму; по мнению иранских исследователей, оно принадлежит Шахиду Балхи – поэту, жившему за полтора века до Хайяма. Как стихотворение Балхи, оно известно в переводе В. Левика:

Бродил я меж развалин Туса, среди обломков и травы.
Где прежде петухи гуляли, я увидел гнездо совы.
Спросил я мудрую: «Что скажешь об этих горестных останках?»
Она ответила печально: «Скажу одно – увы, увы!»

1277. Я поместил это четверостишие здесь, среди «чужих», из уважения к мнению А. Ш. Шахвердова: «Это порнографическое рубаи ни в коем случае не могло быть написано Хайямом!». В значительной степени я с ним согласен, но... Во-первых, Хайям – далеко не всегда строгий ревнитель изящной словесности. Во-вторых, это четверостишие весьма популярно в хайямовских рубайятах. По критерию: вес = 408, достаточно почетное 136-е место! Впервые оно появляется в рукописи (утраченной, восстановленной мною с помощью компьютера) приблизительно 1420 г. Табризи избегал брать его для своей книги, но в одной из версий «Тараб-ханэ» оно все же присутствует.

1278. В средневековых хайямовских рубайятах немногочисленные четверостишия, имеющие не пародийный, а серьезный душок «голубизны», буквально все имеют сомнительное происхождение. Так и это рубаи. Оно встречается только однажды – в рукописи 1571 г., содержащей 75 четверостиший. Любопытно, что в этой рукописи компактной группой (с 14-го по 32-е место) расположены широко распространенные рубаи Хайяма, в основном восходящие к «Тараб-ханэ»; остальные стихи, их окружающие, не встречаются больше нигде.

Данное четверостишие серьезно испорчено, его пришлось реставрировать. Первую правку сделал Тиртха, восстановив рефрен «Не знаю» в первой строке. Вторая правка – моя. В рукописи последняя строка начинается словом ПАРРИ («пушинка»): «Не знаю: пушинка этот мальчик или человек?» Нелепо. Я предположил, что переписчик принял случайную помарку за знак удвоения и что раньше здесь было слово ПАРИ («пери», «гурия»).

1279. Четверостишие из той же рукописи, ближайший сосед № 1278.

1280. Возможный автор – Саади.

1282. «Приставалка» нищенствующего дервиша. Стихи, где то вымаливают, то в оскорбительной форме требуют подаяния, – специфический жанр в суфийской поэзии.

1284. Дас – скребок, которым чистят копыто у коня. Благодаря металлической тарелке, которую бестолковый юный небесный кузнец использует вместо

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
подковы, «копыто»-месяц становится круглой луной! Возможный автор – Мехсети Гянджеви.

1290–1293. Четверостишия, посвященные пророку. Среди стихов из основной подборки, хоть и есть упоминания пророка, прямых посвящений ему не обнаружено ни одного.

1293. Четверостишие, демонстрирующее виртуозную поэтическую технику. Построено на нисходящем ряде числительных (точнее, восходящем из муравьиного мельтешения множественных величин к божественному числу «один»). Посвящено пророку. Чтобы адекватно передать содержание, пришлось поступиться размером, принятым во всех остальных переводах.

1294. Возможно, это «ответ» на четверостишие № 74.

1295. Злобный «ответ» на рубаи № 309. Русский перевод: Г. Плисецкий.

1296. См. примеч. к № 468.

1297. Похоже, это сатира богословов на Хайяма, причем написанная уже после «привала», т. е. после его смерти. Впервые это четверостишие появляется в рукописи 1528 г., в ее второй части (весьма сомнительной по содержанию: хотя присутствующие там 154 рубаи внесены в хайямовские реестры, 87 из них, как показывает математический анализ, – чужие).

1298. Некоторые авторитетные исследователи считают это рубаи ошибочно приписанным Хайяму. Судя по всему, они правы. Обращение к Хайяму по имени заставляет предположить: не «ответ» ли это? Действительно, среди стихов Хайяма есть одно четверостишие, построенное на тех же рифмах и близкое по теме. Но сопоставление их показывает: это рубаи № 1298 не «ответ», напротив, это чье-то исходное обращение к Хайяму, а № 1005 – «ответ» Хайяма.

Если это действительно так, содержание рубаи № 1005 во многом проясняется. «Кислый», потом «сладкий виноград», а потом «горечь винная» теперь уже читаются как состояния человеческого духа в детстве – в юности – в старости. И не себя ли видит поэт «лютней, сделанной из срубленного дерева», не требует ли он не подходить к нему с мерками, по каким судят «камышовые флейты» – обывателей?

Русский перевод: А. Щербаков.

1299. Это рубаи традиционно включается в списки произведений Хайяма. Однако Табризи, составитель «Тараб-ханэ», сообщает, что это четверостишие – ответ «его высочества шейха Абу-Саида Абольхира – да освятит Аллах его могилу почитаемую!» – на стихотворное послание Хайяма (см. вступительную статью, где оно предполагается «ответом» на № 601).

Русские переводы: О. Румер, Г. Плисецкий, Гл. Семенов.

1300. Чей-то «ответ» на № 378. По сообщению Тирт хи, в одной рукописи 1460 г., где рубаи № 378 приводится как хайямовское, в то же время высказано предположение, что его автор – Мурдута Каландар, обратившийся с этим рубаи к Сейяду Ниаматуллаху и получивший от него стихотворный «ответ» – № 1300. Так или нет, рубаи № 378 полностью соответствует и стилю Хайяма, и его ироничности.

1301. Скорей всего, это – «ответ» на какое-то четверостишие Хайяма. Некий всезнайка, с которым общается Сам Всевышний Кравчий, высокомерно ставит на место Хайяма, задающего вопросы – и не получающего ответов, не знающего даже, где «дверь», сквозь которую он мог бы обратиться ко Всевышнему. По форме и по содержанию источником для этого «ответа» могло быть рубаи № 90, 317, 482 или 531, но вернее всего – № 170.

Русский перевод: И. Тхоржевский.

1302. «Ответ» на рубаи № 717. Тиртха принял эти два текста за варианты одного четверостишия. Най – флейта или тростниковая дудочка.

1303. Дружелюбный «ответ» на № 589.

1304. Русский перевод: А. Кушнер.

1304 и 1305. Предположительно – источники для «ответов» Хайяма: четверостиший № 200 и 201. См. вступительную статью.

1306. Скорей всего, это четверостишие – как посвящение автору – сочинил неведомый составитель небольшого цикла любовных стихотворений Хайяма. Впоследствии цикл, в виде самостоятельного списка до нас не дошедший, вошел в сводный рубаиат, а это четверостишие-посвящение по недоразумению было приписано Хайяму, отделено от сопровождаемых им стихов и заняло в сводном рубаиате место по алфавиту, отведенное ему новым составителем.

Если такое предположение правильно, полезно заглянуть в списки, содержащие данное рубаи: найдутся ли там еще какие-то следы того «небольшого цикла»? И действительно. По данным Тиртхи, это рубаи встречается только в двух рукописях: 1460 и 1851 гг. Хотя эти рукописи заметно различны по содержанию и хотя их разделяют четыре столетия, есть пять любовных четверостиший, которые присутствуют только в них обеих – и больше нигде: рубаи № 885, 886, 889, 904 и 920. Это явно фрагмент того цикла. Возможно, из него же почерпнуты и другие любовные стихи, более распространенные, также вошедшие

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
в обе эти рукописи: № 898, 923, 926, 927, 933 и 934.

II. Варианты

Эти варианты, в сущности, в комментариях не нуждаются. Гораздо лучше, если внимательный читатель сам обнаружит в них подмены или упрощения образов и мыслей, разрушение стройной образной системы (тем более что про самые яркие случаи уже сказано во вступительной статье и в комментариях). Это поможет ему почувствовать, с какими проблемами приходится сталкиваться переводчику. Многие переводы Хайяма на русский язык, к сожалению, восходят как раз к подпорченным вариантам.

Особое внимание хотел бы я обратить на изящный вариант в форме «мустазод» (рубаи с дополнительными короткими строками) № 657. Его автор поставил себе не такую уж простую задачу: вставить эти строки не в новосочиняемый, а в готовый чужой текст, не исказив в нем ни одного слова, и чтобы в итоге тоже вышло интересно. Я как переводчик столкнулся с подобной же задачей, поскольку встретил этот вариант, когда основной перевод у меня уже был.

Словарь

Адам – прародитель человечества; мусульманами почитается как один из шести великих пророков.

Амбра – дорогое благовонное воскоподобное вещество, образующееся в пищевом тракте кашалота.

Балх (в древности – Бактры) – город на севере современного Афганистана.

Бахрам Гур – полубогатый царь из династии Сасанидов (образ восходит к историческому шаху Варахрану V, правившему в 420–438 гг.), прославленный охотник на онагров (диких ослов).

Дервиш – член суфийского братства (они стали возникать уже в IX в.).

Джамшид, Джам – мифический царь Древнего Ирана. Положил начало государственности, разделил людей на четыре сословия, научил людей носить одежду. В его царствование не было ни болезней, ни смерти, ни вражды.

Установил царствование Нового года (Наврुза) в день весеннего равноденствия. Имел волшебную чашу, в которой можно было видеть все происходящее в мире («Джамшидов кубок»).

Джейхун – Аму-Дарья (в старом русле, когда она впадала в Каспийское море). Друг – Аллах.

Земзем – священный источник близ Каабы в Мекке, который, по мусульманской легенде, чудом забил у ног младенца Исмаила, когда он и его мать мучились от жажды. Вода источника считается целебной, многие паломники увозят ее с собой в специальных сосудах.

Зороастризм – огнепоклонничество, религия, основанная Заратуштрой (по-гречески Зороастр, жил между X и VI вв. до н. э.). Вера в единого бога Ахурамаздру. Основной принцип: противопоставление добра и зла как двух «вечных начал».

Зуннар (зоннар) – 1) ритуальный пояс зороастрийцев; 2) красный волосяной пояс, отличавший в мусульманских странах иноверцев.

Зурна – букв.: «праздничная флейта»; духовой язычковый музыкальный инструмент вроде гобоя.

Иса – христианский Иисус Христос, почитаемый мусульманами как один из шести великих пророков – предтеч Мухаммеда, основателя мусульманства. Но мусульманский Иса – не Сын Бога, а человек.

Истина – помимо привычного нам смысла, также: 1) синоним Бога; 2) «хакикат» – третья (по некоторым классификациям, четвертая), высшая ступень на пути совершенствования суфия.

Кааба – букв.: «куб»; святыня доисламского периода, потом и главная святыня ислама, находится в Мекке, на Аравийском полуострове. Это небольшое здание кубической формы, в юго-западный угол которого вмурован «черный камень» (метеорит), ниспосланный людям с неба Аллахом в знак своего могущества и благоволения.

Кавсар – один из трех текущих в раю ручьев.

Казий – судья, единолично вершащий суд на основе шариата.

Калам – стило для письма, первоначально – тростниковое; в четверостишиях Хайяма волшебное стило, которое перед сотворением мира записало на скрижалях под диктовку Аллаха все будущее этого мира. В стихах оно же: Перо, Кисть.

Каландар – странствующий дервиш.

Кебаб – жаркое, изготовленное на вертеле.

Коран – священная книга ислама, написанная по-арабски. Для мусульман это откровения самого Аллаха, продиктованные Мухаммеду.

Кубад, Кей-Кубад – мифический царь Древнего Ирана из династии Кеянидов.

Лал – на языке фарси обозначение любого красного драгоценного камня (в отличие от русского языка, где лал – только рубин). У Хайяма лал – чаще всего так называемая благородная красная шпинель, ювелирный камень, добываемый в горах Бадахшана; в стихах он противопоставляется дорогому

индийскому рубину – яхонту.

Маги – жрецы-огнепоклонники. «Вино магов» – их учение, зороастризм. Поскольку вино у зороастрийцев не было запрещено и они содержали кабачки, куда тайком хаживали и мусульмане, «вино магов» может быть иногда и обычным вином. Но не следует поддаваться соблазну в стихах Хайяма «харабат» всегда читать как «корчму», «магов» – как «виноторговцев».

Майхана – букв.: «винный дом»; питейное заведение.

Марьям – Дева Мария, Мать Иисуса (Исы).

Меджнун – букв.: «безумец»; образ истинно влюбленного. Легенда о Лейли и Меджнуне легла в основу народных повестей, привлекла внимание многих выдающихся поэтов. Упомянуть эту пару то же самое, что в Европе назвать Ромео и Джульетту.

Медресе – в мусульманских странах средняя и высшая школа, готовящая служителей культа, учителей и государственных служащих.

Михраб – главное место мечети, ниша, указывающая направление на мекканскую Каабу. Молящиеся обращаются лицом в сторону Каабы.

Муса – библейский пророк Моисей.

Мускус – благовоние; добывался из мускусной железы кабарги (однако существуют и другие источники мускуса, в том числе растительные).

Муфтий – толкователь шариата, законовед; главный судья.

Намаз – мусульманская каноническая молитва, по пять раз в день, в строго указанные часы. Намазу предшествует обязательное ритуальное омовение.

Нишапур – город на северо-востоке Ирана.

Ной, Нух – в исламе один из шести великих пророков. Хайям нередко упоминает его в связи с легендой о спасении Ноя с семьей в ковчеге во время Всемирного потопа. Он награжден бессмертием (см. № 849).

Пери – красавица фея.

Пять – органов чувств.

Раджаб – 7-й месяц мусульманского лунного календаря.

Рамазан (Рамадан) – 9-й месяц мусульманского лунного календаря; месяц строгого поста, когда нельзя, в частности, принимать пищу от восхода до захода солнца. Вино в Рамазан запрещено безусловно.

Саз – струнный щипковый музыкальный инструмент, используемый ашугами.

Саки – виночерпий, кравчий.

Семь (небес) – планетные сферы: Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн. Планеты – зримые людям детали механизма, движущего все на Земле. Такое представление привело к мысли, будто наблюдение за планетами позволяет предсказывать судьбу, и породило астрологию. Хайям нередко жалуется на планеты, своим блужданием «опутывающие» человека.

Сулейман (Соломон) – легендарный царь, имевший волшебный перстень, дававший ему власть над духами. В исламе почитается как один из шести великих пророков. Легенда, по которой муравей, оказывая почтение пророку Сулейману, на празднике даропринесений принес ему ножку саранчи, и этот подарок был оценен пророком выше всех прочих, породила в стихах (в том числе у Хайяма) частое упоминание муравья рядом с Сулейманом.

Суфий – последователь суфизма, мистической ветви ислама.

Тар – многострунный щипковый музыкальный инструмент.

Тарикат – путь религиозно-нравственного совершенствования суфия. Суфизм насчитывает три этапа духовного развития для человека: шариат (обязательный для всех мусульман), тарикат (ученичество суфия) и хакикат (уровень развития, достигший которого – «ареф» – сам вправе стать учителем, проводником новичков по пути тариката). Для прохождения тариката обязательны наставник.

Тус – древний город на территории Ирана.

Феридун (Афридун) – потомок Джемшида, мифический царь Древнего Ирана, прославленный своей справедливостью. Царствовал, по одним преданиям, 200 лет, по другим – 500.

Хакикат – см. «тарикат».

Харабат – букв.: трущобы, развалины. У Хайяма встречается и в буквальном, и в четырех переносных смыслах: 1) место молений суфиев; 2) языческое капище зороастрийцев; 3) кабак, тайный питейный дом в «трущобах»; 4) весь этот мир – дряхлое Бытие. В последних двух смыслах это слово настолько традиционно в персидской поэзии, что применение его Хайямом в первых значениях нередко сбивает переводчиков с толку.

Хатем (Хотам), Хатем Тей – старейшина арабского племени, ставший легендарным из-за своей неслыханной щедрости.

Хизр – сказочное существо, нашедшее источник живой воды в подземном царстве, испившее из него и ставшее бессмертным.

Ходжа – влиятельный, уважаемый человек; богач; почтенный старец; учитель, наставник. Хайям обычно использует это слово в последнем смысле, имея в виду фанатичного религиозного наставника – объект едкой иронии.

Омар Хайям Рубаи. Полное собрание filosoff.org
Хосров, Кей-Хосров, Хосрой – мифический царь Ирана.
Чанг – музыкальный инструмент, род цимбал.
Четки – обычный атрибут благочестивого мусульманина. В них 99 или 33 бусины, помогающие отсчитывать 99 «прекрасных имен» Аллаха.
Четыре (стихии) – они же первоэлементы, из которых состоит Бытие: Огонь, Вода, Земля и Воздух. Древние и средневековые врачи объясняли почти любую болезнь избытком либо недостатком какого-либо элемента в человеке. Отсюда недалеко и до сходного объяснения любой невзгоды, и Хайям нередко ответственность за людские несчастья возлагает на игру стихий. Некоторые четверостишия – результат поэтической игры с перечислением всех Четырех стихий (в привычных названиях или словами-намекami).
Шабан (точнее, шаабан) – 8-й месяц мусульманского лунного календаря.
Шавваль – 10-й месяц мусульманского лунного календаря; месяц разговенья после поста.
Шариат – мусульманский свод законов, основанный на Коране и традиции.
Шесть (сторон, а также Шесть дверей) – стороны света, шесть направлений в трехмерном мире: север, юг, запад, восток, зенит и надир. У Хайяма это активная часть Бытия, наравне с роком и судьбой, Семью планетами и Четырьмя стихиями.
Эльяс – пророк в исламе (библейский илья, русский илья-пророк); его культ восходит к древнему ханаанскому божеству дождя, грозы, урожая и земледелия. Но, с другой стороны, согласно Корану, в Библии под именем Ильи упоминается Мухаммед.
Яхонт – рубин. Обычно в стихах Хайяма имеется в виду настоящий индийский рубин, в отличие от лала.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!